

Александр Цзи

БОГИ

БЕСКОНЕЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Данис Кременев родился в мире Приполярья спустя сто лет после Последней Войны. Остатки человечества больше не воюют, но почему-то сохранили многочисленные военные базы. Жизнь в Приполярье течет тихо и сонно — до тех пор, пока в Камень-град не является маг в маске.

...Данис теряет родных и близких, родной мир и даже умение ходить. Полупарализованный, но не сломленный, он мечтает снова встретить мага в маске и заставить его раскаяться в содеянном. Надежда все исправить возвращается, когда он встречает Богов Бесконечных Земель — посланцев великого города городов Антарапура.

Глава 1

Он лежал на плоской крыше приземистого каменного строения, глядел через изрядно потрепанный монокуляр на ночную равнину. Ее заливал свет двух лун — большой серебристой и маленькой, ржаво-красной.

Все было тихо и мирно.

Пока.

— Кажется, никого? — заговорил Базиль. Он понизил громкость голоса до минимума.

Дан Кременев отреагировал не сразу — продолжал тщательно изучать окрестности через оптику.

— Знать бы, — пробурчал он, — как от этой гадости избавиться раз и навсегда...

Равнина — абсолютно ровная, каменисто-песчаная, однообразная, с полосками мелких дюн. Тянулась она до горизонта, без холмов и возвышенностей. Дующий весь день знойный ветер с наступлением ночи угомонился, жар спал, но воздух оставался теплым, почти горячим, пропахшим сухим песком и пылью.

Позади Дана — засыпанные песком руины редких строений. Дом, на крыше которого сейчас возлежал Дан, единственное относительно целое здание на многие километры в округе.

Благодаря двум лунам видно было далеко. В серебристо-красном свечении пустыня казалась залитой кровью пополам с расплавленным серебром.

Вроде все спокойно. Но Дан прекрасно осознавал: спокойствие это ложное, ночные монстры явятся словно ниоткуда. Свалятся как снег на голову, вылезут из-под земли. Так было несколько ночей назад, когда Дан чуть не погиб. Спасло его только то, что он успел каким-то чудом добраться до подвала и забаррикадироваться там.

Сейчас в подвале уже не закроешься, твари разломали дверь перед тем, как уйти с рассветом, а починить ее невозможно: нечем и не из чего.

— Думаю, сегодня чудовища не придут! — заявил Базиль чуть громче. — И ты, Данис, сможешь наконец поспать...

— Я выспался днем, — пробурчал Дан.

Идиотский оптимизм Базиля временами нешуточно подбешивал. Но без спутника, в полном одиночестве, Дан давно рехнулся бы в этом не самом приятном месте. Если Базиль надоест окончательно, Дан его попросту выключит, а пока пусть развлекает...

Скорее всего, Дан все равно умрет, но не сейчас и не один. И не потому, что повесил руки.

— И думать тебе особо нечем, — добавил Дан. Оторвавшись наконец от монокуляра, он вперился мрачным взглядом в Базиля.

— У меня довольно высокий интеллект и процессор самого последнего поколения! — возмутился робот-нянька. Выглядел он как большой кот, гладкий и дымчато-серый. С короткими суставчатыми лапками, круглой башкой, огромными круглыми глазами изумрудного цвета и треугольными ушами, которые двигались на гибких шарнирах. На спине темнела панель солнечной батареи.

— Интеллект, тоже мне! Лишь бы болтать...

— Увы, других функций у меня не предусмотрено. Я должен морально поддерживать пожилых людей и людей с разными... проблемами. И еще у меня есть лапки, которыми

можно немного ходить...

Он повел мордочкой в сторону ног Дана и вроде бы смутился.

— О, прости, Данис, я не хотел...

— Заглохни. И не называй меня Данис, так меня называл только...

Дан смешался и не договорил. Шевельнулся, чуть сменив позу, и спина мгновенно отозвалась острой болью. Болевые импульсы пробежали электричеством по нервным узлам — такое и деду Григору при его радикулите не снилось.

Дан сцепил челюсти, чтобы не застонать. Бросило в пот. Он застыл, напряженный от пят до макушки, и боль медленно и неохотно отступила.

Если совсем не шевелиться, боли нет, да и то зависит от позы. Но совсем не шевелиться не получается — особенно когда пытаешься выжить в одиночку в страшном мире, полном чудовищ.

Ходить по-человечески Дан не может совсем, только ползать по-змеиному. Ноги не держат — вот дополнительная проблема помимо ужасной боли.

Базиль участливо спросил:

— Тебе больно?

— Нет, — почему-то соврал Дан. — Просто задумался.

— О чем?

Дан подумал, вытер испарину со лба.

— Что я такого натворил, что мне досталось такое веселье... Карма какая-то...

— Веришь в карму?

— Я верю в то, что все в мире происходит не просто так.

Все так же лежа на животе, он сунул монокуляр в карман. Поправил широкополую водонепроницаемую шляпу — он носил ее в основном днем, когда жарило солнце, хотя этот головной убор предназначался совсем для другого климата. Забыл снять с наступлением сумерек, привык к ней...

Взял свернутую велосипедную цепь, что лежала возле правого локтя. Сосредоточился и точным движением развернул во всю длину, стараясь при этом не сотрясать собственный позвоночник.

Цепь вытянулась в прямую линию. На секунду Дану почудилось, что она вырывается из его руки, будто некто невидимый тянет ее за другой конец, оттого она и вытянулась и сгибаться не собирается, вопреки законам физики.

Но рядом никого невидимого не было, кто тянул бы за цепь. Это сам Дан так научился. И не вполне понимал, как это у него выходит. Знал лишь, что сила, которая сейчас наполняет его руку и зажатую в ней цепь, похожа на ту, которая не позволяет вылиться воде из ведра, если его раскрутить как надо. Центробежная сила, вот.

Если цепь раскрутить, она бы тоже вытянулась и рвалась из сжатых пальцев. Но Дан каким-то образом научился вызывать эту силу, ничего не раскручивая.

Он опустил цепь на пыльную каменную поверхность крыши. Конец цепи завернулся в крюк и зацепил две доски, которые Дан приспособил под костыли из разломанной двери погреба. Они лежали далековато, рукой не достать. Пока Дан озирали окрестности, потихоньку отполз от них, а теперь тянуться к ним нет никакого желания.

С помощью цепи, наполненной упругой силой, он подтянул доски и разжал пальцы. Цепь моментально свалилась на камень, потеряв всю энергию и став обычной велосипедной цепью.

В этом доме еще до появления здесь Дана кто-то вдребезги разнес все, что только можно, включая двери, окна и мебель. Потом, видимо, тут не раз побывали грабители, которые вынесли все, что подвернулось. Чудом подвал с консервами не заметили: люк очень умело маскировался под часть пола. Осталось пустое, продуваемое пустынными ветрами здание.

Дану крупно повезло, что и говорить. Кроме подвала со снедью, в наследство от исчезнувших хозяев дома ему достался полузасыпанный песком колодец на заднем дворе с ведром на длинной веревке. Если бы не это везение, Дан умер бы от жажды, а ночные монстры позаботились бы о похоронах...

Подтянув к себе костыли, Дан взял цепь, сунул в карман. Помедлил минуту. Вдохнул полной грудью, выдохнул. Закрыв глаза и сжал челюсти. Потом открыл и, отчаянно цепляясь одной трясущейся рукой за каменный парапет крыши, а другой — за костыль, принялся вставать.

Это был очень сложный процесс. В позвоночник внизу словно вонзились раскаленные докрасна металлические штыри и медленно впивались все глубже и глубже...

От боли закружилась голова. Дан балансировал с бешено стучащим сердцем. И думать не хотелось, какая будет боль, если он упадет и тело при этом изогнется. А висящая за спиной тяжелая пушка ударит по спине...

Базиль наблюдал за ним слабо фосфоресцирующими глазами. Морда ничего не выражала, но уши немного двигались.

Опираясь на костыли, Дан проковылял к другому концу крыши. Опустился на колени, затем лег на живот. Боль начала медленно утихать. Проклятие! Дыхание с хрипом вырывалось из легких.

Базиль просеменил за ним следом, тихонько гудя сервоприводами.

Дан прильнул к монокуляру и мигом позабыл о боли. На темном серебристо-красном горизонте покачивались черные пятна.

Ночные монстры!

Много!

У него стянуло горло, ни звука не выдавишь.

— Ночные... монстры! — наконец просипел он.

— Может, они идут по своим делам? — как ни в чем не бывало предположил тупорылый робокот.

— Спросишь их сам? — огрызнулся Дан.

Лихорадочно принялся снимать пушку из-за спины. Она висела на ремне. Весила килограммов пять, не меньше. Представляла собой ребристую черную металлическую трубу с двумя рукоятками для рук и тугой спусковой клавишей.

Базиль занудно проговорил:

— В будущее надо смотреть оптимистично... Верить, что все наладится...

— Если всегда быть оптимистом, то не выживешь! Не высовывайся, Базиль!

Дан следил в монокуляр, как черные тени росли, обретали объем, приближались. Пять, шесть, десять... Пятнадцать монстров!

Твари бежали то на четвереньках, то поднимались на две задние ноги. Хвостов нет, пропорциями и размерами твари смахивают на людей, но шкура чешуйчатая, антрацитовая, жесткая как наждак, и руки-ноги примерно одной длины. Головы круглые, безволосые, с ушами как у летучих мышей. Глаза и зубы вроде бы тоже черные, не разглядишь.

Припомнилась книга, где было написано, что стрелять в приближающегося врага надо, когда видны белки глаз. Но у тварей нет белков, глаза налиты сплошной чернотой.

Они неслись по пустыне быстро и почти бесшумно, как призраки из ночного кошмара. Одна луна кровавила их справа, а другая серебрила слева. Фантасмагорическое зрелище.

Дан установил пушку на парапете и приготовился к стрельбе. Сколько еще зарядов оставалось, он не представлял. За все время пребывания в этом месте он выстрелил свыше пятидесяти раз, точнее подсчитать не удалось. Индикатора зарядов на пушке, как назло, нет, зато сверху есть прямоугольное углубление с гнездами для проводов, где раньше явно находилась небольшая индикаторная панель. Ее зачем-то выдрали еще до того, как оружие попало в руки Дана.

Смешно: будь панель с индикатором заряда, Дан бы точно знал, сколько ему остается жить. А без панели это будет до крайности неприятный сюрприз... Хотя срок оставшейся жизни можно вычислить и по запасам консервов, количество которых тает изо дня в день.

Дан убрал монокуляр, тщательно прицелился в ближайший черный силуэт в середине бегущей толпы и надавил на клавишу. Из дула — или, точнее, сопла — с ядовитым шипением вырвался ослепительно-синий плазменный сгусток. Синева на миг залила пространство вокруг. Еще одна краска в зловещей палитре сегодняшней ночи.

Сгусток, трассируя, стремительно унесся вдаль и вонзился в черную тень. Сначала Дану почудилось, что он промазал, но нет — тварь повалилась и, посучив длинными ногами, застыла.

Он снова прицелился и выстрелил. На сей раз немного промазал. Тварь хромала, отставала от стаи, но не останавливалась. Твари и не думали прекращать бег, отступать или — тем более — помогать раненому. Молча и беззвучно продолжали они сокращать дистанцию между собой и домом, на крыше которого засел стрелок.

Дан сделал еще десять выстрелов, изрядно проредив ряды противника. Были и промахи. Оставались пять самых упрямых и везучих тварей. Они не отступали. Наверное, Дан для них — лакомая добыча. Своего рода агрессивно защищающаяся консерва в мире, где так мало еды.

Заговорил Базиль:

— Прошу прощения, но...

— Не время, кот!

— Но...

Дан быстро глянул — робот-нянька показывал пластиковой лапкой куда-то назад.

Дан вывернул голову. В поясице проклюнулась боль. Сквозь выступившие слезы Дан увидел, как из люка посреди крыши вылезают черные человекоподобные существа.

Трое.

Дан зыркнул в сторону равнины. Пятеро выживших стремительно сокращало расстояние.

Базиль завопил:

— Катастрофа! Мы окружены! И я не могу придумать ничего оптимистического в этой ситуации!

“Как они подкрались?” — пронеслось в мозгу у Дана. Раньше он не допускал такого промаха. Наверное, увлекся стрельбой, внимание сузилось до размеров прицела, и...

Он развернул пушку назад, преодолевая боль, и выстрелил. Ослепительный синий плазменный сгусток снес башку одному из антрацитовых монстров. Тело застыло на

мгновение, закачалось, да и повалилось. От шеи тянулся дымок.

Двое оставшихся с нечеловеческим визгом прыгнули на Дана прежде, чем он прицелился повторно, разинули широкие, как у анаконды, черные рты. Выпученные черные глаза были фасеточные, полупрозрачные веки закрывались вертикально.

Один монстр по пути пнул твердой чешуйчатой ногой Базиля, робокот с вибрирующим воплем перелетел через низкий парапет и исчез внизу. Послышался глухой шлепок.

Стрелять было уже некогда, расстояние слишком маленькое. Дан перевернулся на спину, схватил цепь, наполнил ее силой — центробежной или как там ее? Ударил затвердевшей цепью один раз, второй, третий. От исступления даже напрочь перестал ощущать боль.

Чудесная сила толчками текла по руке, вливалась упругим потоком в цепь, отчего та становилась твердой и тяжелой как железная дубина. Цепь будто стала частью тела Дана, тонким стальным щупальцем.

Вот оно изогнулось и застыло, как кривой клинок. Удар этим клинком вышел страшный. У ночного монстра, нависшего над Даном, башка повисла на тонком лоскуте. Монстр, размахивая лапами с когтями, принялся шататься туда-сюда, потом с шумом обрушился в люк.

Вторая тварь навалилась-таки на Дана. Потянулась острыми коническими зубами цвета угля, дыхла гнилостной вонью.

Дан оттолкнул морду, высвободил одну руку, махнул ею и одним движением обмотал цепь вокруг ладони в виде кастета. Изо всех сил врезал по чешуйчатой морде. Голова монстра запрокинулась, но тотчас вернулась на место. Изо рта вместе с темной тягучей жижей вывалились зубы.

Пятеро внизу уже приблизились вплотную к дому, краешком сознания сообразил Дан. Времени мало. Считаю, совсем нет... Но смерть точно издевается, не торопиться расправиться окончательно.

Дан отбросил эти мысли. Бил и бил, не глядя.

Что-то хрустнуло. У твари на нем была сломана височная кость, из неровной дыры лениво потекла чернильная кровь. Монстр обмяк и медленно отвалился от Дана.

Человек снова перевернулся на живот — на боль уже плевать! Схватился за пушку, лихорадочно выскивая взглядом пятерых монстров.

Те хрипели и негромко топали совсем близко, почти под стенами дома.

Если Дан не успеет их перестрелять, возможно, опять придется биться врукопашную. Тогда он точно не выживет. Он навалился грудью на парапет, прицелился и нажал на спуск.

Пять шипящих выстрелов — и синие светящиеся ядра выметнулись из раскаленного сопла.

И снова смерть не пожелала закончить спектакль, вновь отложила финал на неопределенное будущее. На серебристо-красном песке валялись пять трупов, из рваных дыр струился зловонный дымок. Дан ни разу не промахнулся.

Он снова перевернулся на спину и прицелился, но позади не было никого. Собственно, шестое чувство, обострившееся в последнее время до невероятных степеней, говорило о том же.

Дан подобрал упавшую в драке шляпу и дрожащими кровотокающими руками нахлобучил на лоб.

Сердце вырывалось из груди. После всех физических упражнений накатила зверская

усталость и мускулы скрутило тошнотворной одуряющей болью. Дан заскулил, крепко зажмурившись.

Тук-тук! — бьется сердце. Боль медленно-медленно утихает.

Дан лежал на спине, раскинув руки, и пялился в ночное небо. Звездный рисунок был совершенно незнакомый. На красной щербатой луне скалился туманный череп.

Словно сама смерть.

— Я не сдохну, слышите! — внезапно для самого себя заорал Дан. — Не дождетесь, твари! Я не сдохну!!!

Голос прокатился над пустынной землей и заглох вдали.

Внизу неожиданно ответили:

— Вот это оптимистичный взгляд! Одобряю!

Встрепенувшись, Дан подполз к краю крыши и выглянул.

— Базиль? Живой? То есть целый?

Робокот ворочался в песке под стеной, недалеко от уродливых трупов.

— Кажется, да... — возвестил Базиль жизнерадостно. — Чему я очень рад!

Дан заворчал:

— Рано радуешься. Ночь только началась.

Базиль с опаской развернул голову на сто восемьдесят градусов, поглядев на безжизненный горизонт. И, торопливо перебирая короткими лапками, поспешил к проему входной двери.

В мире царила тишина, но Дан знал, что это обманчивое явление.

С некоторых пор такое вот у него веселое времяпровождение. А ведь совсем недавно он жил совсем другой жизнью.

Совсем недавно Дан Кременев жил в Камень-граде, приполярном городке, специализирующемся на добыче полезных ископаемых, переработке и распространению их по всему обитаемому миру.

После окончания Последней войны обитаемый мир значительно сократился. Климат изменился до неузнаваемости: в умеренном климатическом поясе стало слишком жарко и засушливо, миллионы гектаров леса и зеленых равнин превратились в пустыню, а о тропиках невозможно было помыслить без содрогания. Остатки человечества переселились к полюсам, где практически не было снега и зим, зато большую часть года шли проливные дожди, растаявшая вечная мерзлота превратила бескрайние пространства тундры в беспредельные болота, а в ясные долгие ночи светило полярное сияние.

Кроме Камень-града, в Ближнем Приполярье насчитывалось еще пять Приморсков и два города Лесное. Как-то так вышло, что при массовом переселении населения никто не озаботился дать каждому городу свое собственное название. Называли их попросту: “Приморск-5”, “Лесное-2” и так далее.

Помимо крупных населенных пунктов имелось множество деревень, в основном кормящихся за счет рыбного и лесного промысла и сельского хозяйства. Были и кочевые общины, разводящие оленей и прочий крупный и мелкий рогатый скот.

В Дальнем Приполярье на западе городов намного больше, а за океаном, поговаривают, и вовсе не сосчитать. Некоторые города огромные, с населением в несколько миллионов.

Правда, до Последней войны города были и того больше.

Но все круто изменилось.

Дан не находил ничего трагического в том, что мир значительно съезжился. Последняя война завершилась век назад. Из тех, кто ее застал, никого почти и не осталось, кроме каких-нибудь столетних долгожителей.

Дану же недавно исполнилось всего лишь восемнадцать, и он учился на втором курсе политехнического колледжа. Еще год, и он устроится в горнодобывающий завод. Одновременно он намеревался продолжить обучение в вузе, чтобы стать инженером, как Григор, а не оставаться простым технарем.

Одно время он размышлял о варианте работы на военной базе, там отличная научно-техническая лаборатория, в которую всегда требуются хорошие специалисты. Но для этого нужно сначала закончить университет, а это долгих пять лет. К тому же Григор против: говорит, что работа на базе — это военные разработки, а с его семьи хватит военных разработок. И без того все предки погибли на войне или в результате ее последствий.

Дан возражал: мол, если он там не будет работать, то найдутся другие. Вряд ли от их семьи что-то зависит. Захотят люди развязать очередную войну — развяжут.

Но дискуссии не получилось. Дану и самому расхотелось в базу — после всех страшных рассказов Григора.

Тем утром, когда жизнь внезапно совершила крутой разворот, он проснулся рано — впрочем, как и обычно. За окном чернела ночь, рассеиваемая фонарями. По небу растекалось желто-голубое полярное сияние, затмевая тусклые звезды. С запада приближалась гроза — в непроницаемой черноте горизонта посверкивали далекие молнии и

доносилось недовольное бурчание грома.

Несколько минут Дан нежился в постели. С удовольствием припоминал необычайно яркий сон. В этом сне Дан шел по ровной бесконечной равнине под ослепительным звездным небом с кружащимися туманностями и галактиками. А прямо перед ним, без всякой опоры нависая над землей, сверкала странная и прекрасная структура из чистого радужного света.

Описать видение Дан затруднился бы. Большой сияющий круг... или сфера? Внутри этой сферы величественно вращаются объемные геометрические фигуры. Не то кубы, не то многомерные фигуры, что неведомым образом вращаются внутри самих себя. В этих фигурах — снова сферы, а в них — еще кубы...

Издали это радужное великолепие зачаровывало и вводило в радостный транс.

Сон снился не впервые. Прежде Дан видел его раза три или четыре — почти без отличий.

Что бы это значило?

Не понять.

Однако ощущения после сна — приятные, сладостные, восторженные. Будто Дан краешком глаза заглянул в далекие, прекрасные и величественные миры. Или вспомнил прошлое — настолько далекое, что оно практически стерлось из памяти...

Не шиза ли? Лежа в постели, Дан нахмурился. Думать об этом всем неохота, да и бесполезно.

Он легко соскочил с постели и пошел в ванную.

Григор уже возился на кухне, разогревал вчерашнюю гречку с крупными кусками жареного омуля, морковью и луком. Его седые волосы и бороду окрашивал в желтоватые тона свет старой мигающей лампочки, единственной на все помещение, что служило сразу кухней и гостиной.

Из-за слабого освещения углы комнаты тонули в сумраке, но обитатели квартиры уже давно привыкли к вечному полумраку.

Дан вошел на кухню, зевая и почесываясь.

На подоконнике на фоне черного окна, над старым продавленным диваном кислотно-оранжевой расцветки, сидел робокот Базиль. Эту игрушку подарили Григору на заводе, когда провожали на пенсию. Робот должен присматривать за пожилыми людьми и инвалидами. Дан считал, что и сам вполне способен присмотреть. А от Базиля ноль пользы.

— Доброго утра! — заговорил Базиль дикторским бархатным голосом. — Наступил прекрасный день!

Конец фразу заглушил далекий гром. Раскаты слышались все громче — гроза приближалась медленно, но упорно. За окном полыхнули зарницы, вырвали на миг из темноты облетевшие кривые ветви полярной ивы, что росла у их дома.

Дан снова зевнул и ворчливо сказал:

— Ага, прекрасный... Опять ливень собирается. Каждый день одно и то же. Скукота!

— Привет, Данис! — приветствовал внука старик.

— Привет, Григор.

На самом деле Григор — родной дедушка Дана. Но у них давний уговор звать друг друга по имени. Григору не нравилось, когда его называли дедушкой.

Дан уселся за стол, накрытый вытертой аляпистой скатертью.

— Мне много не накладывай. Я побежал...

Григор кивнул, орудуя шумовкой. На нем был фартук — тоже в ярких цветах, как и скатерть. В таком темном и бесцветном месте, как Приполярье, людям нужны яркие краски. Вот все искусственные вещи в основном и раскрашены так, что в глазах пестрит. И дома, включая даже государственные здания, в Камень-граде все разного вызывающего цвета.

— Успеешь, эт самое, в свой колледж... — пробормотал дед.

— Да гроза ж начинается... Надо успеть до ливня.

— Не сахарный, не растаешь. Надень вон мой новый дождевик — в нем хоть купайся.

Дан недоверчиво глянул в угол, где на крючке висел новый дождевик кислотно-красного цвета.

— Отдашь мне свой дождевик? — уточнил он.

— А что такого? — Дед со стуком поставил перед внуком тарелку с дымящимся кушаньем. — Считаешь меня жадиной? Ты ж свой порвал — до сих пор не зашил.

— Значит, сегодня не пойдешь на свои болота?

— Погода нелетная... — уклончиво ответил Григор.

Дан взял ложку и хмыкнул:

— Будто тебя это когда-нибудь останавливало!

Григор принялся накладывать себе. С умилением сказал:

— ...и не болота это. В смысле, да, озера, эт самое, образовались из-за того, что вечная мерзлота растаяла... но это — озера! В них такая рыбалка!

Рыбалка у Григора — дело всей жизни с тех пор, как он вышел на пенсию и пить бросил. Сублимирует энергию. Зато как! Как минимум три раза в неделю мотается. Дану уж надоело рыбу жрать.

Дед бы и к океану поехал, но далековато на старом велике пилить, и приборой сейчас такой, что близко не подойдешь. Рыбачат сейчас только профессионалы на специально оборудованных судах. На берегу с удочкой не посидишь. Но Григору хватает и соленых болотистых озер. Когда прилив, вода из океана и вся живность переливается в эти озера.

Дан перестал есть и подозрительно спросил:

— Ты без меня под дождь не выйдешь? Сиди дома, Григор.

Иногда дед и фортель выкинуть может. Скажет, что из дома ни ногой и по-тихому свалит, пока Дан на учебе. Остались алкогольные замашки... Хотя лучше рыбалка, чем водка.

Раза три, впрочем, деда на озерах знатно продуло — неделю лежал плашмя с радикулитом. Дан за ним ухаживал.

— Не выйду. Буду тебя ждать, — покорно пообещал Григор.

До Дана вдруг дошло, что дед одалживает дождевик не потому, что сам решил не идти на рыбалку. Не в этом дело. Просто Григор заботится о нем, Дане.

В былые непростые времена, уходя в многодневный запой, деду ничего не стоило и напрочь забыть о внуке. Григору в подпитии дома не сиделось, тянуло к собутыльникам, вот он и уходил на несколько дней в неизвестном направлении — и с огнем не сыщешь.

С тех пор много воды утекло.

Дан быстро доел завтрак, залпом выпил душистый чай из мха, встал. Сказал церемонно:

— Спасибо, Григор.

Дед улыбнулся из-за стола:

— Пожалуйста, Данис. И эт самое... Любое действие просчитывай на несколько шагов вперед. И не связывайся с дураками. Такой мой совет на сегодня.

Он всегда давал такие вот советы по утрам. Дан слушал, но стариковская мудрость в памяти откладывалась плохо. Тем более что советы банальные... Чтобы не огорчать Григора, Дан заверил:

— Никогда не связывался с дураками. Пустая это трата времени.

В своей комнате Дан оделся, нацепил рюкзак с учебниками, тетрадями и прочими письменными принадлежностями. Покосившись в сторону гостиной, где возился дед, достал из-под кровати велосипедную цепь и обмотал вокруг кисти. Прикрыл ее рукавом.

В Камень-граде много молодежных банд. Григора никто не трогает — не по понятиям стариков трогать, а вот таким, как Дан, студентам упыри проходу не дают. Вымогают деньги или любят поиздеваться, потешить эго. У них оно вечно нуждается в стимуляции.

Поверх верхней одежды Дан набросил широченный дождевик красного цвета с капюшоном и прозрачной пластинкой перед лицом — от брызг. В прихожей надел высокие непромокаемые сапоги до колена.

Вот теперь он был готов идти на занятия.

Он переступил порог и прикрыл за собой входную дверь двухкомнатной квартирki, где они с Григором жили уже много лет. С тех пор, как Григор завязал с выпивкой, у них семейная идиллия.

Квартира находилась на первом этаже трехэтажного здания, стоящего на бетонных сваях. Собственно, в городе все здания на сваях, просто не везде это видно: пространство под строением часто прикрывают какими-нибудь панелями с веселенькими рисунками и надписями.

Дан спустился по металлической лесенке с прорезиненными ступенями.

Фонари еле тлели, небо было черное, северного сияния не заметно за пеленой грозовых туч. Из этой черноты сыпал мелкий дождик, но воздух буквально трещал от электричества. Приближалась нешуточная гроза. На северо-западе без передышки грохотало, непогода надвигалась на город.

До ближайшей бетонной дорожки пришлось шлепать по влажному и упругому мху. Земля поддавалась под тяжестью тела, будто ходила под ногами. Асфальтировать бесполезно — он весь потрескается во время очередного “гуляния” почвы. Оттого дороги делают узкие, из бетонных блоков. Пусть блоки ходят друг относительно друга — не жалко. Для машин на больших шагающих колесах или воздушной подушке перекошенная дорога не проблема.

По городу ходят автобусы, но Дан, как и многие другие горожане, предпочитал передвигаться на своих двоих. Тем более что до колледжа каких-то полчаса ходьбы.

Он шагал быстро, чтобы успеть до ливня. Топал в полумраке по узким переулкам между невысокими аляпистыми многоэтажками на сваях разной высоты. Под фундаментом в лужах грязи мокнул мусор, который туда давным-давно загнал ветер.

По всему выходило, что он таки успеет до ливня.

Вдали с шумом ползли разноцветные автобусы на огромных колесах. Мэр обещал построить дороги на сваях — в виде мостов. Но пока нет средств и возможностей. Проезд дорогой, и на автобусах ездят в основном сотрудники военной базы и горнодобывающего комплекса. За них платит организация.

Но уже на подступах к колледжу пришлось сделать остановку.

В темном и грязном переулке до него докатились голоса и отчаянные крики.

Надо бы пройти мимо, подумалось Дану. В прошлый раз в драке он порвал свой

дождевик. Григору сказал, что поскользнулся и упал.

Зачем вообще влезать в чужие разборки? Не его дело.

Но кричали знакомым голосом. Макс? Этот безобидный, но языкастый пацан учился с Даном в одной группе. Хлипкий, слабый, но ехидный. За что нешуточно получает люлей.

Умней при этом не становится.

Вздыхнув, Дан вошел в подворотню. Здесь стоял заброшенный дом, окна забиты, стены разрисованы скабресными рисунками и матерными словами, сваи заросли рыжим лишайником. Рядом с домом бетонный забор, в промежутке что-то вроде дворика, где когда-то сушили белье в сухое время года. Старые провода вон до сих пор висят, никто не сорвал.

В этом скверно освещенном закутке трое парней в дождевиках усердно пинали четвертого, лежащего на земле. Все трое стояли спиной к подошедшему Дану и появление нового действующего лица прозевали.

Ближайший фонарь был далековато, свет от него падал в спину Дану, вытягивая перед ним непроницаемую тень. Лиц ни одного из четверых Дан не разглядел. Судя по сдавленным крикам, Макс уже хорошо досталось.

Дан заколебался в последний раз — встревать ли?

Он оглянулся через плечо. Вдали по улице, сутулясь, семенили другие студенты; крики однозначно слышали, но не реагировали. Не лезли на рожон. Даже не оборачивались, словно оглохли все разом.

Дан отступил было, но осознал, что этот трусливый поступок задолбает его совесть. Уж он-то своих тараканов в башке всех знает в лицо.

Он шумно выдохнул. Прикрикнул:

— Эй, хорош.

Трое обернулись. С двумя Дан заочно был знаком — подрались на прошлой неделе; имен, правда, не запомнил. У одного рожа широкая, мятая, темная, в угрях и оспинах, похожа на картофелину. У другого вытянутая, красная, глаза близко посажены к длинному носу. Дан мысленно назвал первого Картохой, а второго — Морковкой.

Третий — высокий и худой как шпала, чуть ли не на голову выше Дана, хотя Дан и сам не коротышка. Морда надменная. С другого района, что ли?

Этот самый Шпала смерил Дана взглядом и поинтересовался:

— А это еще кто?

Как по заказу сверкнула молния, озарив Дана. Наверное, выглядело это внушительно. Но Шпалу особо, судя по всему, не впечатлило. Он прищурился и залыбился, попутно зыркая по сторонам — нет ли у Дана сообщников.

— Гибель твоя, балбес! — подал голос Макс, которого перестали бить, и он успел прийти в себя.

Он принял сидячее положение и оперся спиной о сваю. Подобрал из лужи широкополую шляпу и нахлобучил на голову. Куртка на нем была грязная. Сумка валялась в стороне, на куче пластикового мусора.

Шпала повернулся к нему и пнул в бок. Макс вскрикнул.

Картошка и Морковка продолжали таращиться на Дана, больше не участвуя к экзекуции. Оба, похоже, узнали Кременева.

Картоха сказал:

— Пойдем, Ромм, он бешеный...

Ромм-Шпала приподнял брови.

— Это который вас обоих ушатал неделю назад?

— Он цепями бьет...

— Ну так и мы не с голой задницей ходим.

Ромм откуда-то выхватил короткую палку. На ее конце на веревке болталась металлическая гирька. Кистень, самый натуральный. Ромм взмахнул своим оружием, гирька со свистом разрежала воздух.

Все это время Дан стоял неподвижно и молчал, но сейчас легким движением выпустил из рукава цепь. Пригодилась!

При виде самоуверенного предводителя обрели уверенность в себе и Картоха с Морковкой. Оба достали из карманов самодельные свинцовые кастеты. Не сговариваясь, все трое пошли на Дана с трех сторон.

Неугомонный Макс сзади крикнул:

— Лучше бегите!

Дан не выдержал:

— Заткнись, Макс!

Ромм хихикнул и рванулся в атаку. Одновременно с этим хлынул ливень. Видимость мигом упала, но Дан каким-то шестым чувством улавливал каждое движение противника. Такое и раньше с ним происходило в экстремальных ситуациях.

“Если бы не приперся сюда, успел бы до дождя в колледж”, — с досадой подумал он.

Шпала ударил кистенем сверху вниз. Дан уклонился в сторону, нанес в свою очередь удар цепью в горизонтальной плоскости. Ромм шустро перехватил цепь свободной рукой и дернул на себя изо всех сил.

Дан не стал упираться и соревноваться в перетягивании каната. Послушно качнулся к Шпале и выбросил вперед ногу. Сапог впечатался в мягкое.

Ромм ухнул, выпустил цепь, чуть не выронил кистень. Отступил, пуча глаза, но о сдаче и бегстве пока не помышлял. Мокрое лицо блестело в свете непрерывных вспышек молний. Грохот заглушал шум драки.

Братья Овощи крутились вокруг, но никакой пользы Ромму пока что не приносили. Хорошо получили в прошлый раз — помнят, уроды.

“Как бы дождевик не порвать... — подумал Дан, — снова”.

Вслух спросил:

— Добавить? Или разойдемся мирно?

— А ты че, обоссался? — рявкнул Шпала.

Ему ответил сидевший у свай Макс:

— Это ты щас обоссешься!

Дан и Ромм хором заорали на него:

— Заткнись, Макс!

Столкнулись по второму разу, как два оленя во время гона. Дан врезал Ромма цепью по шее и отдернул раньше, чем противник успел за нее ухватиться. Шпала пошатнулся, но все равно выбросил руку с кистенем. Дан не ожидал атаки после своей атаки.

От страшного удара в скулу из глаз посыпались искры ярче молнии. Хотя, может, это и была молния.

Он чуть не повалился, но уцепился за столб с проводом для сушки белья, вбитый у забора.

Вспомнился совет деда Григора рассчитывать каждый шаг наперед. Интересно, дед

предвидел эту стычку? Вообще-то в Камень-граде таких стычек случается с десятком на дню.

Дан опустил на колено, незаметно сгреб пальцами комок грязи.

Ромм зашагал на него, чтобы добить. Этот раскроит череп и не моргнет.

Но Дан быстро вскочил и швырнул комок грязи в лицо Ромму. Старый, как мир, приемчик; впрочем, мало кто о нем вспоминает, когда дело доходит до драки. И нырнул на полусогнутых под провода.

Так и есть, Ромм метнулся следом, как пес за проезжающей машиной, и врезался мордой в проволоку, которую в полумраке не заметил. Даром что долговязый. Потерял равновесие, отшатнулся, чудом не свалился на задницу.

Дан не дал ему времени очухаться и собраться с мыслями. Выкинул вперед руку с цепью, обмотал ею ноги супостата и дернул со всей дури. Ромм с воплем рухнул, взметнув длинными, как ходули, ногами. Пинком Дан выбил из его руки кистень — оружие отлетело в темноту.

Под громовые раскаты ливень лупил по земле, домам и людям. Ромм беспомощно барахтался в кипящей от ливня луже.

“Овощей”, кстати, и след простыл. Остались они втроем: Дан, Макс и Ромм.

Дан наклонился к поверженному Шпале.

— Попадешься еще раз — добыю!

Смотал неспешно цепь, кивнул Макс. Ромм разевал рот, морщился от падающей прямо на лицо воды, не мог выдавить из себя ничего внятного.

А Дан и Макс ушли своей дорогой. Вдали виднелись фигуры людей под зонтами или в дождевиках. Крики дерущихся потонули в шуме грозы. Да и мало кто захочет лезть в эту подворотню выяснять, кто там орет. Себе дороже.

Когда отошли на квартал, Дан любопытствовал:

— Чего они до тебя прикопались?

Макс щерился во весь рот. Лицо у него было грязное, но он выставил ладонь лодочкой, набрал дождевой воды и умылся. Дождь уже смыл мусор с куртки.

— Не могли стерпеть существования такой красоты и величия, как я...

Дан приостановился под ярким фонарем, в свете которого плясали алмазные искры дождевых капель, осмотрел себя — дождевик вроде целый. На скуле вскочил желвак...

— Дурак ты.

Макс с чувством промолвил:

— Спасибо тебе, Дан Кременев. Ты настоящий друг.

— Я тебе не друг, — огрызнулся Дан. — Мы просто учимся вместе, ясно? И в следующий раз, когда будешь болтать не думая, на помощь не приду. Забьют тебя до смерти, Макс, и наутро найдут твое окоченевшее тело где-нибудь под зданием в дерьме.

Макс перестал улыбаться. Поежился.

— А совесть тебя не заест? — осторожно спросил он.

— Ты лучше о себе подумай.

Несерьезное отношение Макса ко всему на свете и его длинный язык раздражали Дана.

Он ушел быстрым шагом в направлении светящегося окнами здания колледжа, не дожидаясь Макса. И спиной ощущал, что Макс смотрит ему вслед.

Ливень прекратился уже после первой пары, но ночная тьма и не думала рассеиваться. Солнце не спешило вылезать из-за горизонта. Только ближе к обеду восточная часть неба окрасилась розовато-сиреневым, и ослепительный диск засверкал над неровным городским ландшафтом.

Жители Камень-града не строили иллюзий: солнце — это ненадолго. Через несколько часов оно вновь погрузится за мглистый горизонт. Еще до ужина.

Незадолго до заката закончилась последняя пара, и студенты, гомоня на разные голоса, потянулись к выходу.

По дороге домой пристал Макс. Все изъявлял благодарность.

Дан сначала просил его отвалить спокойно, потом грубо.

Не помогло.

Макс — неунывающее существо. Как Базиль. Наверное, у Макса тоже где-то в заднице процессор, настроенный на оптимизм. На него даже не рассердишься как следует.

— Отвали! — повторил Дан, когда они дошли до выхода с территории колледжа.

Макс остановился, надулся.

Их обтекали другие студенты. Все одеты в водонепроницаемые куртки, плащи, дождевики. Девчонки — с разноцветными зонтами.

— Да чего ты такой злой-то?

Дан тоже остановился и уставился сверху вниз на Макса.

— Я не злой. Понял? Был бы злой — дал бы тебе по шее. И не добрый. Был бы добрый — нянчился бы с тобой до самой смерти. И не равнодушный. Был бы равнодушный — прошел бы мимо, когда тебя лупили.

Макс озадаченно спросил:

— А... какой ты?

Не хотелось Дану объясняться с этим дурнем. Но раз выручил и заговорил... Выходит так, чтобы теперь словно не Макс Дану должен, а наоборот. Странно и нелогично. Но Дан именно так себя и чувствовал: словно именно он Максу чем-то обязан.

— Самостоятельный, понял? Сам по себе. Вот мой друг.

И незаметно от остальных показал цепь, намотанную на руку под широким рукавом. Есть высокая вероятность, что Ромм возжелает свести счета уже сегодня. У дебилов вроде Шпалы других дел обычно не бывает.

Лицо Макса при виде цепи расплылось в немного испуганной и восхищенной улыбке.

— Ох, круто... Ты всегда ее с собой носишь?

— Всегда.

Повисла пауза.

Дан пошел по улице, Макс заспешил следом. Ну и как от такого избавиться?

Вода с веселым и энергичным журчанием стекала по канавам и стокам, которые все тянулись на север, к океану. Ярко раскрашенный город сверкал и переливался в косых лучах розового солнца, всюду лежали длинные фиолетовые тени, сверху нависало тусклое небо с молочно-белыми звездами на северной половине. Воздух был неподвижный и теплый, в нем носились облака мошкары.

Студенты, оживленно переговариваясь, топтали сапогами по чавкающему мху и лужам, пихались, хохотали. Обычные загруженные взрослые прохожие от этой орущей толпы шарахались.

На западной стороне, над приземистыми городскими строениями вертикально вверх поднимался дым из высокой трубы торфяной электростанции.

Нарушив молчание, Макс вдруг предложил:

— Давай, я тебя кофе угощу!

Дан покосился на него. Кофе — штука редкая и нереально дорогая. Во всем мире, конечно, остались запасы, в том числе в Ближнем Приполярье, но новых натуральных кофейных зерен добыть неоткуда. А что-нибудь из старых запасов достать можно только по большущему благу.

За всю жизнь Дан пробовал кофе пару раз, ему понравилось. Хотя, возможно, не из-за вкуса, а из-за редкости и элитности явления. Когда пьешь такой редкий напиток, воображаешь себя невесть кем.

— Откуда у тебя кофе? — спросил Дан.

Макс хитро оглянулся. Сдвинул шляпу набекрень. Дан свой дождевик успел снять, свернуть и закинуть в рюкзак. Они уже достаточно далеко отошли от толпы студентов, возвращающихся по домам.

— Тетка привезла. Ей на военной базе дали в качестве премии за долгий и плодотворный труд. Типа того. У них там и не такие ништяки есть.

— Твоя тетка работает на базе?

— Ага. Я же говорил.

— Я не слушал.

Макс не обиделся.

— Ну так что?

— Пошли, — не стал ломаться Дан.

Они двинулись домой к Максиму.

Камень-град при желании можно обойти вдоль и поперек за пару-тройку часов, если здоровья много и сапоги крепкие. Высоких зданий в нем нет в принципе. Спальных районов — пять штук, в основном на южной стороне, на возвышении. Государственные здания в центре. А на севере — частные хозяйства, куча заброшек и несчастный политехнический колледж, в который Дану каждый день пилить. На западе — торфяная электростанция и горный комбинат. Военная база — на юго-востоке, на некотором удалении от окраины.

Вдвоем они пересекли пустырь с торчащими из почвы старыми сваями снесенного строения и двумя древними сломанными вездеходами, проржавевшими насквозь и вросшими в вечно сырую землю. После пустыря миновали широкий проспект аж в две полосы движения. Сейчас, правда, никакого движения на нем не наблюдалось.

На проспекте им попала знакомая девчонка по имени Ната. Дану она нравилась, но он до сих пор к ней не подкатил. Кажется, у нее уже был дружок, какой-то военный хмырь с базы. Дана восхищала ее гладкая кожа, кровь с молоком — будто светящаяся, “лунная”, как он называл ее про себя. И волосы светлые-светлые, почти белые. И брови такие же.

И вся эта блондинистость Нате идет. Инопланетная у нее красота. Кажется: коснешься ее — она и рассыпется в облако светлых мотыльков, похожих на снежинки...

Макс обрелся на самой окраине, оттуда рукой подать до базы. Дом у его родителей был частный, с загоном для оленей и более мелкой живности. Сейчас олени пасутся в

тундре. На приусадебном участке белеют горбы теплиц из оптической коллагеновой пленки. Со двора открывался чарующий вид на желто-зеленую равнину, покрытую мхом и лишайником, усеянную многочисленными блестящими озерцами.

Дома у Макса не было никого, все на работе. Их встретил лаем мохнатый белый пес, но тут же замолк после окрика хозяина.

Дан прошел следом за благодарным спасенным на кухню с яркими обоями и большим окном почти во всю стену. Макс сразу засуетился возле плиты, поставил чайник, принялся болтать о разной ерунде, развлекая гостя. Когда чайник закипел, залил кипятком кофе из пакетиков.

— А его варить не надо? — спросил пристально следивший за его манипуляциями Дан. Макс пренебрежительно махнул рукой.

— Это более крутая разновидность кофе. Быстрорастворимый! И сладкий, прикинь?

Дан пригубил чашку.

— Умм!

— Нравится? — обрадовался Макс.

— Угу.

— Приходи на следующей неделе. Тетка еще принесет!

— В друзья навязываешься? — усмехнулся Дан, ставя чашку на стол. — Я же сказал, что сам по себе.

— А почему? — Макс уселся напротив со своей чашкой, улыбнулся. Глаза честные и ясные, как у младенца.

— Что — почему?

— Почему тебе нравится быть самому по себе?

Дан насупился. Пожал плечами.

— Так проще. Ни от кого не зависишь. Никого не ждешь... Никем не обламываешься.

Макс подался к нему всем телом, навалившись грудью на стол.

— Тебя кто-то обломал? Кто-то заставил ждать?

Дан тяжело вздохнул.

— Знаешь, я очень хорошо сейчас понимаю тех троих, которые тебя сегодня отлупили... Спасибо за напиток, я пошел.

Поднялся на ноги — и вдруг отчетливо, как наяву, увидел в пустоте перед собой светящуюся конструкцию из сна. Сияющая сфера, внутри вращающиеся кубы, внутри кубов еще сферы и чудесные узоры... Дана пронизало необычайное ощущение нереальности происходящего. Его тело будто потеряло вес и чуть не воспарило в воздух. Он потряс головой, потрясенный испытанным ощущением.

— Ты чего? — встревожился Макс.

— Ничего. Мне домой пора.

— Я провожу.

Он тоже встал, нахлобучил шляпу и с решительным видом взял ручной фонарь. За окном успело стемнеть, пока они кофейничали. Солнце, едва поднявшееся над туманным горизонтом, снова нырнуло в вечный мрак и холод за пределами обитаемых миров.

Парни вышли из дома.

Над ними распростерся звездный шатер. Пес в будке заворчал и забряцал цепью. Макс включил фонарь, прикрикнул на пса.

Уличных осветителей здесь почти что и не было. Темноту рассеивали светящиеся окна

дома, лампа над входом, фонарь в руке Макса и звезды на небе.

И вновь Дана посетило странное чувство. А еще он словно кожей уловил какой-то невидимый поток, идущий с равнины. Не ветер — ветра не было. Поток внимания и чужой энергии. Так бывает, когда кто-то сверлит тебя взглядом сзади.

И чувство светящейся сферы. Дан ее больше не видел, но воспринимал шестым чувством.

Выйдя за калитку, он пристально поглядел в сторону темной равнины.

— Что? — спросил Макс. Его глупые вопросы отвлекали. Дана нервничало, что Макс следит за каждым его жестом. Дан сейчас для Макса кумир, вот тот и не спускает с него восторженных глаз. Но это все равно бесит.

— Что-то... приближается, — пробормотал Дан.

Макс тоже посмотрел на равнину. Бросив быстрый взгляд, сказал:

— Да нет там нифига. Наверное, тебе кофеин в голову ударил...

— Ничего мне не... — начал Дан, но не закончил.

Совсем рядом ослепительно сверкнуло синим, затем красным, желтым, белым. Дан закрылся рукой от яркого сияния, еще ничего не понимая. Макс заорал, но сразу замолчал. Пес залаял неуверенно и трусливо; лай быстро оборвался, и пес затих в будке.

Проморгавшись, Дан посмотрел туда, где вспыхнуло, — это было в десятке метров от восточных границ усадьбы родителей Макса. Там набухал световой кокон размером с вездеход, если не больше. Или огромное яйцо, сотканное из радужных вспышек.

Необъяснимое явление резко погасло, оставив после себя расплывающиеся перед глазами разноцветные круги. Эти круги сформировались в сферу из сна. У нее был другой рисунок, и каким-то образом Дан запомнил этот узор. Словно он был ему когда-то очень давно знаком...

— Это что за фигня? — дрожащим голосом сказал Макс. — Испытания бомбы? Война снова началась?

Он нервно хихикнул. И сам осознавал, что это глупости. Если это бомба, отчего они до сих пор живы? И почему нет звука взрыва, почему тишина?

— Тихо!

Дан прислушивался. После вспышки он временно ослеп, и темно вокруг. Но чутье никуда не делось, он то ли слышал ушами, то ли воспринимал каким-то другим органом чувств, как к ним приближается нечто живое.

Где оно?

Может, бежать без оглядки?

Что, если вспышку подстроили Ромм сотоварищи, явившиеся отомстить Максусу?

В тишине раздались легкие шаги. Макс подкрутил регулятор в фонаре, добавив яркости. Дан моргал, пытаясь разглядеть приближающегося. Наконец разглядел и решил было, что кто-то над ним с Максом задумал подшутить.

К ним плывущей походкой приближался человек в причудливой разукрашенной маске и пестром цветастом балахоне. Маска изображала рожу синекожего чудища с клыкастым ртом, жирными красными губами, вывернутыми ноздрями широкого носа, вытаращенными желтыми глазами. Два глаза как у человека, а третий вылутился с середины выпуклого лба. Голову венчала конусовидная аляпистая шапочка.

Маска была злобная, угрожающая, неприятная.

Макс громко поинтересовался:

— Это еще что за урод? К нам что, цирк приехал?

“Этот дурень никогда не научится фильтровать базар”, — подумал Дан.

Между тем ряженный сокращал дистанцию, а Дан напрягся. Что-то подсказывало: это не цирк, не розыгрыш. Не зря у него были видения аккурат перед появлением этого чуда в перьях.

Ряженный остановился в двух метрах от парней. Фонарь ярко освещал его. Пришелец заговорил мягким журчащим голосом — ни женским, ни мужским. И к тому же на непонятном языке. Отдельные слова вроде бы знакомые, а в целом ничего не понятно.

Дан и Макс переглянулись.

Человек в маске сделал паузу, ожидая реакции, не дождался и опять заговорил. Слова длинные, с обилием гласных букв, похожие на речь жителей Приполярья, но все же — Дан понял это со всей определенностью — то был другой язык, хоть и родственный.

— Не понимаем тебя, — отчетливо, по слогам, проговорил Макс. — Ты откуда такой? Маску-то сними! Чего ты ее напялил?

Чужак наклонил голову набок, прислушиваясь. Помолчал и снова принялся говорить. На сей раз получилось куда понятнее.

— Локия сохранить оружие?

“Откуда он явился? — думал Дан, разглядывая маску. — И что за спецэффекты были при его появлении? Из Дальнего Приполярья, что ли? Но зачем маска? Действительно наверное, цирк какой-то, а к нам сейчас их фокусник пристал, голову морочит... Но почему тогда у меня были видение и то чувство?.. А маска-то качественно сделана... явно не пластмассовая. Словно бы фарфоровая, искусно разукрашенная. Но фарфоровая маска тяжелая, запаришься таскать такую... И где отверстия для глаз? Как этот чудак нас видит?”

Макс тем временем продолжал переговоры:

— Чего? Какое тебе оружие нужно? Ты кто такой вообще, клоун?

Дан толкнул Макса в бок, сказал негромко:

— Макс, хлопнись.

Но тот и не подумал хлопываться.

— Не, ну это нормально вообще? В таком прикиде про оружие спрашивать? Он про базу, что ли?

— Кончай болтать! — прошипел Дан.

— Так война-то давно закончилась! — завопил Макс. — Дан, он, наверное, разыгрывает древнего шпиона. Какой-то фестиваль из Приморска приехал, видать! Нас скрытая камера снимает! А мы должны, как герои, выгнать шпиона!

Из Приморска-1 и впрямь иногда приезжали разные фестивали и цирки. Иногда устраивались необычные флешмобы, которые каменьяградцы переваривали потом долгими зимними месяцами, обсуждая при каждом удобном случае.

Найдя подходящее объяснение, Макс заулыбался, по возможности незаметно огляделся. Подошел к чужаку вплотную. Пафосно провозгласил:

— Пошел прочь, шпион! Мы тебе не скажем, где храним оружие!

Дан хлопнул себя ладонью по лбу. Какой идиот!

Чужак легонько повел рукой в блестящей перчатке — и внезапно с ядовитым шипением сверкнула зеленая молния. Дан вздрогнул и отшатнулся. А Макса, в которого попала молния, на мгновение оторвало от земли, и Дан будто в замедленной съемке увидел, как тело однокурсника чудовищно изогнулось в воздухе, макушка чуть не коснулась пяток. Фонарь и

широкополая шляпа упали.

Прежде чем осмыслить произошедшее, Дан бросился вперед, но снова вспыхнула молния, и Дан полностью потерял ориентацию в пространстве. В крестце зародилась дикая боль, расплавленным металлом скользнула вверх по позвоночнику до самой шеи, ноги и руки сами собой скрючились с такой силой, что затрещали суставы.

Боль была страшная, невыносимая, ранее никогда не испытанная. Дан разинул рот, чтобы закричать, но перехватило дыхание, а горло сдавило. Показалось, что он сейчас умрет.

Он упал наземь. Боль отступила, оставив тошнотворное “эхо” в потрясенной нервной системе. В голове свистело и шумело.

Он с трудом разлепил слезящиеся глаза. На земле напротив, освещенное лежащим фонарем, белело лицо Макса. Рот и глаза раскрыты, выражение удивленное и чуть обиженное. Из левого глаза, того, что внизу, вытекала одинокая слезинка.

Макс мертв, сообразил Дан.

Над ним склонилась фигура в балахоне и маске.

— Локия база? Локия сохранить оружие? — повторил вопрос мягкий андрогинный голос.

Дан на полном автомате с трудом сел прямо на мшистой земле, скрюченными пальцами схватил шляпу Макса. Смял ее в руках. Взгляд не отрывался от мертвого сокурсника, который буквально секунду назад был жив и молот языком привычный бред.

— Тварь! — услышал Дан собственный голос как бы со стороны. — Ты Макса убил!

Голос дрожал. То ли от гнева, то ли горя.

То ли от ужаса, что ближе к правде.

На автомате Дан высвободил велосипедную цепь, намотанную на руку, и со свистом нанес удар по чужаку. Попал прямо по уродливой маске, но удар пришелся будто по гранитной скале. Чужак даже не вздрогнул. Он протянул неспешно руки в черных перчатках — нет, металлических, тускло отблескивающих, — схватил Дана за плечи, сжал с силой тисков. Поднял в воздух, как маленького ребенка. Тем же невозмутимо мягким голосом пропел:

— Локия база?.. Где база?

Чужак словно учился языку на ходу, читая мысли Дана. Под черепом Дана пробегал не то холодок, не то электрические импульсы. Дан напрягся, и холодок растворился без следа.

Чужак удивленно покачал головой.

— Ты тат упрями! Ты паттити со мной! Будди зрити!

Разжал железную хватку, и Дан повалился наземь, не успев сгруппироваться.

Чужак вынул откуда-то из-под балахона две непонятные штуки, похожие на очень широкие и массивные браслеты, испещренные неведомыми письменами. Они тускло блестели в свете валяющегося фонаря. Чужак подбросил браслеты, и те послушно взмыли в пространство. Метнувшись к Дану, раскрылись, как две челюсти без головы и тела, и сомкнулись на руках повыше локтя. Дан почувствовал холод и тяжесть браслетов. Они оказались до того широкие, что охватили руки от подмышек почти до локтя.

Дан не успел отреагировать, как браслеты с неодолимой силой потянули его вверх. Он закричал от боли. Ноги, дрыгаясь, оторвались от земли, и он повис, удерживаемый левитирующими браслетами, в метре над заросшей мхом почвой.

Несмотря ни на что, пальцами одной руки он держал цепь, а другой — шляпу Макса. И сам не понимал, зачем он это делал. Слишком быстро происходило с ним удивительное и

одновременно чудовищное.

— Локия база! — повторил чужак.

Против воли Дан чуть повернул голову и посмотрел в сторону базы. Вот же она, как на ладони... Все об этом знают, никакая это не тайна. Но что-то подсказывало: чужаку этого говорить нельзя. Однако, когда ты висишь между небом и землей, а магические браслеты сжимают твои руки, не до самоконтроля.

От внимания чужака не укрылся его маленький жест.

— Тат локия? Да, тат локия!

Он повернулся и плавной поступью, словно плывя над землей, отправился по равнине к военной базе. А Дан полетел следом — выбора у него не было. Он пытался бороться с браслетами, выскользнуть из них, но в результате только боль в плечах усиливалась. Это как с подъемным краном бороться, который поднял тебя за шкуру.

Они преодолели половину пути до обнесенной высокой бетонной стеной базы, когда к ним с шумом подкатил вездеход на широких и высоких колесах. Захлопали дверцы, из машины высыпали люди — все в военной форме, шлемах, с переносными плазменными пушками.

“Заметили со сторожевых вышек, — с удовлетворением подумал Дан. — Не спят там, и то хорошо...”

Тишину разорвали грозные вопли:

— Стоять! На колени!

Чужак почти не шевельнулся, но вспыхнула зеленая молния, осветившая тундру на километр вокруг. Еще раз... и еще.

Военные не успели сделать ни одного выстрела. Молнии косили их, как лазерный автосерп косит жесткий вереск в горах. Последняя молния попала в вездеход, и тот с оглушительным грохотом взорвался.

Горячая волна ударила по висящему Дану. Он зажмурился и отвернулся. Чужак же пошел дальше, не обращая внимания на бушующее пламя.

Мир сошел с ума.

Дан уже мало что соображал. Руки затекли, сознание плыло, грозя погаснуть, как свеча в ураган.

Они приблизились к высокой серой стене со стальными воротами, поставленными углом — чтобы нельзя было протаранить. Огонь горящей позади машины разрывал ночную темень, швырялся тенями — будто духи природы начали тут демоническую пляску... Дан видел собственную тень — тень человека, висящего в воздухе без видимой опоры.

Последняя война отгремела век назад, чуть не отправив в небытие все человечество, но базы остались. Это был реликт былой воинственной цивилизации и гарант того, чтобы ничего подобного не повторилось. Людей и ресурсов стало слишком мало, чтобы делить землю и устраивать свары, но не исключено, что какой-нибудь народ снова расплодится чрезмерно и придет, чтобы отнять чужую землю, заодно оросив ее кровью защитников. На этот случай и поддерживали функционирование военные базы по всей обитаемой земле.

На вышках по обе стороны от ворот мельтешили лучи фонарей, метались черные фигуры.

Затем зажегся мощный прожектор, луч осветил чужака и Дана.

— Приказываем немедленно остановиться и лечь на землю!

Эти вояки, похоже, до сих пор не врубились, что Дан вовсе не заодно с чужаком. Или перестраховывались, смекнув, что Дан — заложник.

Спустя миг, когда чужак продолжил идти вперед, Дан догадался, что ни фига эти балбесы не смекнули. Из незаметных амбразур в стене и воротах на них обрушился огонь из плазменных пушек. Огненные сгустки летели на них плотным роем, как гигантские светляки, но разбивались о невидимый силовой экран вокруг чужака и Дана. При каждом соприкосновении с плазмой экран становился видимым. Он покрывался радужными разводами, как лужа после попадания в нее солянки. Если бы не экран, от Дана мокрого места не осталось бы.

Чужак ответил на атаку ударами молний из неизвестного и невидимого оружия. Молнии впились в сторожевые вышки, затрещали электрические разряды, выводя из строя все приборы и сжигая кабели, и вышки, окутанные огнем, с шумом обрушились. Кричали люди, выла сирена.

Над стеной зажужжали боевые дроны и спикировали на чужака, но разбились о силовой экран. От взрывов стало светло, как в центре солнца. Чужак сделал движение рукой, словно отодвигал незримую занавеску, и пламя унеслось прочь.

Тотчас опустился привычный полумрак, и Дан заморгал.

Наступил краткий момент почти полной тишины.

Зловещей, недоброй тишины.

Впервые за все время чужак вздрогнул как от боли. Присел, прижал руки к животу, напрягся — его напряжение передалось Дану. А потом чужак подпрыгнул, будто взорвался, взметнул руки и проревел неожиданно могучим басом странные слова:

— Да-Пха-Та! ЧУЛА-АГНИ-ЙЯ!

“Агни-йя...” — отозвалась вселенная. От этих слов в Дана завибрировала каждая косточка, дрогнула земля и покачнулись звезды.

Невидимая волна с низким, на грани с инфразвуком, звоном снесла бронированные противотаранные ворота за долю секунды, обрушив попутно бетонный забор по обе стороны. Ворота влетели на территорию базы со скоростью звука и превратились фасад ближайшего здания в пыль. Через кратчайшее мгновение на Дана обрушился грохот и оглушительный лязг.

На фоне обрушенных горящих вышек летели черные фигурки людей, похожие на огромные хлопья сажи от костра.

Чужак в маске выпрямился и плавной походкой вошел на территорию базы. Браслеты потащили Дана следом.

База занимала нештучную площадь и состояла из двух десятков зданий на сваях. Сейчас вся она озарялась не только фонарями, но и пламенем пожара.

Справа и слева от ворот протянулся бетонированный плац, по нему к прищельцам ползли гусеничные танки. Дан насчитал пять боевых машин.

Один танк выстрелил. Плазменный ком ударился в силовой экран вокруг чужака и Дана и отрикошетил в здание. Стена разлетелась на куски.

Чужак снова напрягся и выкрикнул:

— Да-Пха-Та! Чула-агни-йя!

Все пять танков перевернулись и улетели прочь, в темноту за стеной, как осенние листья на шквальном ветру. Одновременно обрушилось несколько зданий. Чужак, не медля, раз за разом принялся бить молниями бегущих солдат. Никто из них больше не поднялся.

Безумие длилось вечность... но все же завершилось, и пала тишина.

Чужак обернулся к Дану.

— Локия сохранить?

Оковы сжались. Дан заорал.

— Чего ты ко мне прицепился? — захлебываясь, прокричал он. — Я не военный!

Снова в голове забегали электрические мурашки.

Чужак подошел поближе, запрокинул мерзкую рожу, глядя на Дана. Проговорил ласково и вкрадчиво:

— Я... твам... нравится!

— Я не знаю, где оружие! Я здесь впервые!

Чужак помедлил и решительно сказал:

— Будди зрители!

Лязгнуло, и оковы внезапно выпустили Дана. Он рухнул вниз — сначала на ступни, потом — на ягодицы, перекатился на спину и под занавес ударился затылком о бетон. Сознание погасло.

Когда он очнулся, совсем рядом на руинах трещал пожар. Страшно кричали объятые огнем люди, слепо бегущие неизвестно куда. Прошло совсем немного времени, считанные минуты с того момента, как Дан потерял сознание.

У него здорово онемели руки, и он не с первого раза сумел сесть. По рукам побежал болезненный жар, в коже и мускулах покалывало, чувствительность возвращалась, хоть и неохотно. Удивительное дело, он так и не выронил ни шляпу, ни цепь... Пальцы так и онемели, вцепившись в эти предметы.

Чужак куда-то запропастился.

“Чула-агниа... чула-агниа... — вертелась мысль. — Почему мне кажется знакомыми эти слова? Они значат огонь? Поэтому горит даже каменная кладка и металл плавится? Что

это за язык, одновременно знакомый и чуждый?”

Дан встал, шатаясь, принялся озираться с диким видом. База выглядела как после массированной атаки целой армии. Здания и танки горели неестественным белым огнем, от которого крошились даже камни и кирпичи.

Поблизости — одна целая машина, легкий вездеход.

Дан поднял шляпу Макса к лицу. Макс мертв, вспомнил он, как и мертвы еще десятки, если не сотни.

Снова слышались крики и взрывы где-то вдали.

В темное небо взмыла небольшая ракета, извергая из дюз оранжевое сияние.

Что это? Сигнальная ракета? Зов о помощи? Но не крупновата ли ракета для сигнальной?

Пока Дан смотрел на исчезающую в темноте ракету, откуда-то возник чужак в маске. Он тыкнул пальцем в металлической перчатке вверх.

— Оружие! — сказал он.

Дан недоуменно воззрился на чужака. Оружие? Это что, типа атомной бомбы? Сейчас Камень-град погибнет?

Тогда терять нечего.

Он набросился на чужака, не думая о последствиях, но пришелец легким толчком отшвырнул его.

— Да! Я твам... ты... нравится! Будди зрители!

Чужак сделал плавные и округлые движения руками. Пассы. Над ним и лежащим Даном раскрылся полупрозрачный радужный зонт.

В следующую секунду высоко в небе ракета взорвалась, превратившись в маленькое солнце в зените. Синеватое сияние заполнило все пространство, выжгло все тени.

Дан зажмурился, но яростное свечение проникало даже сквозь веки. Он закрылся рукой.

Когда свет погас, Дан осторожно открыл глаза. Ожидал увидеть все вокруг сожженным дотла, но ничего особо не изменилось. Руины дымились, кое-где плясали последние язычки пламени, мертвые солдаты лежали кто где черными кучами.

Оружие не сработало?

В ночном небе расцвело северное сияние. Необычное, никогда прежде не виданное, в виде круга.

Чужак развел руками, из-под его одежд выплыли браслеты, раскрылись, соединились в одно кольцо. Оно разломилось на две половины и защелкнулось на шее Дана. Кожи коснулся холодный металл. Этот прибор был непонятно как устроен: на вид литой кусок темного металла с гравировкой, но по воле чужака плавно меняет свою форму, точно состоит из мельчайших частиц-песчинок, что перемещаются друг относительно друга и образуют новые формы. Когда движение, похожее на шевеление железной стружки под действием магнита, заканчивается, песчинки слипаются в монолит.

Ошейник потянул вверх, Дан инстинктивно вцепился в него, встал на ноги, шатаясь.

— Буддими зрители! — с удовлетворением произнес чужак из-под маски. Его не смущало, что взорвавшееся в выси оружие ни на что не повлияло. — Счастливити людей!

Он показал пальцем на уцелевшую машину. Ошейник дернул Дана в ту сторону, и он послушно пошел. Выбора не оставалось.

В вездеходе сидело двое в военной экипировке. Оба мертвые и без ран, как Макс, — убиты молниями.

Чужак в маске потянул того, что сидел в кресле пассажира. Мертвец вывалился. Чужак сделал жест Дану: мол, садись за руль. Пожав плечами и чувствуя холодную тяжесть ошейника, Дан осторожно вытянул водителя. Постарался, чтобы тот не бухнулся на асфальт, но не слишком-то это получилось. Дан сел за руль.

Сопротивляться нет ни малейшего смысла. Этот пришелец вооружен такими технологиями, какие не снились никому в этом мире. Или чужак — вовсе колдун. Его не осилить даже целой военной базой, а какой разговор может быть об одном студенте политеха?

Дан мрачно нахлобучил шляпу Макса на голову. Затылок после удара о плац ныл, перед глазами плавали цветные круги после всей этой иллюминации. Дан осмотрел скудно освещенную панель приборов, потрогал руль. Ему приходилось водить вездеход — на курсах в политехе. Между сиденьями застряла черная матовая рифленая труба — плазменная пушка одного из убитых вояк.

Чужак в своем просторном узорчатом балахоне уселся рядом, на кресло пассажира. От него пахло грозой. По коже Дана побежали электрические разряды, а волосы на руках встали дыбом.

Повинуясь жестам чужака, Дан выехал за разрушенные ворота раздолбанной базы и поехал по равнине.

Чужак указал прямо на усеянный тусклыми огнями город.

“Он хочет разрушить город? — лихорадочно размышлял Дан. — Тогда почему сразу за него не принялся, когда только появился? Военную базу расколошматил, но ничегошеньки с собой не взял... Запустил ракету какую-то и назвал ее оружием... А сейчас ему что надо?”

Его осенило. Чужак принес с собой неведомое оружие, прицепил его к ракете на базе и запустил!

Но тогда почему оружие не подействовало?

Или подействовало?

Сырая почва под огромными колесами вездехода проседала, мотор натужно ревел, машина упрямо ползла по темной тундре к городу. Дану мерещилось, что он видит вдали у частных домов груды — тело Макса. Но он понимал, что в слабом свете северного сияния ничего подобного с такого расстояния разглядеть невозможно.

Трясаясь на ухабах, они заехали в город, покатали по бетонным блокам узких дорог. Видимо, грохот сражения и световая иллюминация выгнала жителей из домов. Они стояли возле дороги и смотрели на вездеход. Но никто не задавал вопросов, не кричал, не бежал навстречу. Даже не двигался. Человек пятьдесят разного возраста, необъяснимо неподвижные, но определенно живые и невредимые, просто стояли и провожали машину взглядом.

На Дана накатило беспокойство. Он притормозил, чужак не возражал.

Фары светили на группу людей, столпившихся на самой обочине. Эти люди не шурились, не закрывались от слепящего света. Все неестественно бледные, почти серые, на коже выступают ветвистые полосы, точно в зеленке вымазались... Нет, зеленые сосуды, смахивающие на побеги растения.

Дан внезапно узнал давешнюю троицу: Ромма-Шпалу, Морковку и Картоху.

Дан крикнул через опущенное окно:

— Эй, вы чего?

Ему никто не ответил.

Дан бросил взор в зеркало. Происходящее казалось дурным болезненным сном. Отразившееся в зеркале лицо было грязное, поцарапанное, с синяком на щеке после удара кистенем, но без зеленых сосудов...

А ведь Дан был защищен экраном во время взрыва таинственного оружия!

— Это... так оружие сработало? — прошептал Дан.

— Тат оружие, — ответил чужак и хихикнул.

Дан подавленно смотрел на прохожих, а те смотрели на него. Что теперь делать? Мотор урчал, сотрясая кабину.

Вдруг спохватился:

— Григор!

Не дожидаясь реакции или одобрения чужака, он развернул машину и поехал к дому. Чужак не возражал.

Они подъехали к трехэтажному зданию, где жил Дан с дедом. Дан выскочил из машины и побежал к дому, не оглядываясь. На чужака ему было плевать, он думал только о Григоре. Ошейник давил на шею, но никуда не тянул.

— Григор! — крикнул он, распахивая входную дверь.

В ответ — молчание.

Дан ворвался на кухню. На столе — тарелка с песочным печеньем и стакан кефира. Григор по-стариковски часто перекусывал. На подоконнике, как и утром, сидел робокот.

При виде Дана Базиль сказал:

— Что происходит, Данис? Был взрыв в небе... А Григор...

— Что с ним? — Бешено застучало сердце.

— Он ушел в спальню — кажется, ему внезапно захотелось прилечь... А я не могу слезть, у меня лапки не как у настоящей кошки... Я уже собирался вызвать скорую...

Базиль потряс ушами, и Дан вспомнил, что это антенны для связи. Робокот способен в случае чего вызывать экстренные службы.

— Вызывай! — крикнул Дан.

Базиль снова подвигал ушами, потом наклонил голову набок.

— Связи нет. Странно...

Дан побежал в спальню деда.

Григор сидел спиной на кровати в своей клетчатой фланелевой рубашке и старых трико с начесом. При свете лампочки под седыми волосами проглядывала розовая плешь и серебрились пучки, торчащие в ушах.

— Деда? — вырвалось у Дана. Он был слишком ошеломлен и забыл, что много лет звал старика по имени.

Григор не оглянулся.

Дан обошел кровать и с замиранием сердца заглянул в лицо Григору. Морщинистое лицо покрывали зеленые сосуды, глаза потускнели, радужка стала светлой, почти белой. Одни точки зрачков остались. Григор смотрел мимо внука, куда-то в стену.

Дан затряс его за плечи. Дед был твердый, как деревяшка, будто окоченел. Но при этом со всей определенностью оставался живым.

— Деда! — снова крикнул Дан, и голос его сорвался.

Григор вдруг разинул рот и издал долгое “Э-э-э...”

Дан отпрянул.

Дед продолжал тянуть это хриплое “э-э-э-э-э...”, меняя тональность. Словно пел какую-

то древнюю песню без слов. Пение тянулось и тянулось без перерыва. Откуда столько дыхания у деда?

“Что-то не так... — поразила Дана неприятная мысль. — Все как-то... слишком неестественно”.

Он попятился и вернулся на кухню.

— Базиль! Что именно случилось с Григором, когда была вспышка?

— Я не знаю...

Сзади затопали, Дан быстро оглянулся. На кухню, спотыкаясь, вошел дед Григор. Двигался он как марионетка, которую дергает за нитки неумелый кукловод.

— Э-э-э-э-э... — тянул дед. Внезапно прорезались слова: — Э-э-эт самое... Эт... са-а-амое... Э-э-эт...

Он пошел прямо на Дана, вытянув вперед руки.

Базиль заорал высоким вибрирующим голосом. Дан обежал стол и застыл.

Но Григор, не обращая внимания на внука, уселся за стол и принялся сосредоточенно есть печенье и запивать кефиром, словно рядом никого не было. Ел он неаккуратно, роняя на скатерть куски печенья и проливая кефир мимо рта.

— Григор, слышишь меня?

Подойдя поближе, Дан осмелился взять старика за руку. Григор резко взмахнул твердой, как деревянная дубина, рукой и этим неожиданно сильным и быстрым движением чуть не вывернул кисть Дану. Сила у старика была чудовищная. Дан отпрыгнул в угол, потирая кисть, а Григор снова взялся за еду, что-то невнятно бормоча.

Базиль сказал взволнованно:

— Он сошел с ума! И, кажется, это больше... не человек.

Дан заколебался. Он и сам понимал, что дело плохо. Подумав, Дан схватил робокота и выскочил из квартиры.

На подъездной лестнице он столкнулся еще с кем-то. Отшатнулся, держа на руках Базиля. Толстая женщина, соседка по имени Марина смотрела белыми глазами мимо Дана. Ее лицо тоже покрывали зеленые сосуды. Она тащила увесистые пакеты из магазина.

Пакеты — явление обыденное, но сосуды, белая роговица и полное отсутствие интереса к Дану, его шляпе и металлическую ошейнику со стороны вечно любопытной Марины — дело в высшей степени непривычное.

Дан обошел ее. На улице шли дети — молча, держа друг дружку за руки. Среди них затесались персоны постарше, одна из них — прекрасная Ната, чью “лунную” кожу испортили зеленые полосы.

В машине, на которой они приехали, никого не было. Впрочем, Дан сразу же заметил чужака — он стоял на обочине и наблюдал за людьми.

В какой-то момент фонари начали мигать, будто собирались выключиться.

“А ведь на электростанции люди тоже превратились в эти полурастения!” — догадался Дан.

Он подскочил к чужаку с Базилем на руках.

— Что ты наделал, упырь?

Под черепом забегали электрические мураши.

— Сделал счастливыми, — почти правильно ответил чужак.

Возможно, он сказал что-то иное, на другом языке, но какая-то магия заставляла Дана слышать знакомые слова.

— Какими нафиг счастливыми? Они же зомби! Они в растения превращаются!

Чужак воздел перчатки.

— Может быть, чтобы стать счастливыми, надо перестать быть людьми? Я сделал множество попыток и вот, наконец, чего-то добился. Видишь? Они спокойны и заняты каждый своим делом. Их не точат страх и раздражение. Они лишены алчности и ненависти. Как хорошо, что я не сдался! И нашел нужный инструмент среди Бесконечных Земель!

Против воли Дан зачарованно взглянул наверх, туда, куда указывал чужак. В черном небе висел слабо светящийся белый шар с черным пятном... Нет, это был гигантский глаз, оплетенный зеленоватыми сосудами, плящущийся на землю под ним.

— Что за?.. — Дан резко замолк, не зная, что сказать. Подумав, что становится похожим на несдержанного Макса, выкрикнул: — Вот ты скотина!

Чужак повернулся к нему. От него явственно исходило удивление. По маске ничего не понять, но Дан каким-то чудом ощущал его эмоции.

— Ты меня не боишься? После всего, что видел? — мягким голосом спросил пришелец. — Тогда я не буду дарить счастье и тебе тоже. Ты останешься человеком, способным только страдать!

Легкий пасс, и ошейник с клацаньем развалился на два полукружия, отлетел прочь и исчез среди складок балахона чужака.

Сам чужак отступил на несколько шагов. Вокруг него засиял кокон-яйцо, превратился в сферу с кубами и сферами поменьше. Чужак уходил в свой мир.

Дан завопил, выпустил кота, который брякнулся наземь, побежал к машине, схватил пушку и выстрелил в кокон. Плазменное ядро пролетело сквозь то место, где только что стоял чужак, врезалось в стену, проделало дыру.

Перед мысленным взором неспешно и величественно вращалась удивительная сфера.

Дан плохо понимал, что творит. Он знал лишь, что его родной город изменился. А он сам, Дан Кременев, нет. И жить ему здесь будет невозможно. Он ринулся в сторону гаснущей сферы и привычным движением ударил цепью.

Как ни странно, цепь ухватила за что-то материальное и плотное, хотя сама сфера выглядела призрачной.

Дана потянуло, завертело. Сфера горела впереди, по бокам, сзади, вокруг, сияла, казалось, ярче солнца, вращалась. Несмотря на яркость, Дан различал все геометрические детали и узоры. Стало быть, не так уж и ярко светит, это мозг интерпретирует таким образом...

Из-под ног Дана ушла земля, он почувствовал, что летит и в то же время парит, лишенный веса. От зыбкой невесомости к горлу подкатила тошнота.

А затем Дан увидел среди сияния чужака. Цепь обернулась вокруг его руки, на которой почему-то не оказалось перчатки. Успел снять, наверное. Рука была обычная, человеческая, загорелая, что для Камень-града редкость. На предплечье — татушка в виде причудливого многоугольного символа. Чужак что-то прокричал звенящим голосом, и Дана пронзила страшная боль вдоль позвоночника. Боль расплавленным железом скользнула снизу вверх вдоль хребта и остановилась у основания шеи.

От невероятной боли Дан в очередной раз потерял сознание.

...Очнулся он в пустынном заброшенном мире, возле полузасыпанной песком постройки. В его распоряжении были очень полезная плазменная пушка, не слишком полезный робокот-нянька Базиль, шляпа Макса и вовсе бесполезные частично

парализованные ноги. И чудовищная боль от каждого движения в придачу.

Он не превратился в зомби, как большинство жителей Камень-града, не умер, как Макс и защитники базы. Ему выпала сомнительная честь долго страдать от жажды, голода и боли, а потом умереть в когтях и клыках ночных монстров.

Но он выживал много дней и сдаваться не планировал. Передвигаясь ползком, он нашел еду и питье и более-менее успешно отбивался от монстров.

Но долго это не могло длиться.

Скоро кончатся консервы. Кончатся и заряды в пушке.

Единственным, что у него никогда не кончилось бы, — Дан был в этом уверен, — это воля к жизни.

Базиль же, который последовал за Даном в сияющую сферу на своих неловких суставчато-сервоприводных ногах, стал единственным собеседником. Не слишком полезным, но все же. Он заряжался от солнечной батареи на спине и был вполне самодостаточен. Ночные твари особого интереса к нему не проявляли, осознавая его несъедобность. Если не считать общения, пользы от него не было никакой. Его уши-антенны не выявили никакой связи, поэтому встроенный коммутатор Дану не пригодился.

Прячась жаркими днями внутри строения, по возможности вблизи от колодца, Дан много думал о случившемся. И кое-что, как ему представлялось, понял.

Существует большое количество миров, которые чужак назвал Бесконечными Землями. Параллельные измерения. В каждом таком измерении история пошла по-своему, породив магию или технологии настолько высокие, что их легко спутать с магией. А на некоторых Землях людей и вовсе нет — или не появились, или погибли, как здесь.

В родном мире Дана Последняя война чуть не истребила все живое. Но люди вовремя остановились. А на этой Земле, похоже, не остановились. Теперь это пустынный мир с разваливающимися домами и песком.

И мерзкими мутантами.

Катастрофа здесь, вероятно, случилась недавно. Судя хотя бы по сохранившимся вещам и консервам.

Во время ползучих прогулок по дому и окрестностям, от которых одежда постепенно превращалась в лохмотья, Дан нашел в песке половину бинокля и сделал из него монокуляр.

Взамен утерянным возможностям каким-то чудом у него проявились магические способности. Он научился чувствовать незримую энергию вокруг — в первую очередь в любимой велосипедной цепи. И управлять этой энергией. Он и сам не представлял, как это у него получается. Получалось у него через раз, но все же получалось!

Дан использовал цепь в качестве своего рода манипулятора, продолжения руки. В его положении это очень нужно и удобно.

Он почти не думал о смерти, хотя мысль нет-нет да проскальзывала. Он знал, что смерть рано или поздно придет, но и понимал, что, думай не думай, ничего не изменится. Пока он жив, он будет бороться. Он не сдастся раньше времени.

Так что зря Базиль его укоряет — на самом деле такого оптимиста, как Дан, еще поискать.

На пятую ночь он подстрелил существо, смахивающее на гигантского песчаного крота. Он разделал его тонким ножом, также найденным среди вещей в доме. Мясо посолил и высушил прямо на камнях — благо не было ни гнуса, ни мух, ни птиц.

Судя по запаху на второй день, мясо немного испортилось. Или же это был

естественный запах сушеной кротятины... Дану было все равно — он делал заготовки на будущее, чтобы не расходовать консервы зря.

На что он надеялся?

Кто бы помог ему на этой заброшенной и забытой Земле?

Он старался не задумываться об этом. Он просто выживал каждый день и ночь.

Днем забывался беспокойным сном. Ему снились светящаяся сфера и явившийся из нее чужак, сломавший ему жизнь.

Проснулся он на закате. Было жарко, во рту пересохло, в висках и затылке ломило от жажды и зноя. Превозмогая боль, Дан пополз к колодцу на первом этаже, спустил ведро на взлохмаченной веревке, спустил его метра на три. Ведро коснулось воды и повалилось на бок, увлекаемая привязанным сбоку камешком. Дан принялся вытягивать наполненное ведро, упираясь грудью и животом в каменный бордюр.

Каждое движение отдавалось болью вдоль хребта. Дан скрипел зубами, потел, трясся, но вытягивал ведро. В былые времена он бы вытянул его без всякого напряжения, но сейчас добыча воды превратилась в безумное испытание.

Наконец ведро было извлечено и установлено на каменном бордюре. Третью набранной воды Дан ухитрился пролить из-за дрожащих рук.

Некоторое время Дан приходил в себя, ждал, пока утихнут электрические разряды, бьющие снизу вверх вдоль позвоночника, и успокоится дыхание. Потом жадно припал к воде.

Вода отдавала чем-то затхлым, солоноватым, железистым. Но пить можно, не отравишься.

Напившись, Дан полежал на животе, положив голову на сложенные руки, потом перевернулся на спину. Вспомнился сегодняшней сон о чужаке и светящейся сфере, которая перемещала пришельца из мира в мир. Перед пробуждением приснилось еще, что сфера набухла в пустыне совсем недалеко от этого строения. Где-то в километре на севере.

Сон был яркий и реалистичный.

Послевкусие от него оставалось необычайно свежим, хотя Дан пробудился с полчаса назад.

Прежде километр пешего пути для него был сущей чепухой. Как и добыча воды из колодца. Сейчас вода в колодце — это тяжкая проблема, а километр по пустыне и вовсе непреодолимая преграда.

Полежав, Дан крикнул:

— Базиль!

Робокот явился, клацая пластиковыми лапками по каменному полу. Базиль старался не отходить далеко — по-прежнему выполнял свою задачу няньки.

— В километре на севере что-то есть... — начал Дан.

— Что ты имеешь в виду? — вежливо поинтересовался кот.

— Думаю, что там портал... Такой, через который мы сюда попали.

— Откуда тебе известно?

— Неважно... Ты должен сходить туда и посмотреть.

— За километр на север? — уточнил Базиль.

— Да!

— Как я узнаю портал?

— Просто держи ушки на макушке!

Базиль задумчиво проговорил:

— Полагаю, это такая метафора. Ведь мои уши всегда на макушке...

— Если поймешь, что там есть портал, возвращайся... Я... я постараюсь тоже добраться

туда...

Дану даже и воображать не тянуло, как он будет ползти на брюхе по пустыне целых тысячу метров. Но сделать это придется...

— Мы не знаем, как пользоваться этими порталами...

— Ясен пень, не знаем! — Дан выдавил усмешку. — Где твой оптимизм, Базиль?

Пластиковая дымчато-серая мордочка робокота с зелеными глазами ничего не выражала. Больше спорить Базиль не стал. Развернулся и засеменял к выходу из занесенного песком помещения без дверей и окон, с колодцем и лестницей, ведущей на плоскую крышу.

Некоторое время Дан слушал, как песок шуршит под короткими механическими ногами, не слишком приспособленными для дальних переходов. Затем все стихло — Базиль отошел слишком далеко.

Теперь перед Даном встала очередная ежедневная непростая задача. Забраться на крышу — место, где он мог обороняться от чудищ.

Скрипя зубами от боли, он начал ползти по лестнице вверх. Болезненные удары током без перерыва били от копчика вверх, почти до шеи. Ноги волочились сзади. В желудке булькала выпитая вода.

Для подъема понадобился час. Под конец он снова обливался потом.

Плазменная пушка с оторванным индикатором стояла у парапета. Рядом лежали монокуляр и цепь.

Добравшись до своего инструментария, Дан поправил шляпу Макса — в этом солнечном и сухом мире пока что не было ни одного дождя, но шляпа все равно понадобилась. От солнца.

Солнце, кстати, величественно заходило за ровный горизонт, колеблющийся в струях марева.

Дан взял монокуляр и постарался обнаружить кота, но безуспешно. Робот исчез за невысокими барханами.

Когда солнечный диск утонул за потемневшим горизонтом, сразу посвежело, и с пустыни потянуло прохладой. Сгущалась темнота.

Приближалось время треклятых ночных монстров.

Дан задумался:

“Сколько Базиллю понадобится времени, чтобы пройти километр? Это время придется удвоить, учитывая обратный путь... Долго он, однако. Или провалился в яму и не может оттуда выбраться! В отличие от настоящих кошек, Базиль — неуклюжая орысина... Инженеры могли бы сконструировать что-нибудь помобильнее”.

Скоро совсем стемнело. Дан все еще лежал на крыше, изучая окрестности в монокуляр. В животе бурчало от голода, но он решил не есть до восхода. Или возвращения кота. Вот тогда он отпразднует.

Взошли обе луны, когда Дан, еще до того, как что-либо увидеть с помощью зрения, развившемся шестым чувством распознал приближение чудищ. Они шли с юга. И то хорошо: значит, с Базилем они не пересеклись.

Чудища в свою очередь тоже как-то чуяли его. Они всегда шли прямо к его “дому”, не сбиваясь с курса, хотя вокруг были другие полужасыпанные песком строения с плоскими крышами.

Дан занял позицию на южном краю крыши. Нельзя позволить чудищам подойти близко и окружить его, как накануне. Учатся эти сволочи, что ли? Нужно подстрелить их издали.

Вскоре Дан разглядел черных чешуйчатых чудищ в монокуляр.

Сердце пропустило удар и быстро забилося.

Тварей было много. Очень много. Больше двадцати.

Никогда прежде такая орава не жаловала в гости. И чем прикажете гостей угощать? С собой?

Двадцать с лишним ночных монстров рассыпалось веером, как в боевом построении. Раньше так они не поступали. Видно, кое-чему все-таки научились, суки.

“Ладно, — подумал Дан, — перестреляю по-очереди”.

Подождал, пока вражеский отряд приблизиться. Тщательно прицелился и выстрелил три раза. Дважды попал, один раз промахнулся.

И заряды кончились.

Дан почему-то не ожидал этого именно сейчас, слишком увлекся отстрелом противника при новой тактике. Нажимал на спуск вновь и вновь, а в ответ ничего, даже щелчка.

Идея, что вот, наступил-таки конец, никак не желала закрепляться у него в голове.

Между тем чудища приближались. На убитых внимания привычно не обращали. И Дану приходилось просто их ждать. Одному, беспомощному, без Базиля, который скрасил бы последние секунды жизни.

Он не мог просто так ждать.

Перевернулся на спину — в позвоночнике колыхнулась огненная лава боли, — схватил цепь. Дернул рукой, цепь выпрямилась, превратилась в ровную линию, стальную палку.

В другой руке был зажат сточенный нож, которым вскрывались консервы.

Подумалось:

“Одно хорошо: если чудища начнут грызть ноги, я этого не особо почувствую. Да и вообще, привык я к постоянной боли и страданиям...”

До него доносилось тяжелое дыхание чудищ, подбегающих к дому. Но и без этого Дан воспринимал их неведомым образом... Или это самовнушение? Такая же глупость и глюк на почве обезвоживания и истощения, как и сон-откровение насчет портала в километре на севере?..

Совсем скоро он умрет, и умрет тяжело. Секунда капает за секундой, время оставшейся жизни ускользает песком сквозь пальцы... Наверное, сейчас пристало думать о вечном? Но в сердце лишь горячая ненависть к чужаку в маске. И к военным, которые копили оружие многие годы, когда надо было уничтожить все до последнего патрона, и при этом не сумели оказать сопротивления одному-единственному пришельцу...

...Два чудища выскочили из люка. Трое вскарабкались по стенам с трех разных сторон.

Нет, они все-таки кое-чему научились! Но как? Все, кто пытался одолеть живучего инвалида, мертвы и зарыты в рыхлый песок. Каждый раз за атаками издали наблюдают другие?

Дан дождался, пока к нему приблизится одно чудище, и врезал цепью. Цепь свернулась крючком, и Дан подтянул этим крючком чудище ближе к себе. Ножом пару раз ударил в холодную рептильную шею. Хлынула вязкая темная кровь.

Отпихнул конвульсивно содрогавшееся тело и попытался угостить таким же подарком второго, но на него навалилась сразу целая толпа. К пятерке из авангарда присоединялись остальные. Дан не мог шевелиться под тяжестью монстров, но вцепился зубами в нижнюю губу самой ближней твари, которая хотела его укусить. Тварь рычала, трясла головой, щелкала острыми зубами, но не могла никак ухватить человека. Свои же ей и мешали.

Дан отгрыз губу, выплюнул кусок жесткой плоти и заорал со всей мочи:

— Я!.. ПРОСТО ТАК!.. НЕ СДОХНУ!!!

Непонятно, зачем и для кого он так орал, срывая голосовые связки.

Наверное, ему было все-таки страшно умереть в тишине и смирении. Лучше биться и вопить до последнего, и когда придет смерть, ты будешь чересчур занят, чтобы заметить ее тихое явление...

Чудище с окровавленной мордой оскалилось и вцепилось в кисть. Другое сомкнуло зубы на шею, горячее дыхание опалило щеку, затем лицо пронзила острая боль.

Закрывать бы глаза и просто отдаться смерти...

Но Дан завизжал и оттолкнул морду. Позвоночник горел огнем. Возможно, боль и заставляет его драться и не сдаваться...

К нему подбегали еще чудища. Все больше и больше. И подтягивались они не только с юга, но и севера — об этом Дану говорило его шестое чувство.

Он уже ничего не видел, не слышал и не понимал. Оставалось лишь таинственное шестое чувство. Все тело стгорало заживо в огне бесконечной боли. Где боль от проклятия чужака, а где от укусов рвущих его зверей? Неизвестно.

...Пространство вокруг содрогнулось от могучего удара.

Давление груди монстров на Дана ослабло.

Еще один удар... Перемазанный в своей и чужой крови Дан приоткрыл слезящийся глаз и увидел синеватый диск луны. А ведь секунду назад его заслоняли уродливые туши.

Третий удар — и с Дана слетело еще трое или четверо ночных монстров. Осталось всего двое, они настороженно озирались по сторонам, забыв временно о распростертой под ними жертве.

Откуда-то снизу легко, как привидение, на крышу запрыгнул человек — обычные люди не способны совершать такие прыжки. Он выпрямился, нависая над Даном и двумя монстрами. Молодой, худощавый, с черными волосами, собранными в длинный хвост, в просторных красных одеждах. Из-под широких и немного коротковатых штанин виднелись изящные сапожки, а из-под рукавов — кожаные, с металлическими заклепками, наручи.

Он появился так эффектно и выглядел так необычно, что Дан разинул рот и забыл на долю секунды о своем невыгодном положении.

Впрочем, невыгодное положение быстро улучшилось. Две оставшиеся черные твари спрыгнули с Дана и атаковали расфуфыренного красавца.

Красавец был к нападению полностью готов. Чуть присев в странной стойке, он подался телом вперед, руки сложил крест-накрест перед собой. Ночные монстры ударились об него, как о каменную статую, и отшатнулись, потрясенные.

Тогда человек, с некоторым трудом переставляя ноги, словно они стали тяжелее раз в десять, сам пошел на монстров и принялся бить их голыми руками. Каждый удар отзывался вибрацией в каменном перекрытии.

“У него тело как чугунное”, — сообразил Дан.

Бил красавец как попало, далеко не по-боксерски. Просто лупил сверху вниз кулаками, превращенными в каменные молоты, и от каждого удара монстры просаживались ниже, теряя силы. Кости их с отвратительным хрустом ломались. Человек будто вбивал монстров в землю. В какой-то момент человек промахнулся, добивая упавшую тварь, и попал по каменной кладке. Голый кулак раздробил камень, как если по нему со всего маху врезали тяжелой кувалдой.

Из люка показался еще один человек — куда более эффектный, чем первый. Девушка с тонкой фигурой, во всем белом, с белыми же волосами, как у Наты, собранными в высокую прическу. За ней ореолом развеялся легкий белый плащ-накидка. Обеими руками блондинка держала прямой меч почти двухметровой длины. Лезвие было будто составлено из графитово-серых многоугольников.

Едва появившись на крыше, она тут же ринулась на тварей, что в обилии вылезали из-за парапета по периферии постройки. Двухметровое лезвие свистело, разрезая воздух по кругу и в виде восьмерок. По всему было видно, что орудовать мечом для юной воительницы — привычное дело.

Нескольких ночных тварей меч разрубил ровно вдоль всего тела с такой легкостью, словно монстры были рыхлыми кусками жареного омуля... Некоторых располовинил поперек, а у некоторых аккуратно отхватил головы и конечности.

Ночные монстры не желали отступать. Страха они не понимали абсолютно, как муравьи какие-нибудь.

На мечницу напало сразу трое, и та ничтоже сумняшеся насадила их всех на длинный клинок. Проколотые чудища хрипели, махали когтистыми лапами, щелками зубами, тянулись к девушке. Тогда случилось нечто необычное — правда, Дан уже привык к необычному.

С оглушительным неприятным треском по клинку меча скользнула яркая белая молния, пробива насквозь монстров, и те разом обмякли, почернели, от них пошел зловонный дым.

Амазонка брезгливо скривила губы и стряхнула куски вонючего шашлыка со своего шампура. От резкого движения заколка в ее высокой прическе отлетела, и волосы рассыпались белым водопадом.

Пока Дан следил за всем этим совершенно неожиданным и красочным представлением, его не покидала уверенность, что все это обычный глюк. Он просто вырубился и пребывает внутри собственной галлюцинации. А на самом деле его жрут ночные монстры...

Но галлюцинация была на редкость реалистична.

Внизу, под стенами дома, слышались звуки битвы — там тоже кто-то сражался.

Напор тварей, атакующих крышу, ослаб, но не иссяк совсем. Мертвых монстров, разрезанных, зажаренных заживо, разбитых в хлам чугунными руками, на тесной крыше валялось столько, что спасителям Дана стало трудно передвигаться. Та двадцатка монстров, которая попала в поле зрения монокуляра, как оказалось, всего лишь разведотряд; основные войска начали наступление немного позже...

Два новых монстра, возникнув из-за парапета, прыгнули на красавца в красном, но тот вдруг перестал быть тяжелым и неуклюжим, легко подпрыгнул и взмыл ввысь на три метра, словно наполненный гелием.

“Вот бы мне так!” — восхитился Дан.

Приземлился парень неловко и чуть не потерял равновесие. Соскользнул с парапета, но уцепился за край, резко подтянулся и взлетел на крышу снова.

— Это я специально! — весело крикнул он, непонятно к кому обращаясь.

Дан его отлично понял, хотя и подозревал, что парень говорит на чужом языке. Подобно тому, как Дан научился понимать чужака в маске, сейчас он сходу улавливал суть произнесенного спасителем.

Через минуту внезапно опустилась непривычная тишина.

Блондинка в белом и парень в красном выпрямились, расслабились. Меч воительницы с

негромким щелканьем каким-то образом сложился, сократившись в длине до полуметра. Пластины, из которых состоял клинок, напоззли друг на друга, как чешуя. Амазонка аккуратно повесила его на пояс сбоку.

Оглядевшись, чудотворцы перевели взгляды на Дана, у которого появился шанс разглядеть обоих при свете двух лун.

Парень был хорош собой: чернобров, носат, высоколоб, улыбчив. Во внешности есть что-то неуловимо южное, знойное. То же можно сказать и о блондинке. В отличие от Наты, мечница могла похвастать загорелой кожей, от природы, несомненно, светлой, и миндалевидными глазами. Дан уверенно назвал бы ее писаной красавицей, если бы не холодное, почти надменное выражение лица. Смотрела она на Дана немного презрительно и брезгливо.

Под плащом с рукавами и капюшоном из тонкой, почти прозрачной белой ткани на ней был топ и просторные штаны на золоченом пояске. Между топом и штанами проглядывала узкая полоска голого живота. Вся одежда — белее белого. И не запачкалась девчонка в драке...

Оба молчали, разглядывая лежащего Дана. Выглядел он, должно быть, неважно: в лохмотьях, грязный, окровавленный. Бомжара бомжарой.

Пока длился молчаливый осмотр, по лестнице на крышу поднялся еще один человек. Широкоплечий и высокий мужик в синем костюме, похожем на наряд красного красавца, с мрачной миной. Волосы тоже длинные, собранные в пучок на затылке, брови густые, почти сросшиеся, из-под которых сверкают злые глаза, широкий нос, толстые губы. Он держал в загорелых руках безмолвного Базиля. Его лапки были вывернуты, в корпусе — следы ударов, глаза погасли. Солнечная панель отвалилась и висела на проводке.

На сей раз на Дана взирали все трое странных разноцветных личностей.

Дан расклеил спекшиеся губы и прохрипел:

— Это мой робот!

Парень в синем отозвался низким, но мягким голосом:

— Его сломали местные жители. — Обернулся к соратникам и спросил: — Как этот человек выживал на этой Земле столько дней?

Прежде, чем ему кто-то ответил, Дан сказал:

— Вы кто такие?

Белая дева надменно, в тон гримаске, проговорила:

— Мы — Эмиссары Ади-Двипы, Главной среди Бесконечных Земель. Меня зовут Ёрис. Это мои коллеги, Кíран и Ракéш.

Улыбчивый Ракеш дружески подмигнул Дану. Мрачный Киран с Базилем на руках остался невозмутимым.

— Как вы меня нашли? — выдавил Дан.

Ему было важно это узнать. Если у них есть возможность отыскивать людей в Бесконечных Землях, значит, Дан найдет чужака... И дорогу домой.

— Мы не знаем, кто ты, — ответила девушка тем же холодным высокомерным голосом. — И мы не искали тебя. Мы делали обход Земель Нижнего Круга. Тебе повезло, что мы заметили твоего искусственного спутника. Как вы сюда попали?

У Дана нешуточно закружилась голова. Он не ответил.

Вмешался Ракеш:

— Извини, благородная Ёрис, но не нужно ли сначала забрать этого истерзанного

человека отсюда, оказать ему помощь, а уже после допрашивать?

“А он мне нравится...” — с трудом подумал Дан. Его терзала боль.

Ирис нахмурилась с несколько растерянным видом, сразу растеряв весь свой апломб.

— Да... м-м-м... ты прав, Ракеш. Возьмем его с собой. Пусть с ним поговорит Шен Дамон.

Дан проснулся в просторном помещении, залитом солнечным светом.

Некоторое время лежал, пытаясь восстановить в памяти череду событий, которая привела его сюда, в непривычно мягкую кровать.

Итак, вчера он отключился в присутствии спасителей-магов, что избавили его от ночных монстров. После этого сознание возвращалось на краткие мгновения, и он кое-как улавливал происходящее.

Вот его несут куда-то на носилках. Сияние и невесомость... Вот обтирают мокрой тряпкой, мажут пахучей прохладной мазью, бинтуют.

Он растерянно коснулся пальцами подбородка. Шея и часть щеки в бинтах. Кисти и предплечья тоже. Бинты необычные, желтоватые, слабо пахнут корицей и сандалом — у однокурсника был парфюм с таким запахом. Тонкое одеяло и простыни тоже имеют желтоватый оттенок, с более темным рисунком из витых линий.

Ничего не болит.

Кожа во многих местах неприятно зудит, но это слишком ничтожная неприятность в сравнении с тем, что ему довелось пережить.

Он жив и находится, судя по всему, в безопасности. Вопреки всему. Требуется время, чтобы переварить эту новость.

Он перевел взгляд на высокие окна с качающимися полупрозрачными занавесями. Сквозь них просвечивает голубое небо с мелкими кудрявыми облачками и неотчетливые силуэты разнообразных зданий.

Возле кровати на бронзовом штативе висит круглый флакон. Трубка от него тянется вниз и исчезает под бинтами в районе локтевого сгиба. Капельница.

Выглядит она как-то странно, не как медицинское устройство, а что-то из далекого прошлого, когда ездили на паровых каретах.

Снаружи доносится пение птиц и журчание воды. Какая-то птица вскрикивает громко и печально. Эти отрывистые вскрикивания звучат очень музыкально. Прежде Дан никогда не слышал таких звуков. В целом же относительно тихо и спокойно.

Дан снова сосредоточился на ощущениях в теле. Боли нет совсем. Кажется, можно легко встать.

С радостным предвкушением он шевельнулся, и раскаленная игла боли пронзила позвоночник. Он вскрикнул.

— Проснулся? — послышался откуда-то сзади знакомый голос. — Долго же ты спал!

Дан осторожно повернул голову. У изголовья в широком кресле, забравшись с ногами, сидел парень в красном, Ракеш. На сей раз он был в другом наряде, белом, но с красными элементами и без рукавов. Наручи оставались те же. Бицепсы и трицепсы у парня нехило этак были развиты.

“Где я?” — чуть не вырвалось у Дана. Он вдруг осознал, как по-идиотски звучит этот вопрос. Словно в слезливой мелодраме, когда герой пробуждается после амнезии.

Поэтому спросил иначе:

— Это еще одна Земля? Не та, где черные твари?

Голос у него был сиплый и слабый.

— Верно! — оживился Ракеш. Спрыгнув с кресла, он подошел к окну. По пути едва не уронил капельницу, но успел ее подхватить. Усмехнувшись, пояснил: — Это я специально!

Дан только сейчас обнаружил, что его переодели в что-то вроде пижамы с короткими рукавами из светло-серой тонкой ткани, очень приятной на ощупь.

Ракеш кончиками пальцев коснулся края занавеси, и та отлетела в сторону, как от сильного порыва ветра. Это была магия, не иначе. Ракеш отодвинул створку окна в бок — она каталась на шарнире. Сразу повеяло свежим теплым влажным ветерком.

Ракеш торжественно объявил:

— Ты на самой великой из всех Бесконечных Земель — на Ади-Двипа.

Дан повернул к окну голову, щурясь от света и ветерка.

За окном протянулась белая каменная терраса. На ней в больших горшках росли причудливые декоративные деревья. За террасой вздымались величественные каменные здания с причудливыми черепичными крышами, углы которых иногда были загнуты вверх.

Видимо, помещение, где лежал Дан, располагалось не на первом и не на втором этаже, а выше. Отсюда открывался восхитительный вид на город, чьи здания и улицы взбирались по склону титанической горной гряды. Ее бело-голубые туманные вершины нависали над городом вдали.

В синей выси плавно и беззвучно летали темные точки, слишком крупные для птиц. Вертолеты? Самолеты? Но почему нет звука?

Пахло зеленым и экзотическими цветами. Подобный аромат Дан вдыхал лишь однажды в оранжерее в Лесном. А еще пахло солью, как от моря.

У него снова закружилась голова — не от слабости, а опьяняющих ароматов.

Ракеш протянул ему половинку разрезанного мангостина. В толстой красноватой кожуре белели нежные дольки. Дан взял фрукт, попробовал. Вкус потрясающий.

— Ади-Двипа? — переспросил Дан.

— Да. В городе городов Антарапуре. Не слышал?

— Нет.

— Нет? — поразился Ракеш. — Ни разу? Значит, ты тоже с Земли Нижнего Круга?

— Что такое Нижний Круг?

Ракеш запрыгнул в кресло и взмахнул рукой, в которой была вторая половинка мангостина.

— Условность, и ничего больше. Бесконечные Земли условно группируют в три Великих Круга. Нижний, Средний и, как ты сам понимаешь, Верхний. Ади-Двипа находится в Верхнем Круге.

Дан подумал.

— Зависит от того, с какого конца смотреть?

Ракеш рассмеялся.

— Точно!

— А сколько всего Земель?

— В Нижнем круге? Бесконечное число. В Среднем уже можно сосчитать... кажется. А меньше всего в Верхнем. А вообще, они ведь так и называются — Бесконечные.

Дан помолчал. Потом спросил:

— Я могу найти свой мир?

— Если повезет. Но это сложно. В Нижнем Круге Эмиссары бывают реже всего.

— Кто бывает реже всего?

— Мы. Ирис, Киран и я — мы Эмиссары. Мы ходим по Землям, занимаемся разведкой, выполняем разные миссии.

Вообще-то Ракеш употребил другое слово — не миссия, а “кáрман-кáрья”. Но мозг перевел на автомате.

Ракеш, а до него Ирис изъяснялись на чужом языке, похожем на родной язык Дана, но ином. Дан как-то наострилсь вникать в смысл после общения с чужаком.

— Кто-нибудь из вас ходит в маске? — тихо спросил он.

Ясное дело, что чужак — не из Эмиссаров. Иначе зачем ему спасать Дана? Чужак превратил Камень-град в зомбилэнд, а Дана бросил умирать на заброшенной Земле. Но все же надо проверить.

— В маске? — удивился Ракеш. — Иногда да. На праздниках, например. Или если миссия требует.

Он снова выпрыгнул из кресла и уселся на краю постели. С горящими глазами спросил:

— Как ты попал на ту Землю? Ты умеешь ходить через мандалы?

Новоприобретенный внутренний переводчик почему-то не перевел новое слово. Наверное, в словаре языка Приполярья такого слова не сыскалось.

Дан не успел ответить — распахнулись широкие двери, и вошла Ирис, холодная и эффектная, как и в первый раз. Во всем белом, но на сей раз наряд куда более открытый: обтягивающий топик на бретельках и длинная юбка, больше похожая на парео. Топик открывал загорелый мускулистый живот и тонкую талию. На руках выше локтя красовались золотые (на вид) браслеты и виде свернувшихся кольцами змей. Волосы снова собраны в высокую прическу, которую держит длинная заколка.

“А она красива, — отметил Дан. — Если бы еще спесивую мордочку не корчила...”

Она глянула на Дана ледяными миндалевидными глазами и быстро перевела взгляд на Ракеша.

— Что ты тут делаешь?

Тот соскочил с кровати.

— Прости, благородная Ирис.

— Никто из посторонних не должен сюда приходить. У нас всех есть свои дела.

Ракеш поклонился и суетливо убежал.

Вопреки ожиданиям Дана, Ирис удалилась вслед за Ракешем.

Дан остался один. Голод и жажда совершенно не мучали, что само по себе явление непривычное. Как-то успели его подлечить и накормить, пока он валялся в отключке...

Чуть позже пришел врач в белом халате — старый, смуглый, круглолицый, с густыми седыми бровями и длинной жиденькой бородкой.

“Интересно, Ирис тоже врач? Ходит в белом”, — подумал было Дан, но тут же отринул это соображение. Никакая она не врач. Разве что подрабатывает хирургом, вместо скальпеля у нее — двухметровый меч, а из операций может проверить лишь ампутацию головы без наркоза. Что касается белых одежд, то, видать, вообразила себе невесть что, вот и выпендривается. Слишком у нее гонор большой, таким в медицине делать нечего.

И Ракеш к ней обращается с приставкой “благородная”. Что в ней благородного-то?

Лысый врач накормил Дана сладковато-солонатовой жидкой кашей с мелкими зернышками, быстро растворяющимися во рту. После нее сразу накатила приятная сытость.

В тот же день ему предоставили кресло на колесах. Он выехал на обширную террасу за окном, посидел в тени декоративных деревьев, полюбовался видами.

Вот тогда он наконец смог увидеть город Антарапур во всей красе с высоты предгорий.

Город начинался на берегу сине-зеленого залива, в котором пестрели разноцветные и разнокалиберные корабли, издали кажущиеся игрушечными. Заходящее солнце сверкало в водах океана. От берега город карабкался в горы ступень за ступенью. Черепичные и каменные крыши зданий, башни, золотые конусовидные сооружения с длинными пиками, похожими на антенны, величественные каменные здания со сложным рельефом, многоуровневые пагоды, заросшие цветами и садами террасы, искусственные водопады и древние, поросшие зеленым мхом статуи, — все это был город городов Антарапур.

Он был настолько живописен, что через короткое время зрение просто уставало от всего этого великолепия и начинало воспринимать красоту как нечто само собой разумеющееся.

Выяснилось, что “палата” Дана расположена на третьем, последнем этаже здания, утопающего в зелени и окруженного террасами и галереями. С соседними зданиями “больница” — если это была больница — соединялась крытыми переходами, образуя целый комплекс.

Этот комплекс был выстроен довольно высоко в горах. Город тянулся и выше, но основная часть осталась внизу, и Дану достался отличный наблюдательный пост. Выше виднелись какие-то величественные храмы с белыми дисками на стенах и специальных башенках и все те же пышные сады. Стены храмов покрывали барельефы. Рассмотреть их Дан с большого расстояния не сумел и с сожалением вспомнил о монокуляре, который, судя по всему, навсегда остался в пустыне другого мира.

За границами города простирались сплошные джунгли, над которыми вились тучи птиц.

Кроме птиц, вдали над городом и горами временами пролетали гибкие крылатые аппараты. Крылья, кажется, перепончатые, махать не машут, но активно участвуют в маневрировании. Издали аппараты похожи на своеобразные планеры, но передвигаются уж больно быстро.

Дан заглянул за невысокую каменную ограду террасы — внизу другая терраса, еще шире, с крохотными круглыми бассейнами, где растут лотосы и плавают бело-красные рыбки.

...Вечерело. В синеющем небе повисла бледная, почти полная луна.

Дан все сидел и сидел в своем инвалидном кресле, потрясенный всеми этими экзотическими красотами. Раньше он и не предполагал, что такая красота где-то существует.

Собственно, совсем недавно ему и в голову не пришло бы, что есть другие измерения. Смешно об этом думать, но он до сих пор как следует не переварил все эти факты. Просто принимал, как данность, без толкового осмысления. События закрутились очень быстро, для размышления времени не оставалось.

Но сейчас время есть, а сам он тут, в Антарапуре... Так далеко от Камень-града, что расстояние не измерить никакими аршинами, километрами и солнечными годами.

Возьмем новорожденного — он принимает как данность тот мир и ту семью, в которых родился. Вопросами он, естественно, не задается. Почему именно здесь? Почему именно сейчас, а не во времена средневековых баронов или пещерных людей? Почему мальчиком, а не девочкой (и не наоборот)? Вот и Дан теперь как новорожденный. Не остается ничего другого, кроме как молча принять эту ситуацию.

С наступлением сумерек громче зазвенели насекомые. Из глубин памяти всплыл Камень-град с его тускло-серыми красками, дождливым небом и ночами, что делятся большую часть суток. И сердце тоскливо сжалось.

Ночью он несколько раз просыпался в страхе, что его обступили монстры. Рука тянулась в поисках плазменной пушки, но находила лишь чистые простыни.

Шляпа Макса! Где сейчас эта шляпа, с которой он не расставался все эти сумасшедшие дни и ночи?

Утром он спросил о шляпе пришедшего на осмотр лысого доктора. Доктор пожал плечами и ответил, что ему это неизвестно.

— Ложитесь, — велел он. — Я сделаю капельницу.

Но сегодня Дан пребывал в дурном расположении духа и послушно выполнять требования доктора не желал.

— Они сказали, что со мной поговорит какой-то Шен Дамон. Где он? Почему никто не приходит? Камень-град... мой мир в беде! Понимаете?

Доктор повторил:

— Увы, мне неизвестно, кто вы такой и когда Шен Дамон обещал вас посетить. Это не мое дело, я лекарь. Ложитесь, пожалуйста.

Изрекал он все это вроде бы вежливо, но в голосе сквозило столько презрительной надменности, что Дана передернуло.

— Все вы знаете, — сказал он. — Просто по-человечески объяснить не хотите. Я что, получается, пленник? Бойтесь, что спрыгну с террасы и в горы сбегу?

— Вы не пленник, а больной. Вам нужно лежать и подчиняться велениям доктора...

— Я устал лежать!

Дан начал привставать, чтобы перебраться в коляску. Вчера ему подсобил доктор, а сейчас неизвестно, удастся ли повернуть это сложное дело самостоятельно. Но Дану было все равно, упрямства ему не занимать.

Доктор толкнул его в грудь, чтобы вернуть обратно на подушки. Довольно сильно толкнул. Вот это была ошибка.

Совместное житье с ночными монстрами в условиях мертвой пустыни здорово испортило Дану характер, и прежде не отличающийся мягкостью и покладистостью. Да и не мог подобный травматический опыт остаться без последствий.

Дан быстро выдернул из одной руки старика трубку капельницы и привычно наполнил ее энергией. Трубка затвердела, превратившись в оружие. Дан взмахнул трубкой, как дубинкой, и выбил флакон из другой руки доктора. Флакон отлетел в угол, но не разбился. А трубка обвилась вокруг шеи доктора, стянулась в петлю, и тот захрипел, задыхаясь.

Дан притянул к себе побагровевшее лицо доктора и проорал:

— Я! Должен! Поговорить! С вашим главным! Мой мир в опасности, мать твою!

Доктор правой рукой уперся в край кровати, а левую отвел назад, как для замаха. Над ладонью возник светящийся диск.

“Это еще что за фигня?” — подумал Дан.

Он приготовился отпустить доктора в тот момент, когда тот попытается ударить этим диском. Если хватку разжать внезапно, доктор потеряет равновесие, и никакого грамотного удара не получится. Тогда Дан угостит его хлестким ударом трубкой по лысой башке.

А дальше... Дан не думал, что будет дальше. Глядишь, кто-нибудь соблаговолит явиться на крики и поговорит с ним. А то тут все — кроме Ракеша — совсем берега попутали, ходят, задрав носы... Это бесит — особенно после всего пережитого.

Но удара со стороны доктора не последовало.

Кто-то, возникнув как из-под земли позади доктора, ловко и мягко перехватил его

кисть, и диск сразу же растворился без следа. Этот же кто-то легко снял трубку с шеи старика; она почему-то перестала быть твердой, хотя Дан наполнял ее энергией.

Новый человек отстранил задыхающегося доктора, встал на его место и широко улыбнулся. Дан, дыша так же тяжело, как и спесивый старик, — из-за усилий и боли, — уставился на новоприбывшего.

Это был мужчина неопределенного возраста — может быть, лет сорока, а может, и пятидесяти с гаком. Сильно загорелый, как и все здесь, высокий, широкоплечий, мощного телосложения. Обнаженные руки — длинные и мускулистые. Под густыми прямыми бровями глаза навывкате, неожиданно чистого синего цвета, с веселой безуминкой. Длинные черные волосы собраны в увесистый пучок на затылке. Щеки и подбородок покрывает изрядная щетина. Одет в безрукавку карминно-красного цвета и такого же цвета просторные штаны на широком поясе. Под безрукавкой — шафраново-желтая майка с буквами, отдаленно похожими на “WM”. На шее висят бусы из лакированных деревяшек с какими-то символами.

Неожиданный гость поинтересовался глубоким баритоном:

— Какие-то вы все разгневанные! А порочный круговорот гнева и насилия не имеет, между прочим, конца!

Некоторая дурашливость в его тоне плохо сочеталась со свирепой внешностью.

— Это недопустимое поведение с Держателем тайн! — возмутился доктор, к которому вернулись дыхание и спесь.

Человек в карминных одеждах беспардонно отпихнул того в сторону.

— Идите и отдохните, док. Я сам займусь пациентом. Он с далекой Земли и не в курсе, что с Держателем Тайн следует обращаться трепетно, подобострастно и ласково.

До старикашки, похоже, сарказм произнесенного не дошел.

— Надеюсь, Шен Дамон, вы ему это объясните!

— Пренебреженно, — беспечно пообещал человек.

Доктор вышел из помещения с напряженно выпрямленной спиной. А человек улыбнулся Дану, пододвинул к постели кресло-коляску и сел в нее, соединив кончики пальцев.

— Вы Шен Дамон? — уточнил Дан.

Этот тип не то чтобы понравился Дану, но и отторжения не вызывал.

— Угу.

— Вы самый главный здесь?

— К счастью, не самый.

— Почему “к счастью”?

— Потому что самый главный всегда так же несвободен, как и самый ничтожный.

Дан слегка подвис от этой сентенции. Он почти совсем успокоился после вспышки гнева.

— Отдайте шляпу! И цепь, — потребовал он наконец.

Зачем он это сказал? И сам не знал. Просто приспичило, и все тут.

— Твои грязные шмотки выбросили — на них даже смотреть без содрогания нельзя. Но шляпа с цепью, кажется, уцелели. Шляпа, кстати, от дождя, а не солнца. Зачем тебе шляпа от дождя в солнечном Антарепуре? В ней будет жарко.

— Это память...

Шен Дамон приподнял густые брови и округлил толстые губы.

— А без нее ты потеряешь свою память? Это ведь просто кусок прорезиненной ткани не самого лучшего качества. Твои воспоминания куда качественнее этой шляпы — их невозможно порвать или испортить. Как тебя зовут?

— Дан... Данис. Кременев.

— Расскажи мне, Дан Данис Кременев, все, что с тобой случилось. Как ты попал на ту негостеприимную Землю, где нашли тебя мои ученики?

Дан начал неохотно рассказывать, но вскоре увлекся. Слушал сам себя и диву давался: не история, а сущее безумие. Но Шен Дамон внимал не перебивая, подперев одну обросшую щетиной щеку ладонью и рассеянно глядя куда-то мимо Дана своими выпуклыми яркосиними глазами. Иногда он кивал и почесывал грудь над вырезом майки, поросшую курчавыми черными волосами.

Когда Дан дошел до магического глаза в небе Камень-града, Шен Дамон оживился.

— Опиши-ка поподробнее эту штуку!

— Вроде громадного белого глаза... С черной роговицей и зрачком... Висела прямо в воздухе метрах в двадцати над землей...

— Его покрывали зеленые потеки? Вроде соплей?

— Да!

Шен Дамон удовлетворенно покивал. Задумался.

Дан спросил:

— Вы знаете, что это было? И кто этот тип в маске?

Дамон снова покивал сам себе и вдруг сказал:

— Не представляю.

— Вы издеваетесь? — Дан нахмурился.

— Нисколько.

— Вы знаете, как все вернуть назад? Спасти тех, кто в Камень-граде?

— Нет, я тоже этого не знаю... Пока нет.

— Пока нет? Как это понимать?

— Всему свое время, Дан Данис Кременев. — Шен Дамон воздел крепкий палец. — Есть закон Естественной Вселенной. Надо следовать ему, и тогда все будет хорошо. Когда-нибудь мы найдем дорогу к твоей Земле и узнаем, что там произошло и как все исправить. Но сейчас мы дорогу не знаем. И остального тоже.

— Но вы узнаете и поможете? — допытывался Дан. — Или это все брехня, чтобы от меня отмазаться?

Шен Дамон пожал литыми плечами.

— Не хочешь спросить о себе? Не вылечим ли мы тебя? Сможешь ли ты ходить?

— Зачем? Чтобы вы сказали, что меня вылечит Естественный Закон Вселенной? — язвительно парировал Дан.

Нет, он, конечно, сознавал, что ведет себя нагло и не совсем адекватно в отношении спасителей, которые ему ничего не должны. Дерется, требует ответов на вопросы, ехидничает. Но задравшая боль в позвоночнике не способствовала добродушию, хоть убей.

Дамон рассмеялся — вроде бы вполне искренне. Проговорил:

— А ты мне нравишься!

“Я твам... ты... нравится! Будди зрители!”, — сказал ему чужак в маске. Дан этих слов никогда не забудет. Как и всего, что случилось примерно в то же время.

Не этот ли пучеглазый фрикер разгуливал по Камень-граду в маске?

Дан поглядел на его волосатую мускулистую руку — татуировки нет. Да и рука у чужака была тоньше и не такая волосатая...

Отсмеявшись, Шан Дамон наклонился вперед и легонько щелкнул Дана по лбу. Тот не успел среагировать.

— Мы избавим тебя от боли, если ты больше не будешь душировать врачей, — заявил Шен Дамон. — Но полностью не вылечим. Это я знаю точно. У тебя напрочь заблокирована нижняя чакра. И вторая сильно пострадала. В Антарапуре нет возможности снять этот блок.

Дан постарался скрыть, насколько новость его поразила. Неизвестно, получилось ли; скорее всего, нет. В последнее время, насмотревшись на магию и прочие чудеса, он почти уверился в том, что его излечение — не проблема. Если эти люди свободно перемещаются между мирами, то поправить чей-то проблемный хребет для них и вовсе пара пустяков.

Но Шен Дамон выбил почву из-под этой уверенности, напрочь лишил надежды. Причем сделал это так небрежно и равнодушно, что сразу стало ясно: ему чихать на страдания Дана с высокой башни.

Дан сжал челюсти. Помолчав, он с горьким смешком произнес:

— Значит, мне до смерти ползать на брюхе.

— Зачем ползать? — удивился Шен Дамон. — У тебя есть замечательное кресло на колесах. Дарим его тебе. А еще ты можешь немного пожить в нашей Академии. Посмотришь на наши тренировки, если будет скучно. Какой тебе смысл возвращаться в свой мир? Особенно после того, что там произошло?

Он подмигнул с озорным видом. Смешно ему, видать. Дан промолчал. Похоже, Шен Дамон — та еще сволочь...

— Зато у тебя проявились сиддхи и индрии, — продолжал Дамон. — Сверхспособности. Ты управляешь Поток, верно? Эта та сила, что заставила трубку стать твердой...

“И мою цепь”, — подумал Дан.

— У заблокированной нижней чакры есть свои плюсы. — Шен Дамон снова подмигнул. — Она отвечает за инстинкт выживания. С тех пор, как чужак ее заблокировал, ты не боишься смерти, верно?

— Не боялся бы смерти, давно бы умер, — пробормотал Дан.

— Неправда. В особо экстремальных ситуациях лучше выживает тот, кто не боится смерти, рискует и добивается успеха вопреки всему. Что касается второй чакры, то она отвечает за... хмм... инстинкт размножения. От него тоже много проблем... Считай, что ты стал бесстрашным монахом с сиддхами.

Шен Дамон задумался.

— А что если взять тебя в Академию? — сказал он. — Мы тебя научим кое-чему... Хотя нет, не советую!

Он тыкнул в Дана пальцем, словно тот сам просился в Академию.

— Хлопотная работенка, знаешь ли... Но, возможно, мы и тебе найдем занятие. Не будешь ведь ты валяться целыми днями без дела?

— Вы издеваетесь, да? Инвалиду — в Эмиссары? Что за бред?

Шен Дамон покачал головой и наставительно проговорил:

— Человек лишь до тех пор инвалид, пока сам считает себя таковым. Запомни это! Ты уже показал нам железную волю воина. У тебя есть сиддхи. Ты научился нашему языку... хотя язык Ади-Двипы понимают все люди на бессознательном уровне.

— Что это значит?

— Язык Ади-Двипы — естественный язык всего человечества на всех Бесконечных Землях. Праязык, если угодно. Его понимают все, как музыку, смех и слезы... если слушают внимательно, конечно. Все остальные языки — производные от нашего. Но это неважно.

Важно то, что у тебя есть воля и сила. Да ты чуть Держателя Тайн не задушил, ха-ха!..

— Что это был за диск у него? — мрачно спросил Дан. — Сжег бы он меня, да?

— Нет, это немного другое. Ты бы просто уснул... навечно! — Шен Дамон закис со смеху. — Шучу! Я просто шучу, ха-ха-ха!..

Он встал и, продолжая по-идиотски посмеиваться, вышел из помещения.

Дан проводил его взглядом.

“Чокнутый”, — сделал он вывод.

То, что он остался один, его устраивало. Пора собраться с мыслями, обдумать все, переварить. У него есть сверхспособности, но нет возможности ходить. Можно ли развить сиддхи? Что дает владение сверхспособностями в этом мире? Похоже, что немало. Здесь ведьмы и колдуны — часть сообщества, а не материал для растопки костров.

Долго размышлять и переваривать не довелось. В косяк открытой двери постучали, и вошел, не дожидаясь ответа, Киран, мрачный парень в синем. При первой встрече он показался Дану взрослым дядькой, но сейчас обнаружилось, что Киран вряд ли старше самого Дана. Ему, скорее всего, и двадцати нет. Просто он слишком угрюм и брутален, оттого и выглядит старше своих лет.

Киран снял с плеча тряпичную сумку и осторожно поставил на кровать в ногах Дана.

Так как гость молчал, Дан заговорил первым:

— Ваша начальница в белом сказала, чтобы сюда посторонние не приходили.

Киран скривился.

— Ирис мне не начальница. Она такой же Эмиссар нижнего звена, как и я. Пора бы ей забыть про сословные различия!

Он резкими движениями открыл сумку — и вынул Базиля. Целого и невредимого, со светящимися зелеными глазами.

Робокот завопил:

— Данис! Как я рад тебя видеть! Вот видишь, как полезен оптимистический взгляд в будущее!

Дан разинул рот. Потянувшись, он схватил Базиля. В те страшные дни и ночи на Зброшенной Земле у Дана не было никого ближе. Базиль тряс ушами на шарнирах и вилял хвостом, видимо, забыв, что кошки так не делают.

— Базиль! — вскричал Дан. Он покругил няньку туда-сюда, разглядывая аккуратные заплатки на корпусе из неизвестного плотного вещества. Потом повернулся к Кирану: — Это ты его починил?

Тот кивнул:

— Да.

— Спасибо! — с чувством сказал Дан.

Киран смущенно заулыбался:

— Пожалуйста. Я люблю что-нибудь чинить... иногда.

И, насупившись, сразу стер улыбку.

Вспомнив кое-что, Дан спросил:

— Киран... О каких сословиях постоянно тут твердят? Шен Дамон пообещал врачу рассказать мне о сословиях, но наговорил всякого бреда, поиздевался и ушел.

Киран покачал головой.

— Шен Дамон не издевался, поверь. Точнее, возможно, он и издевался... так это выглядит, по крайней мере. Но никто, кроме Шен Дамона, не знает, к чему приводят его

поступки. Он — один из самых сильных махасиддхов Верхнего Круга и ничего не делает просто так. Возможно, он и самый сильный. Оттого и ненормальный...

Поколебавшись, он осторожно присел на краешек кровати и продолжил:

— А что насчет сословий вот что могу сказать. В Антарапуре народ делится на четыре сословия. Воины, Держатели Тайн, Деятели и Служители. Воины защищают нашу цивилизацию. Они прокладывают новые торговые пути, воюют, если надо, защищают от врагов с далеких Земель. Держатели Тайн хранят секретные магические знания, лечат, разрабатывают новые магические технологии... — Киран усмехнулся: — А еще интригуют и плетут мировые заговоры.

— Заговоры? — удивился Дан.

— Так болтают. Это сплетни. Хотя... Ладно, идем дальше. Деятели — это торговцы и дельцы, делающие деньги.

— У вас есть деньги?

— Конечно. Как без них?..

Дан затруднился с ответом, и Киран сказал:

— В сословие Служителей входят те, у кого нет особых способностей. Кто не владеет магией или владеет слабо. Они прислуживают трем другим сословиям.

— Скажи, а если кто-то из сословия Воинов, он может стать Держателем Тайн?

— Может. — Киран скривился. — Но это непросто. Надо пройти испытания, сдать тяжелый экзамен.

— А человек из одного сословия может жениться на человеке из другого?

— Тоже может. Хотя лучше жениться на девушке из своего сословия.хлопот не оберешься. Ты уже жениться собрался?

— Нет. Просто интересно. А что будет с детьми от смешанного брака?

— Как что? Когда им исполнится двенадцать лет, пройдут Обряд Инициации и определятся с сословием.

— Хм... А без сословий нельзя жить?

— Думаю, что нет, нельзя. Любое общество состоит из сословий. Я побывал на многих Землях, везде одно и то же. Иногда люди отрицают сословность общества, но оно есть, и от этого возникают проблемы. Нельзя отрицать то, что есть на самом деле.

— Ирис... Она из Держателей Тайн?

— Ага!

— И мой доктор, да? — Дан задумался. — Они все такие надменные?

— Э-э-э... Не все. Но многие. Это высшее сословие, самое влиятельное и могущественное. Отсюда и спесь. Они тоже делятся внутри своего сословия — на Верховных Держателей, Средних и Младших. Ирис — Младшая. Носят Держатели белое.

— Всегда? — уточнил Дан.

— Почти всегда. Это символ чистоты их знаний. Некоторые виды работ им запрещены. Например, прикасаться к грязным вещам, заниматься уборкой. За них этим занимаются Служители. И Держателям нельзя есть пищу, приготовленную для других сословий.

— Хорошо устроились!

— Все-таки от них есть польза, — неохотно признал Киран. — Да и мало их — меньше всех остальных сословий, около десяти процентов от всего населения Ади-Дви́па...

— Понятно. Часто встречать их и терпеть не придется. А Воинов сколько?

— Воинов около двадцати процентов. И носят они красные одежды.

— Получается, Ракеш из сословия воинов?

— Да.

— Поэтому он так хорошо дерется?

Киран ухмыльнулся — немного презрительно, на взгляд Дана.

— Поверь, он дерется совсем не так хорошо, как должен Воин. Он ленив. И часто занимается ерундой. А драться с применением Потока умеют все сословия.

Дан кивнул. Он видел, как орудует мечом Ирис.

— Среди Деятелей есть Промышленники, Торговцы, Производители и прочие, — сказал Киран. — У них имеется свой разведкорпус. Он занимается... э-э-э...

— Промышленным шпионажем? — предположил Дан.

— Да. В том числе. — Киран улыбнулся. Делал он это нечасто, судя по всему. — Носят они синие одежды. Их около тридцати процентов от всего населения.

— И ты...

— Я из сословия Деятелей, — с вызовом сказал Киран. — Это второе сословие... если считать снизу.

— Лучше вообще не считать, — сказал Дан. — Что там со Служителями?

— Они надевают черные одежды. Их около сорока процентов.

Киран раздраженно дернул плечом и посмотрел в сторону выхода.

Тема собственного сословия для Кирана чем-то болезненна, сообразил Дан. И сменил тему:

— А Эмиссары? Они к какому сословию принадлежат?

— Ни к какому. Их, то есть нас, собирают из разных сословий.

— А свой цвет одежды у них, то есть вас, есть?

— Есть. Темно-красный. Но не все соблюдают дресс-код.

Конечно, он сказал не “дресс-код”, но Дан распознал значение произнесенного слова именно так.

— Шен Дамон соблюдает, — сказал Дан. — Из какого он сословия?

— Никому не известно. Кроме, разве что, него самого.

Дан усмехнулся.

— Какой он таинственный и удивительный!

Киран шутки не поддержал. Ему, по всей видимости, вообще надоело обсуждать сословия и Эмиссаров. Он придвинулся к Дану, буравя его черными глазами.

— Думаю, ты еще удивительней! Как ты выжил на той Земле? У тебя сиддхи? Какого уровня?

— Я не совсем вкурил, что такое сиддхи, — признался Дан. — И чем они отличаются от индрий.

— Сиддхи — внешние способности. А индрии — внутренние.

— Телекинез и телепатия?

— Дурацкие названия. Но на некоторых Землях сиддхи и индрии так и называют.

— Мои способности сами собой возникли, — сказал Дан.

Он подумал о снах со светящейся сферой. О том, как почуял приближение чужака и Эмиссаров. Он об этом уже поведал Шен Дамону.

Киран выпятил губу, кивнул, почесал подбородок.

— Ты очень стойкий, Дан. Я таких уважаю.

— А у тебя какие сиддхи и индрии?

“У Ракеша умение становиться тяжелым и твердым или легким и воздушным, — подумал Дан. — А Ирис владеет двухметровым мечом и бьется электричеством... если это электричество, а не что-то еще. Но способностей Кирана я не видел”.

Однако желание болтать у Кирана, похоже, испарилось. Он нахмурился, встал, коротко буркнул:

— Не слишком развитые. Ладно, пока. Выздоровливай.

И поспешно ушел.

Повисла пауза. Дан смотрел на дверь, за которой исчез Киран, и думал. Не все просто в Антарапуре. Шен Дамон что-то скрывает, и Киран тоже. По всей видимости, Дану еще предстоит многое выяснить.

А время идет... Как там Григор и остальные каменьяградцы?

Молчание нарушил Базиль:

— Я ведь говорил, что все наладится? Помнишь, Данис?

Дан помнил. Но тихо сказал:

— Еще далеко не все наладилось...

...На следующий день Дана перевели в другое помещение на том же этаже, поменьше, но с такими же высокими потолками и окном во всю стену. Одна дверь выходила на галерею, вторая — в мраморную ванную, украшенную барельефом в виде причудливых животных и людей.

Вид из окна был привычно живописным и сочным: террасы, сады, фонтаны и крыши.

Пока Дана катили в кресле, он заметил одну необычную деталь: по полу в галерее тянулись тройные серебристые линии. Иногда они отходили в сторону закрытых дверей, иногда нет, хотя двери имелись. Линии шли и в направлении лестницы, стекая по ступеням.

На дверях висели таблички с надписями, сделанными причудливыми и неизвестными буквами. Дан их не понимал. Забавно: на слух язык Ади-Двипы он понимает, а читать не умеет! Совсем как ребенок какой-нибудь... И катать в коляске его надо.

По сути, он и был большим ребенком. Про новый мир он знал очень мало, почти ничего. Ходить не умел. Но детишки рано или поздно начинают ходить самостоятельно, а Дану это не светит никогда.

Ночью в окна задувал теплый ветерок. Разница в температуре между днем и ночью ощущалась слабо. Проснувшись среди ночи, Дан услышал легкий шелест дождя.

Климат здесь что надо, подумалось ему, прежде чем снова погрузиться в сон. Не то что в Камень-граде или Зброшенном Мире.

На следующий день вместо прежнего лысого врача явилась женщина в белом. Судя по всему, лысый слишком обиделся за попытку его задушить, чтобы дальше ухаживать за больным.

Новая докторша носила непривычно звучащее имя Керртú. От прежнего лекаря она отличалась практически всем.

Во-первых, была невысокой круглой женщиной средних лет с густой шевелюрой волос, выкрашенных к кислотно-красный цвет, напомнивший Дану дождевик Григора. В волосы были вплетены ленточки цветов всех четырех сословий. Все это, на взгляд Дана, плоховато гармонировало друг с другом, а также с круглыми зелеными глазами и здоровенными платиновыми серьгами в ушах, но в целом сильного отторжения не вызывало.

Во-вторых, Керрту оказалась крайне разговорчивой и общительной дамой, при первой же встрече вывалившей на Дана массу подробностей непростых взаимоотношений с

коллегами по цеху, с двумя бывшими любовниками и шумными соседями.

В-третьих, белизну ее халата нарушал яркий рисунок: две бело-красные рыбки в окружении букв здешнего алфавита. У лысого лекаря ничего подобного не было.

Когда она наконец ушла, проведя все медицинские манипуляции, Дан откинулся на подушки с легким головокружением от ее болтовни. Керрту утомляла буйной энергией, но в то же время здорово подняла настроение. И реабилитировала в глазах Дана сословие Держателей Тайн. Оказалось, не все из них напыщенные индюки.

Докторша принесла шляпу Макса — об этом, как выяснилось, ее попросил Шен Дамон. Дан бережно положил ее на тумбочку рядом с постелью.

Дни следовали один за другим. С Дана сняли повязки. Шея и щека зажили, но беловатые шрамы остались. А еще через пару дней Дан обнаружил, что жуткая боль исчезла без следа. Теперь он мог двигаться, изгибаться, переворачиваться — и все это совершенно без последствий.

Он настолько привык к боли, что ее отсутствие почти шокировало. Чуть ли не разочаровывало.

Но к хорошему быстро привыкаешь, и Дан через пару дней приспособился к этому значительному улучшению здоровья.

Керрту, энергия из которой так и хлестала, предложила Дану каждый день совершать прогулки по окрестностям. Дан согласился раньше, чем она успела завершить вопрос. Торчать сутками в одной комнате ему обрыдло до ужаса.

И они начали прогуливаться по аллеям вокруг Академии Эмиссаров: Дан в кресле, а Керрту — позади.

Обычно аллеи пустовали, лишь изредка они встречали загорелых людей в одежде одной из четырех расцветок. Рано утром и поздно вечером, в свете круглых фонарей Служители, почти незаметные в своих черных спецовках, подметали брусчатку, усеянную широкими резными листьями вечнозеленых деревьев. Днем по аллеям изредка проходили молодые люди в карминных одеждах Эмиссаров, но никто из них не подходил и не заговаривал с Даном и его спутницей.

Керрту постоянно о чем-то болтала и в итоге поведала много интересных вещей. Оказалось, например, что Антарапур расположен в устье реки Питья, впадающей в южный залив, который выходит на востоке к океану. На севере город окаймляет величайшая горная гряда под названием Хеманвихар. За пределами Антарапура вдоль побережья океана простирается бесконечный тропический лес.

Также Дан узнал, что город защищен магическим куполом от возможного нападения врагов из далеких Земель. Кто такие эти враги? Керрту об этом то ли не знала, то ли не желала распространяться.

— Какие-то уроды, наверное, — доверительно шепнула она. — Среди Бесконечных Земель есть ужасные места... И населены они такими монстрами, что и не представить.

Дан кивнул. Он считал, что представить как раз таки несложно, особенно если ты побывал на Заброшенной Земле, где каждую ночь тебя атакуют чудища. Но спорить не стал. Вероятно, его ночные монстры — безобидные симпатяшки в сравнении с теми, что населяют далекие Земли.

— А еще купол защищает от Всевидящего Ока, — сообщила Керрту.

— А это что такое?

— Не слышал еще? Это такой магический объект, который следит за Землями...

Дан, естественно, тотчас подумал о том мерзком глазе, парящем в небе Камень-града. Он забросал Керрту вопросами, но ничего внятного не добился. Похоже, докторша знала об этом очень мало.

Также Дан узнал, что под Антарapurом скрывается целый подземный город, вход в который пролегает через высоченную башню. Эту башню Дан увидел со специальной площадки над небольшой речкой, журчащей среди густых розовых кустов. Из окон его “палаты” башню не увидеть. Дан представил, какой вид открывается с ее вершины, и у него сразу закружилась голова. Он всегда боялся высоты. Лучше сразиться с сотней ночных монстров, чем залезть на эту башню.

В подземном городе спрятаны некие знания, которые известны лишь некоторым Старшим Держателям, поведала Керрту. Сама Керрту относилась к Младшим, причем это ее особо не парило. Ее полностью устраивало нынешнее положение.

Дан воспользовался разговорчивостью нового доктора и поинтересовался насчет Академии Эмиссаров. Тем более, что Шен Дамон к нему больше не заглядывал, равно как и прочие Эмиссары, и спрашивать было некого.

Кое-что Керрту знала и охотно знаниями поделилась. Эмиссары выполняют различные миссии на разных Землях. Иногда это требует нешуточной отваги и способностей, в том числе магических. Эмиссары, если вкратце, — это какие-то суперагенты, понял Дан. Основная их цель — если верить официальным заявлениям, конечно, — защита Земель Верхнего Круга от Темных Богов, недружественных магов и прочих злобных существ.

— А зачем защищать Ади-Двипу, если все эти враги на других Землях? — спросил Дан. — Как они сюда проникнут?

Он чуть было не ляпнул “к нам проникнут”, но воздержался. С одной стороны, он привык к Антарapurу (хотя почти нигде не побывал, кроме Академии и парка вокруг), с другой, подозревал, что надолго здесь не задержится. Его родина — Камень-град, и неважно, во что он сейчас превратился.

— Через мандалу ведь! — воскликнула Керрту. — Люди и прочие существа на многих других Землях владеют искусством перехода по мандале. Лучше всех, конечно, переходят Эмиссары — поэтому на некоторых Землях их называют Богами Бесконечных Земель.

— Что такое мандала?

В этот момент они медленно продвигались по узкому проходу между старым заросшим участком парка и каменной стеной с барельефом, которую обильно покрывал желто-зеленый мох и побеги крепкого и гибкого растения вроде лиан. Керрту развернула коляску к стене, и Дан увидел на стене изображение круга, внутри которого размещались квадраты, а внутри них — еще круги и так далее, почти до бесконечности. Картинка пестрела в глазах, и создавалось впечатление, словно она движется, плывет, распускается, как лепестки геометрически правильного цветка.

— Вот мандала! — заявила Керрту. — Если кратко: это схема нашей вселенной, отражающей самоподобие Бесконечных Земель.

— Как понять “самоподобие”?

— Не могу сказать. Я прогуливала те уроки в школе, где об этом учили...

Это было похоже на Керрту. Правда, Дан не исключал возможности, что Керрту не рассказывает всего, что знает. Вероятно, ей напрямую запретили обсуждать определенные темы. Как бы то ни было, Дану не оставалось ничего иного, кроме как довольствоваться сказанным.

— И как ею пользоваться? — спросил он.

— Нужно иметь к тому склонность. Средство с мандалой. Кажется, это врожденная магия.

— Например, видеть ее во сне?

— Во сне? Ну, наверное...

— А ты умеешь ходить через мандалу, Керрту?

Докторша при первом знакомстве настояла, чтобы Дан обращался к ней на “ты”, несмотря на разницу в возрасте. Сначала Дана это немного смущало, но потом он привык. Мало того, начал воспринимать ее как сверстницу, свою в доску.

— Только если до этого внимательно изучить Ключ.

— Что за Ключ?

— Изображение мандалы. Они все непохожи друг на друга, как отпечатки пальцев и личный почерк.

Дан указал на барельеф на стене.

— А эта мандала куда ведет?

— Боюсь, что никуда, — рассмеялась Керрту. — Это так, для красоты... Это не Ключ.

Дан подумал.

— Наверное, в Антарапуре есть ключи ко многим Землям? — предположил он.

— О да, можно не сомневаться! Но открыты они не для всех.

“Но для Эмиссаров точно открыты”, — мысленно договорил Дан.

Надо держаться поближе к Академии. Втереться в доверие к Эмиссарам, стать своим. Это будет одновременно сложно и просто. Сложно — потому что он не может ходить и стать полноправным Эмиссаром, просто — по той же причине, так как люди склонны доверять таким вот беспомощным персонам.

Если Шен Дамон не желает помочь каменьградцам, то Дан найдет способ справиться самому. Чакры у него заблокированы, но нет боли. А ведь он выживал в ситуации похуже нынешней. Каменьградцам он поможет, чего бы это ни стоило.

Впрочем, Шен Дамон о нем не забыл. Через несколько дней к Дану в гости пожаловали все трое его спасителей: Ракеш, Ирис и Киран. Как выяснилось — по приказу Шен Дамона.

Это случилось в полдень, незадолго до того времени, как Дану приносили обед. Керрту ушла где-то с час назад, сделав утром точечный массаж спины с помощью острых деревяшек и игл, и Дан от нечего делать отжимался сидя в кресле — руками от подлокотников. Он дал себе твердое слово не терять форму, невзирая ни на что.

Встреча получилась немного натянутой. Все трое Эмиссаров задали вопросы о здоровье и настроении, а потом разговор застопорился. Дан отметил, что наедине с ним и Ракеш, и Киран довольно общительны и открыты; сейчас же оба слегка напряженные, и слова из них не вытянешь.

Возможно, причиной тому была Ирис, как всегда холодная, надменная и недоступная. Правда, на Дана она в этот раз смотрела с искренним интересом, и в голосе вроде бы проскользнули теплые нотки.

По настоянию Дана Эмиссары сели на его застеленную постель. Сидели с выпрямленными спинами, сложив ладони на коленях, а Дан пребывал в своем кресле напротив. Ирис оказалась зажатой между Кираном и Ракешем, и, кажется, никто из них сложившейся ситуацией не восторгался.

— Спасибо, что пришли, — сказал Дан с улыбкой. — Я успел пообвыкнуться за все это время. Все же я тут вторую неделю торчу...

В этих словах как бы скрывался затаенный укор: мол, я тут кучу времени, а вы заявили только сейчас. Дан не желал никого укорять — как-то само получилось. Однако Ирис вдруг явственно покраснела, Киран нахмурился, а Ракеш растерянно заулыбался.

— Шен Дамон сказал, что я могу смотреть на ваши тренировки, — добавил Дан.

— Да, конечно, — сразу отозвалась Ирис. — Завтра утром кто-нибудь из мальчиков... — Она поочередно посмотрела сначала направо, на Ракеша, затем налево, на Кирана. — Кто-нибудь из них тебя проводит в тренировочный зал.

Те покивали.

Ирис встала. Сегодня на ней было что-то вроде светло-серого сарафана с белыми полосами по бокам. Чрезвычайно короткого сарафана, открывающего длинные ноги в полупрозрачных чулках. Белые волосы были заплетены в две косы, и те — сложены в шишечки, украшенные белыми бантами, как у выпускницы.

“Будто в секс-шопе шмотки подбирала”, — отметил про себя Дан.

Ракеш и Киран при этом, судя по всему, в этом ее вызывающем наряде ничего зазорного не находили. Дан уже заметил, что здешние иногда одеваются довольно странно, как на фестивале косплея какого-нибудь. Стоит посмотреть хотя бы на эпатажную Керрту...

Когда молодые Эмиссары ушли, Дану принесли еду в тележке на колесах. На первое — острый суп с креветками и какими-то пряными растениями, отдаленно похожими на морскую капусту, на второе — отварной бурый рис и кусочки белого мяса в остром и жирном соусе. На третье прилагались соленые хрустящие печеньки, что-то вроде конфет и черные, будто обгоревшие, бобы, на вкус весьма приятные.

Дан не в первый раз ел все это и каждый раз откладывал про запас печеньки, конфеты и

бобы. Вроде бы это нескоропортящиеся продукты. Еду Дан заворачивал в салфетки и прятал в тумбочку. Не то чтобы он боялся, что его однажды не накормят — просто осталась неистребимая привычка после Зброшенной Земли. Опыт проживания в пустыне научил одному неоспоримому факту: еда и вода лишними не бывают, а запасы лучше сделать и не воспользоваться ими, чем не сделать и страдать от жажды и голода.

На другой день за Даном пришел Ракеш. Он снова был весел и общителен. Схватился за ручки коляски Дана и покотил по галерее в сторону тренировочного зала. Ехали сначала по галерее, одна сторона которой выходила в сад, потом по своеобразному подвесному крытому мостику, соединяющему разные здания. Дан то смотрел по сторонам, то вниз, под ноги, где струились три серебристые линии.

— Что это такое? — спросил он.

— Мы ходим только там, где эти линии, — пояснил Ракеш. — Где их нет, гулять запрещено... для Эмиссаров нижнего звена.

— Эмиссары тоже делятся на нижних и верхних? — проворчал Дан. — Сложно тут у вас все...

— Делятся. Чтобы поменять звено, нужен стаж и испытание.

— Везде одни испытания...

— А как ты хотел? Жизнь — это череда испытаний и страданий.

Дан вывернул голову, чтобы взглянуть на Ракеша, что катил коляску.

— Ты серьезно?

— Вполне. Жизнь — это страдания. Ты-то должен понимать.

— М-м-м...

— В жизни, конечно, есть и удовольствия, но все они конечны. А страдания бесконечны.

— Как-то грустно у тебя получается, Ракеш.

— Страдания можно победить. И это радостная весть.

— Как?

— Пока не знаю, — Ракеш хихикнул. — Но выход из Сансары есть, это я знаю точно.

“Из чего есть выход?” — хотел было спросить Дан, но мысленно отмахнулся. Позже узнает. Сейчас неважно.

Тем более что они прибыли. Справа от них тянулись резные перила, за которыми качались усеянные крупными цветами ветви, слева простиралась стена с запертыми дверями. Стена закончилась, и Дан увидел своего рода площадку с ограждением, нависающую над обширным восьмиугольным пространством, которые пронизывало все три этажа.

Крыша над этим пространством отсутствовала, так что это место можно было назвать атриумом — внутренним двориком диаметром метров в пятьдесят.

Этот дворик устилал серый песок, весь испещренный следами. Из него в разных местах, без какого-либо порядка, торчали причудливой формы валуны, похожие на оплывшие от высокой температуры изваяния. В центре атриума струился фонтан в круглом бассейне.

Стены окружающего атриум здания были выложены глухими каменными плитами, выщербленными как от артиллерийского обстрела.

Напротив наблюдательной площадки, на которой оказался Дан, виднелась еще одна — пустая.

Одновременно с появлением на площадке Дана и Ракеша внизу из незаметной узкой

дверцы вышли Ирис и Киран. Ирис держала меч — сейчас он был сложен. Киран оружия не имел. Задрав голову, он увидел Ракеша и Дана и помахал рукой. Дан помахал в ответ.

— Короче, сильно не высовывайся, — посоветовал Ракеш. — Обычно до этого места не долетает.

— Что не долетает?

— Увидишь, — подмигнул Ракеш.

С этими словами он легко перемахнул через ограду и камнем полетел вниз. Его одежды трепетали как языки пламени. Не успел Дан испугаться, как Ракеш приземлился на песок — легко и изящно, будто спрыгнул не с третьего этажа, а с невысокой ступеньки. У него даже ноги особо не подогнулись.

— Я думала, ты опоздаешь, — сказала ему Ирис. И тоже взглянула наверх.

Дана она разглядела, но поприветствовать не удосужилась. Она всем своим видом излучала собранность и готовность к некоей важной и ответственной работе.

“Стерва”, — подумал Дан.

Между тем Ирис тряхнула сложенным мечом, и странный клинок с мелодичным звоном вытянулся. Многоугольники, из которых он состоял, скользнули один вдоль другого, выстроились в ряд, образовав длинное прямое лезвие. Но трансформация, к удивлению Дана, на этом не остановилась. Многоугольники, смахивающие издали на серые чешуйки, вытянулись в еще более длинную линию, держась друг за друга острыми уголками. Клинок теперь больше напоминал трехметровой длины пунктир. Ирис сделала легкое движение — пунктир изогнулся, со свистом разрезал воздух и ударил, как хлыст, по одному из валунов. От того отвалился солидный кусок.

“Фигасе, — снова подумал Дан. На сей раз он взглянул на Ирис с уважением. — И как работает этот меч? Почему эти чешуйки не отваливаются друг от друга? Что их держит вместе?”

Он дернул подбородком. Чего это он задается глупыми вопросами? Дураку понятно, что держит вместе эти чешуйки. Магия.

А как работает магия — дураку не понятно.

Пока Ирис разрушала каменные истуканы, Ракеш разминался. Ничего магического в его разминке не наблюдалось: он просто крутил руками, потягивался, вращал тазом, как обычные ученики на утренней гимнастике. Киран же присел на валун и лениво наблюдал за коллегами. Физическими упражнениями не утруждался.

— Ну? Готовы? — внезапно раздался низкий голос.

Дан вздрогнул. На площадке напротив стоял, опираясь волосатыми руками о перила, Шен Дамон. Когда он там появился?

— Готовы, Шен, — хором отозвались три Эмиссара снизу.

“Чего это они фамильярничают? — мысленно недоумевал Дан. — По имени его кличут. Или это фамилия? Черт их всех здесь разберет”.

Шен Дамон выглядел точно так же, как и во время их первой встречи. Крупный, плотно сбитый, волосатый и бородатый, с синими глазами навывкате. В том же карминно-красном прикиде Эмиссара.

Он, как и Ракеш, легко перемахнул через перила и спрыгнул вниз.

“Да они тут все из Дома Летающих Драконов, — с горечью и восхищением подумал Дан. — А я даже ходить не могу, не то что прыгать с высоты восьми-девяти метров”.

Шен Дамон приземлился напротив каменной бабы, поврежденной ударом Ирис. Песок

расплескался в стороны от подошв его сапог. Шен почесал курчавую бороду и недовольно протянул:

— Что это за слабый удар, Ирис? Отвалился крохотный кусочек. Как это понимать?

Он говорил сердито и почти возмущенно, однако что-то подсказывало Дану, что Шен Дамон дурачится, изображая строгого тренера. В его голосе, отчетливо доносившемся до верхней наблюдательной площадки, слышалось сдерживаемое веселье. Его воспитанникам, впрочем, от этого легче не становилось. Все напряглись, особенно Ирис.

— Я... я просто примерялась, — пролепетала Ирис, разом утратив перед грозным Шен Дамоном всю свою напыщенность.

— А в бою ты тоже будешь примеряться? — вскричал Шен Дамон. — Вместо того, чтобы сразу бить в полную силу?

— Нет...

Шен Дамон некоторое время сверлил потупившуюся Ирис взглядом своих выпущенных глаз. Дан, естественно, не видел этих самых выпученных глаз, но отчетливо их себе представлял. И не хотел бы быть на месте Ирис.

Держательница Тайн была немного выше Шен Дамона, но сейчас перед ним съежилась и даже стала ниже ростом.

Наконец Шен оторвался от нее, отошел на пару шагов, заложил руки за спину, принялся расхаживать туда-сюда по песку.

— Чем тренировка отличается от реального боя? — рявкнул он.

Эмиссары хором откликнулись:

— Тем, что у нас есть право на ошибку!

Дан усмехнулся. Ишь, как натренировались-то!

— Да! — гаркнул Шен. — А в настоящем бою такого права у вас нет!

— Да, Шен!

“Сейчас заставит отжиматься”, — подумалось Дану.

Но Шен Дамон вдруг остановился, запрокинул кудлатую голову и заржал, как конь. Никто, правда, смеха не подхватил. Видно, Эмиссары прекрасно знали, чего можно делать в таких случаях, а чего нельзя. Отсмеявшись и хрюкнув в конце, Шен смахнул пальцем слезу, снова набычился, уставился на Кирана.

— А ты почему не тренировался, Киран?

Вечно сумрачный Киран спокойно отрапортовал:

— Не хочу мешать благородной Ирис тренироваться. Я ведь маленький человек...

— Ой, да ну? — оборвал его Шен Дамон. — Seriously, что ли? И откуда в тебе столько пафосного самоуничижения? Эмиссары все равны, забудьте о сословных различиях! Иди сюда, Киран!

Киран подошел. Дан заметил, что он напряжен, но далеко не так сильно, как Ирис. Казалось, он полностью готов ко всем испытаниям.

— Ты и Ирис будете сражаться, — объявил Дамон. — В полную силу, как в реальном бою, ясно? Проигравший...

— Умирает? — вырвалось у Ракеша. Он с запозданием прикрыл рот ладонью.

Шен Дамон хохотнул.

— Нет. Умирать запрещаю. Академии не будет ровным счетом никакой пользы от мертвого Эмиссара. Еще и церемонию похорон проводить — лишняя морока и траты... Нет, проигравший обязан в течении половины лунного месяца мыть полы в комнате победителя.

Он сказал не “половина лунного месяца”, а иначе. На языке Ади-Двипы это звучало как “антараuposатха”. В этом языке вообще было много очень длинных составных слов. “Антара” значало “между”. Следовательно, подразумевалось, что проигравший моет полы все время между двумя Упосатхами. Что такое Упосатха, Дан не понял, несмотря на знание чужого языка. Какой-то праздник...

Кстати, Антарапур означал “город, который расположен между”. Между чем? Наверное, между мирами.

Киран набычился еще больше, хотя это и трудно представить. А Ирис густо покраснела, Дан разглядел румянец сверху. Покраснело не только лицо, но и шея, и обнаженные плечи.

Зато Ракеш лыбился вовсю, пока на него никто не смотрел — кроме Дана. Ситуация его забавляла. Сам он ухитрился под раздачу не попасть и, вероятно, рассчитывал на интересное зрелище.

— Но... — начала Ирис, однако Киран тут же перебил:

— Ты не уверена, что победишь меня?

Ирис уже собралась с мыслями. Холодно отчеканила:

— Я не уверена, что хочу, чтобы ты мыл полы в моей комнате и трогал мои вещи. И не думаю, что ты наведешь настоящую чистоту.

На сей раз вспыхнул Киран:

— Это мы еще посмотрим! Ты бы лучше побеспокоилась о том, как будешь убираться в моей комнате!

— Теперь я вижу, вы должным образом настроились на битву, — не без удовлетворения проговорил Шен Дамон.

Широкими шагами он отошел к краю восьмиугольника и уселся прямо на песок, сложив ноги. Ракеш куда поспешнее убрался с центра арены и расположился на противоположной от Дамона стороне. Похоже, ему не улыбалось сидеть рядом с Шен Дамоном.

Ирис со сложенным мечом и Киран без намека на оружие заняли позиции друг напротив друга. Оба покосились на Шен Дамона.

— Начали! — сказал тот.

Дан наклонился так сильно, что вывалился бы из коляски, не держись за прутья ограды. Развернувшаяся внизу битва поразила его воображение. А ведь он думал, что успел повидать много необыкновенного.

Первой атаковала Ирис. Плавно несколько раз взмахнула над собой мечом-плетью, и его пунктирная часть, изгибаясь как блестящий летающий змей, с резким свистом рассекла воздух. Удар последовал неожиданно: только что плеть нарезала круги и овалы над головой Ирис, и вдруг ее конец прыгнул вперед, как атакующая кобра.

Несмотря на полную неожиданность атаки, Киран без труда отклонился — сделал один скользящий шаг в низкой стойке с широко расставленными ногами.

Дан напряженно наблюдал за ним. Какое оружие он использует?

Конец пунктирной плети врезался в валун и разнес его в мелкое крошево. Дан невольно вздрогнул на своем насесте.

Ирис тоже переместилась и снова нанесла удар плетью. На сей раз удар проходил в горизонтальной плоскости, и, чтобы его избежать, Киран совершил цирковой трюк: подпрыгнул почти на два метра, извернулся в воздухе и приземлился на ноги. Нападать он не спешил.

— Сражайся! — крикнула Ирис. — Чего тянешь?

— С кем сражаться? — фальшиво изумился Киран. И с наигранным испугом огляделся. — Мне кто-то угрожает?

— Ах ты!..

Не договорив, Ирис ринулась в атаку. Многоугольники ее меча собрались в длинный клинок. Он засверкал, превратившись в сплошные изогнутые полосы. Клинок двигался по сложным траекториям в виде восьмерок, каждое движение было отточенным до потрясающей филигранности. Дан вцепился онемевшими пальцами в прутья из кованого железа, следя за смертельным танцем меча.

Но и Киран не оплошал. Он то отступал, то прыгал в сторону, то наклонялся, то делал очередной пируэт. Меч не мог его достать.

Тут Ракеш поднялся, разогнался и взбежал по вертикальной стене. Ухватился за край площадки, перелетел через перила и очутился рядом с Даном. Тот уже особо не удивился такой прыти.

— Круто, да? — восхитился Ракеш. Он показал вниз. — Этим двоим надо бы пожениться, они так нежно любят друг дружку!

В эту секунду Киран споткнулся о камень и повалился на спину. Ирис мгновенно воспользовалась оплошностью и ударила мечом прямым ударом сверху вниз. Дан опять подскочил в кресле, но успел заметить, что Ирис при ударе повернула лезвие так, чтобы оно ударило Кирана плашмя.

“Умирать запрещено... Академии нет пользы от мертвого Эмиссара...”

Очевидно, эти слова Шен Дамона указывали на то, что наносить смертельные удары запрещено. Интересно, а если б он этого не сказал, Ирис попыталась бы разрулить Кирана надвое?

Но тут снова случилось нечто невероятное. Киран голой рукой перехватил лезвие.

— О-о-о! — завопил Ракеш над ухом Дана. Он был в восторге.

Зазвенело, и меч сам собой вылетел из хватки Ирис, развернулся, и рукоять прыгнула в ладонь Кирана. Кажется, он совсем не порезался после своего трюка.

— Теперь это мое! — прорычал он.

“Вот это боевое искусство! — мелькнула мысль у Дана. — Это вам не гопникам вроде Ромма морду начищать велосипедной цепью!”

— Он использует вибрации, — прошептал Ракеш.

— Какую вибрацию? — не понял Дан.

Не отрываясь от зрелища внизу, Ракеш торопливо объяснил:

— Он может заставить вибрировать любую вещь, если она достаточно плотная. Вибрирующая вещь будет двигаться... сама! Она просто вырвется из рук!

Разоруженная Ирис отступила на два шага. Она была растеряна. А может, просто возмущена фокусом Кирана.

Киран завертел мечом с такой виртуозностью, что стало ясно: этим оружием он владеет не хуже самой Ирис. Внезапно, продолжая вращать клинком, он ударил Ирис — при этом тоже повернул лезвие плашмя. Ирис увернулась, и клинок попал по стене, проделав в ней очередную выбоину. Дан поморщился. Теперь понятно, откуда в ней столько брешей.

Прав Ракеш: Киран и Ирис — как муж с женой, ссорятся — только тешатся. Любопытно, между ними что-то есть?

Как бы то ни было, не его, Дана, это дело. Ракеш, видимо, к Ирис вовсе не клеится, считая себя не ее уровня, а вот Киран, хоть и занимается, по словам Дамона,

самоуничижением, слишком брутален и хорош в бою, чтобы какая бы то ни было девушка совсем не обратила на него внимание. А вот сам Дан может и вовсе забыть о любовных интригах, у него заблокирована вторая чакра, ответственная за инстинкт размножения, и никакие вызывающие наряды Ирис его не трогают.

При этих мыслях Дан понурился было, но быстро осознал, что потеря как-то не особо его беспокоит. Нет либидо — нет и мортидо, как говаривал их препод по биологии в старших классах. Мортидо — это инстинкт смерти. Словом, нельзя страдать по поводу отсутствия того, чего уже нет и что о себе, соответственно, не дает знать...

Громко зазвенело. Меч при ударе о бронированную плиту разлетелся на металлические куски. В руках Кирана осталась одна рукоять.

Ирис подскочила к Кирану и толкнула его в грудь. Сверкнули молнии, и Кирана отбросило на добрых три метра. Рукоять меча при этом подлетела вверх, и Ирис ловко поймала его.

Многоугольники лезвия притянулись друг к другу, снова образовав двухметровое лезвие. Ирис взмахнула им перед потрясенным Кираном, барахтающимся на песке.

— Рано радуешься! — воскликнула Ирис.

Вновь взмахнула мечом, и тот трансформировался в пунктирную плеть. Его петли взметнулись над Кираном, но тот, заорав, ринулся на Ирис. Схватил ее за ноги и повалил наземь.

Однако Ирис, падая, успела угостить Кирана очередным зарядом электричества. Кирана снова отбросило прочь.

И вот оба противника лежали на песке, морщась и постанывая.

— Взрыв страсти, и конец! — хихикнул Ракеш.

На краю восьмиугольника поднялся Шен Дамон.

— Ну и что тут творится? — заговорил он. — Ничья? Кто из вас, балбесов, поддавался?

— Я поддалась, — ответила Ирис, с трудом принимая сидячее положение. — Не хотела травмировать. Академии невыгодно терять даже таких слабаков.

И ядовито улыбнулась Кирану.

Тот взметнул густые брови:

— Благородная Ирис поддавалась? А я и не знал! Иначе вообще бы не сражался.

Шен встал между ними.

— Понятно. Вы оба бились в полную силу. Почти полную. Ну и кого из вас наказать мытьем полов?

Ракеш выглянул из-за ограды наблюдательного пункта:

— Пусть по-очереди моют друг другу полы! И все остальное!

Дамон зыркнул на него.

— Цыц! Быстро сюда!

Ракеш послушно спрыгнул на песок арены. Но Шен потерял к нему интерес. Пристально глядел на Дана.

— Я придумал, — наконец сказал он, оторвавшись от вышки. — Вы оба наказаны за поддавки. По-очереди будете убираться у нашего новичка, Дана Даниса Кременева. Ирис по нечетным дням, Киран по четным. Всю антараупосатху!

Ирис и Киран уставились на Дана такими тяжелыми взглядами, что ему стало здорово не по себе. Ирис угрожающе шевельнула мечом.

— А может, вы не будете приплетать меня? — спросил Дан Шен Дамона.

Но тот исчез, как сквозь землю провалился. Только что был тут, и вот нет его.

Потянулись веселые деньки: отныне Дан каждый день принимал гостей. Утром приходила Керрту с лекарствами, притирками, примочками, всякими магическими пилюлями и иглами, а вечером — Ирис и Киран со швабрами и ведрами.

Следующий после боя двух Эмиссаров день был нечетным, и явилась Ирис. В белоснежном переднике, супер-коротких шортиках и таком же крохотном топике. Надутая и сердитая.

Дан ее понимал — или считал, что понимает. Все же она — Держатель Тайн, высшее сословие, которое не должно заниматься грязной работой, а тут такое безобразие. Но приказ Шен Дамона, по всей видимости, не обсуждался. Этот пучеглазый установил железную дисциплину. Хотя, возможно, дисциплина вообще характерна для жителей Антарапура, кто их знает...

Когда пришла Ирис, Дан благоразумно укатил на коляске на террасу, чтобы не нервировать амазонку лишней раз. Довольно долго Ирис возилась в комнате и ванной, затем тоже вышла на террасу.

Непривычный труд ее утомил. Нечасто, видать, Шен Дамон определял своим воспитанникам такое наказание. На лбу у Ирис выступили бисеринки пота, смазливое личико было измазано в чем-то сером. Где она пыль-то нашла? Под кроватью?

Она принялась мыть каменные плиты террасы, и Дан поехал было обратно в комнату, но Ирис вдруг сказала:

— В твоём мире есть сословия?

Дан затормозил и уставился на Ирис. Она стояла спиной, и Дан мог лицезреть ее узкую талию, круглую попку, обтянутую белыми шортами, длинные загорелые ноги. В прежние времена это зрелище его немало растревожило бы, но сейчас он просто любовался совершенством линий, без какой-либо похоти.

Выходит, от второй чакры одно беспокойство.

— Нет, — сказал он. И тут же поправился: — То есть да. Но мы их никак не называем и вообще не паримся по этому поводу.

— Не паритесь? — Ирис повернулась к нему и изящным движением провела предплечьем по лбу. Сегодня ее белые волосы были заплетены в увесистую косу, которая Ирис свернула в подобие петли. Дан только сейчас, вблизи, обнаружил, что волосы не совсем белые, а светло-русые; брови такие же. И на лице совсем нет косметики. Или Дан ничего не понимает в здешней косметике. — Как это?

— Нас мало беспокоит, к какому сословию мы относимся.

— Правда? — В голосе Ирис явственно прозвучало сомнение.

— Ну... как правило. — Дану припомнились те знакомые ровесники, которые жили в богатых семьях, у которых были свои вездеходы тогда, когда Дан не мог похвастать даже собственным великом. Они общались больше друг с другом. С нищобродами вроде Дана и того же Макса им было неинтересно.

Григор рассказывал, что до Последней войны люди разделялись на богатых и бедных еще сильнее. В те времена жили такие богачи, что и представить трудно. За их деньги можно весь Камень-град купить и еще на пару Лесных хватит. Дан не представлял себе такого

богатства. Зачем оно одному человеку? Куда он его тратит? Сотня жизней понадобится, чтобы потратить, если не больше. Одновременно с этими богачами обретались и нищие бездомные, без копейки в кармане.

— У нас случилась война, которая чуть не истребила все человечество, — сказал Дан. — И все стали более-менее одинаковыми. А до войны разделение было, да.

Ирис кивнула, опираясь на швабру, как о посох.

— Люди не могут жить вне сословий, — сказала она. — Так повелось с незапамятных времен. И это приносит страдания всем...

Дан пристально глядел на нее, втихомолку удивляясь. Про страдания ему втирал Ракеш, теперь вот Ирис взялась за эту тему. Она что, намекает, что высшее сословие — это тоже страдание?

Видимо, скепсис отразился на его лице. Ирис насупилась.

— Ты новенький и кое-чего не знаешь о нашей жизни. Чем выше сословие, тем больше правил и обетов сдерживает человека. Быть Держателем Тайн непросто. Мы храним тайные знания Ади-Дви́па и поэтому многое из того, что разрешено низшим сословиям, нам запрещено.

— Например, мыть полы? — осторожно поинтересовался Дан.

— Это мелочи! — отрезала Ирис. — Ты, наверное, думаешь, что я противная и избалованная?

— А разве нет? — вырвалось у Дана.

Ирис поджала губы, но почти тотчас улыбнулась.

— Наверное, да. Ты прав. Но меня так воспитали, а от воспитания избавиться нелегко. В любом случае, мне хотелось бы, чтобы ты не делал слишком рано выводов по поводу всего, что видишь и слышишь.

И она снова принялась за уборку. Трудилась она от души, не филонила.

“А тебе не все равно, какие выводы я делаю?” — собрался было спросить Дан, но прикусил язык. И так понятно, что не все равно, раз она завела этот разговор. Очень странно. Видимо, не такая она и бесчувственная стерва. Или умело манипулирует, потому что Дан зачем-то ей понадобился и нужно увлечь его в свой лагерь.

— Ирис, — позвал ее Дан и сам изумился, до чего нежно, почти интимно прозвучало ее имя в его устах.

Держатель Тайн обернулась.

— А ты не пробовала подружиться с кем-нибудь? Стать как все? Может, это облегчило бы твои... эмм... страдания?

Ирис опять улыбнулась — на этот раз презрительно.

— Я сама по себе.

“Я сам по себе”, — сказал Дан когда-то Макс. Когда отверг его дружбу. А сейчас советует подружиться девчонке из высшего сословия, надо же! Из него такой же советчик, как из Ирис подружка!

Она продолжила:

— Да и зачем мне заводить друзей здесь, в Академии? Меня направили сюда для практики в магических битвах. Только на год. Три месяца уже прошло, осталось девять.

Дан немного растерялся от этой новости. Думал, что работа в Академии — это навсегда. Тогда ясно, почему Ирис вечно недовольна. Для нее это что-то типа срочной службы в армии, попасть в которую она никогда не горела желанием.

— Ну что ж... — протянул он. И ляпнул: — За девять месяцев многое может поменяться.

— Что ты имеешь в виду? — Ирис подозрительно прищурилась.

— Ничего особенного. Просто девять месяцев — это немало. За это время ребенок формируется... из... э-э-э... сперматозоида и яйцеклетки.

Уроки биологии не прошли даром и вырвались в виде этого непрошенного ликбеза. Дан втянул голову в плечи, жалея, что не владеет магией невидимости. Для человека с заблокированной второй чакрой он подозрительно много размышляет о таких вещах.

Ирис приподняла брови.

— Да? Надо же... Я учту.

Разговор на этом оборвался. Но отношение к Ирис у Дана немного изменилось. В свои последующие визиты Ирис больше не проявляла склонности к таким разговорам, но и Дан больше не считал ее стервой.

Ну разве что чуть-чуть.

...По четным дням приходил Киран. Он тоже выполнял свою работу качественно и старательно, хотя после Ирис вряд ли в помещении осталось хоть одно пыльное место.

С Кираном Дан чувствовал себя куда раскованнее — все-таки именно Киран починил Базиля, единственную частичку старого мира.

Во время первого же визита Дан завел разговор о том, что жить в Антарапуре было бы намного приятнее, если бы не сословия, которые, оказывается, причиняют неприятности решительно всем. Киран, как и ожидалось, набычился.

— Здесь хватает проблем помимо сословного чванства и несправедливости, — сказал он, выжимая тряпку мускулистыми руками. Дану показалось, что тряпка треснет по всей длине от могучего воздействия.

— Это каких же?

— Здесь живут люди со всех Земель Верхнего Круга. За все приходится драться, прогрызать дорогу зубами.

Дан пожевал губами. Совсем недавно он тоже прогрызал себе путь к выживанию. Причем в самом что ни на есть буквальном смысле.

— Неудивительно. Хочешь жить — умей вертеться.

— Жить можно всюду, — отмахнулся Киран. — Земель бесчисленное количество. Однако многих тянет именно в город городов Антарапур.

— Почему?

— Погоня за богатством, славой и прочей тщетой, — коротко пояснил Киран. — Антарапур находится на перекрестке миров.

— А ты... из этого мира? — осторожно спросил Дан. Если бы не вынужденное безделье, он не снизошел бы до подобных расспросов. Всегда считал такие разговоры пустыми сплетнями. Но сейчас было скучно, и в нем зародилось желание узнать как можно больше о своих новых знакомых; он как бы жил через них.

— Да. — Киран отвернулся, орудуя шваброй. Его крепкая шея напряглась — и вряд ли это напряжение вызывалось работой. — Мой отец... был Воином.

— Воином? — удивился Дан. Ему хватило смекалки не спросить: “А ты почему Деятель?”

— А я Деятель. — Широкие плечи Кирана опустились. Он отставил швабру и повернулся к Дану. На смуглом лице — не намек на раздражение, только усталость. —

Провалил экзамены на Воина.

— Вот как!

— Отец был страшно разочарован. Но его разочарование — сотая часть моего собственного...

Он сел на краешек кровати и почесал щетину на щеках. На нем была синяя безрукавка, длинные шорты (или короткие штаны) и шлепанцы, сплетенные из кожаных шнурков. Киран закинул одну ногу на другую и затряс ступней, так что шлепка повисла на большом пальце.

— Он дулся на меня всю оставшуюся жизнь, пока не погиб в одном из сражений на дальней Земле.

— Ого!

Дан не представлял, как еще прокомментировать такое откровение, и ограничился бессмысленным междометием. Похоже, правильно сделал. Киран не ждал от него осмысленных комментариев — только внимание.

— А мне нравится заниматься механизмами! — с вызовом заявил Киран. — Из меня получился хороший Деятель; это лучше, чем быть плохим Воином.

— Ты неплохой Воин, — осмелился вставить Дан.

Киран ухмыльнулся.

— Ты просто не видел настоящих Воинов... Ракеш не в счет!

— Не могу представить, что умеют эти ваши Воины...

— Они владеют минимум пятью техниками. А мы все — одной-двумя.

— Дай-ка угадаю. — Дан оживился. — Ты владеешь вибрациями, Ирис — мечом-трансформером, а Ракеш умеет становиться то тяжелым, то легким, правильно?

— Почти угадал. Ракеш владеет техниками элементов воздуха и земли; Ирис — элементом молнии и металла; а я — элементом звука.

— То есть у них по два элемента, а у тебя один?

— Да, — помрачнел Киран.

— Ну ничего, научись...

Вот тут Киран рассердился по-настоящему, хоть и не подал виду. Вскочив, он принялся орудовать шварбой так, что попадись ему кто-нибудь на пути, неизвестно, где оказалась бы эта шварба. Дан немного отъехал в сторонку, но злость Кирана не продлилась долго. Дан поймал на себе его взгляд — немного виноватый. Вероятно, Киран вспомнил, что разговаривает с инвалидом, предел мечтаний которого — вновь научиться ходить, и неудовольствие Кирана по поводу одной магической техники тут попросту неуместно.

— Да, — заговорил он. — Да, ты прав. Я научусь.

Когда он ушел, Дан задумался. Что-то подсказывало, что ни Ирис, ни Киран не относятся к той категории людей, что откровенничают с плохо знакомым человеком. Просто Дан — убогий. И ни для кого не соперник ни в каком смысле. Они чувствуют к нему жалость...

А еще он не совсем мужчина. Дан бы не удивился, если Ирис в следующий раз придет вовсе полуголая... Хотя она и сейчас не обременяет себя излишней одеждой.

В исторических книжках Дан читал, что в некоторых древних государствах евнухи обладали большой властью.

Вот черт, теперь он постоянно будет сравнивать себя с евнухами?

Наверное, да. Но он и к этому привыкнет. Как и ко всему остальному.

...Между тем он сильно сблизился с Керрту. Веселая и фриковатая докторша не

вызывала у него никакого раздражения. У нее был дар: не довлеть над человеком во время общения, не быть приниженной, а всегда находиться рядом, на одном уровне и на одной волне.

Как-то раз на один из вопросов Дана о магии она поведала, что есть техники мантр, и “Да-Пха-Та! Чула-агни-йя!” — одна из них. Очень сильная мантра, заверила Керрту, и Дан был склонен ей верить. Сам видел, насколько сильна эта техника, превратившая укрепленную военную базу в руины.

— Чула агни — значит “малый огонь”.

— Так это малый? — поразился Дан.

— Есть еще и Маха-Агни, Великий Огонь.

Дан попытался представить последствия применения такой вот мантры, но воображение оказалось бессильно.

Зато он окончательно убедился в том, что чужака, принесшего ему столько боли и горя, надо искать в Антарапуре. Под маской скрывался тот, кто владеет техникой Малого Огня. Как минимум. А это сильный воин. Значит, пора поближе познакомиться с сословием Воинов.

Закавыка была в том, что “продвинутые” Воины почти никогда не пересекаются с Эмиссарами нижнего звена, не говоря уже об инвалиде-колясочнике. Им разрешено передвигаться всюду, а не только там, где пролегает тройная серебряная линия.

А вот Шен Дамон определенно владеет целой кучей техник. И неизвестно, к какому сословию принадлежит...

Однако Дан видел руку чужака — и это была тонкая рука, если сравнивать с волосатой лапой Шен Дамона.

— Керрту, Воин способен трансформировать свое тело? — спросил он.

— Да. Но это трудно и энергозатратно. Если в битве надо обмануть личиной противника, мы используем ракшасов.

— Кого?

— Духов, скованных обетом... договором с магом. Ракшас не в силах его разорвать в одностороннем порядке. В смысле обет, а не мага... Хотя и мага тоже!

Керрту захохотала.

Дан разинул рот. Потом, спохватившись, закрыл его. Попытался переварить неожиданную информацию — не вышло.

— У вас еще и духи есть? — услышал он собственный голос. Более высокий, чем обычно.

Керрту усмехнулась, наблюдая за реакцией Дана.

— Ага! Но не беспокойся — все они служат Держа... то есть всем людям Ади-Дви́па. Они не причинят вред просто так. И в гости не придут, ха-ха! Короче, они умеют превращаться в кого захотят.

Мозг Дан заработал. Выходит, на подозрении не только маги, но и духи?

Подумав, он спросил:

— Ракшас может владеть техникой огня?

— Вполне. Думаешь, твой мир разрушил ракшас?

— Такое невозможно?

— Возможно. Но даже если это ракшас, он действовал по приказу мага.

— Кто управляет ракшасами?

Керрту скрестила руки на груди, уставилась в потолок и принялась старательно перечислять:

— Старшие Держатели — это точно. Некоторые Средние и даже Младшие... Воины, но не все... Даже некоторые Деятели.

— Деятели? — поразился Дан.

— Они искусны в сотворении разных приборов. Эти приборы усиливают магию.

Против желания Дан задумался о Киране. Нет, этот парень вне подозрений. Или нет? Что-то его грызет изнутри, какая-то обида на весь мир. Вроде бы похваляется, что рад быть Деятелем, но и разочарование отца забыть не может. Явно в голове не все в порядке.

И эти его виноватые взгляды, брошенные на Дана...

Но вину к Дану, кажется, в той или иной мере испытывают все, кто видит его состояние. Кроме Керрту и Дамона.

— Значит, Младшие Держатели тоже могут управлять? — спросил он.

Керрту хитро прищурилась и тряхнула красными патлами.

— Понимаю, о чем ты... Ты подозреваешь всех, да? Надо сказать, что ты прав: Академия — далеко не богадельня, а Антарапур — не рай земной. Это серпентарий. Но, Дан, советую не увлекаться паранойей — это дорога к безумию.

— Еще предложи расслабиться и думать о хорошем, — сказал Дан с улыбкой, пытаясь скрыть накотившее раздражение. Такое с ним изредка случалось. Никто не может или не хочет понять, что он чувствует на самом деле. Он должен — он просто обязан — найти чужака и воздать должное. Это не месть, а восстановление справедливости. Он должен вернуться в Камень-град и все вернуть, как было, на прежние места. Все остальное — не слишком важно, даже риск потерять разум.

...Иногда заглядывал Ракеш, много болтал, как обычно. И однажды брякнул, что где-нибудь на Бесконечных Землях должно найтись лекарство от заблокированных чакр.

Дан подскочил в кресле и забросал его вопросами.

Ракеш, судя по виду, вовсе не пожалел о сказанном. Пообещал выяснить поподробнее. Собственно, он уже сейчас кое-что выясняет.

Дан понимал, что Ракеш не блещет магическими способностями и сообразительностью, несмотря на произведенное первое впечатление на Зброшенной Земле. Но у судьбы свое чувство юмора. Вдруг Дану поможет именно этот раздолбай? Дану очень хотелось верить, что Ракеш сболтнул это не просто так, что он на самом деле ищет и найдет информацию, о которой не ведаёт даже Шен Дамон.

Кстати, сам Шен Дамон не посетил больше Дана ни разу.

Той ночью неожиданно похолодало, хотя разница в температуре между днем и ночью в Антарапуре обычно несущественна. В приоткрытое высокое окно потянуло сырým холодом, от которого Дан успел отвыкнуть.

Дан проснулся от непривычного и неприятного ощущения, пересел в коляску и осторожно выехал на террасу.

Снаружи шел мелкий дождь, тихо шелестел в листве декоративных деревьев, которые выглядели в свете фонарей пожухлыми и скукоженными. За пеленой моросящего дождя обычно сверкающий город представлялся сплошным смазанным сиянием.

Дан посидел под мраморным навесом некоторое время, зябко поеживаясь, не в силах избавиться от какого-то гнетущего предчувствия. Он уже собирался возвращаться в комнату, когда произошло кое-что странное. Террасу медленно затопил белый непроницаемый туман. Дан таращился на него, а в голове царилá полная тишина.

Разве в солнечном Антарапуре бывают туманы?

Вскоре клубы тумана поднялись выше самых высоких крыш, и Антарапур исчез. Дан запрокинул лицо, ощущая сырость, и увидел слабое свечение сверху. Желтые, зеленые, синие оттенки...

Что это? Северное сияние?

Дан наблюдал северное сияние миллион раз и не мог ошибиться. Сквозь пелену тумана просвечивало самое натуральное северное сияние.

Потрясенный, он крутанул обод колес и поехал вперед, к парапету, обрамлявшему террасу. На Дана сыпал мелкий холодной дождик. И при этом стоял плотный туман. Когда Дан подъехал к парапету между двумя деревьями, туман вдруг поредел, и перед Даном предстали не изящные здания с черепичными крышами и барельефами, не пышные сады и водопады, а прямоугольные дома на сваях, выкрашенные в разные дикие расцветки. Между ними, по грязной болотистой земле, ползли уродливые вездеходы и брели люди в дождевиках.

Дан в шоке озирался. Он находился уже не на террасе, а посреди сумрачного проспекта в Камень-граде, и из тумана к нему выходили беззвучные темные фигуры. Это были люди — в зеленоватых побегах, с затвердевшей, как древесная кора, кожей, выпадающими волосами и белыми глазами.

Прямо напротив него остановился сухой старик.

Григор.

Несколько тяжелых мгновений дед смотрел на пораженного Дана белыми, как вареные яйца, глазами. Потом негромко, шелестящим, как дождь, голосом проговорил:

— Данис... ты ведь познал боль? Каково это было?

— Ужасно, — выдавил Дан.

Старик оглянулся на молчаливую толпу, похожую на его призрачное воинство, усмехнулся — не то грустно, не то зловеще.

— Вот и мы терпим боль, хоть по нам это и не заметно. Терпим вот уж много дней и ночей... Где тебя носит, Данис?

— Я не могу вернуться! Я не знаю дороги! Никто не знает!

Собственные оправдания показались Дану глупыми и надуманными.

— Никто не знает в городе городов Антарapura? — уточнил Григор. И внезапно рывкнул так оглушительно, что у Дана заложило на миг в ушах. — НИКТО?!!

Дана почему-то совершенно не поразил тот факт, что Григор в курсе насчет Антарapura. Все на Бесконечных Землях знают Антарapura.

— Они тебе врут! — орал Григор, пуча белые глаза. Толпа позади него заволновалась. — А ты веришь! Ты просто попал к бездушным тварям... Они заполучили тебя, чтобы... Зачем ты им нужен? Подумай!

— Я не знаю... У меня ничего особенного нет...

— А может, есть? Напряги мозг!

Дан попытался напрячь, но виски пронзила резкая боль. Он зажмурился и закричал. Григор перебил его, голос старика наполнился вселенской мощью:

— Внук, приди скорей, прошу! Я хочу обратно, в старый мир... Я хочу на рыбалку на соленые озера... После прилива там много рыбы... Я бы приготовил ее для нас... Ты помнишь, как мы жили вдвоем?

Из-за боли Дана выдернуло из сна, понесло сквозь туманные миры навстречу реальности. Сон истончился и ускользал, как последние лучи заходящего солнца.

— Помню, деда... — прошептал Дан, лежа в постели, наяву.

Помогая себе руками, он повернулся на спину и сел. Огляделся. В комнате было темно, сквозь окна сочился свет города — обычный свет, а не северное сияние. Снаружи, как и во сне, моросил дождик, и было прохладно. Но не так холодно, как представлялось ему во сне. От неосторожного движения легкое одеяло упало на пол.

Дан никак не мог прийти в себя, осознать себя полностью проснувшимся. Впечатления от сна не выветривались из памяти. Он коснулся щеки и ощутил влагу, будто прогулялся-таки под дождем.

Но это был не дождь, а слезы.

...Весь день у него было скверное настроение. Как назло, накануне Керрту объявила, что это ее последний визит, как доктора, лечение завершено и она сделала все, что могла. Утро Дан провел в непривычном одиночестве, никто не веселил его, не рассказывал местные байки. Базиль что-то твердил об оптимизме, но Дан его давно не слушал. Он ничего не съел из того, что ему принесли молчаливые Служители, только выпил душистый травяной чай.

Ему было так плохо, как никогда прежде. Ничего физически не болело — но лучше бы болело: он бы отвлекся на эту боль и забыл о боли душевной. Даже на Зброшенной Земле ему не было так скверно.

Там он постоянно выживал, боролся, его поддерживала ярость и неистовое нежелание умирать. А здесь, в этих стенах, ни с кем сражаться не приходилось, все было тихо-мирно, и это сонное спокойствие вытянуло из него всю силу.

Все навалилось одновременно. В последнее время Киран и Ирис справлялись со своим наказанием быстро, наловчившись орудовать шваброй, и уходили, едва перемолвившись с Даном парой слов. Дан подозревал, что они жалеют о своей откровенности в первые дни.

Действительно, здесь сущий серпентарий: все друг друга втихую ненавидят и подозревают во всех грехах. И Киран с Ирис об этом прекрасно знают. Поэтому-то и прикусили языки.

Между тем время незаметно утекало, а Дан ни на шаг не приблизился к решению основной проблемы — спасению Камень-града. Он даже не выяснил, возможно ли в принципе это спасение. Живы ли дед и остальные?

Эх, если бы Дан точно выяснил, что они мертвы!..

Но нет, это до сих пор ему неизвестно.

А незнание хуже всего.

Дан бы лучше еще раз прогулялся в Заброшенный мир, чем терпеть эти угрызания совести, которые больше тысяч заблокированных чакр...

Надо что-то делать. И делать это надо немедленно.

...Этим же утром Дан впервые самостоятельно покинул комнату на коляске. Прежде он этого не делал, хотя никто ему и не запрещал. Дверь не запиралась, про три серебристые линии ему никто ничего не “официально” не объяснял. Просто Дан всегда был воспитанным человеком и в гостях не лез, куда не просили.

По тройной линии он проехал всю галерею, не встретив ни одной живой души. Оказался в другом здании, таком же пустынном, и на минутку остановился, прислушиваясь. Стояла тишина. Коридор, как и всюду в Академии, одной стороной открывался в сад, — то есть, по сути, был не совсем коридором, а очень длинным балконом. В дальнем конце от коридора-балкона вбок отходил еще один проход, без тройной линии. Стало быть, в этот проход Эмиссарам младшего звена ходить запрещено.

Насупившись, Дан решительно крутанул колеса и поехал именно туда. Он думал так: Шен Дамон должен жить где-то на территории Академии, как и остальные Эмиссары; живет он, скорее всего, там, куда молодым ход заказан, то есть где нет тройной линии. Дан будет ездить везде, где нет линий, пока не наткнется на Шен Дамона. Таков нехитрый план.

Есть немалая вероятность того, что его вернут на место насильно, но Дан не собирался просто так сдаваться. Если за него возьмутся Служители, они сильно пожалеют об этом. Если его перехватят маги, то Дан поднимет такой шум, что слышно будет во всем Антарапуре, и Шен Дамон, игнорировавший столько времени гостя, никуда не денется, явится.

В любом случае Дан не вернется в свою комнату, пока не отыщет Шен Дамона и не заставит его отнестись к проблеме Камень-града серьезно.

Если же Шен Дамон продолжит демонстрировать сучью натуру, Дан попросит вернуть его на Заброшенные Земли. Возможно, там он сам найдет мандалу, ведущую в Камень-град. Дан понятия не имел, как работает система мандал, но полагался на собственное магическое чутье.

Академия между тем выглядела так, будто все обитатели ее покинули насовсем. В саду вскрикивал павлин, ему вторила какая-то визгливая пичуга. Шумел фонтанчик. И все — больше никаких звуков.

Дан добрался до еще одного атриума, опоясанного балконами. Внизу виднелся бассейн с декоративными рыбками, лотосами и фонтаном. По краям росли деревья с широкими резными листьями. Пожилой Служитель в черной рубахе и саронге монотонно сметал метлой опавшие листья в сторонку, где лежал мешок.

“Кругом, куда ни плюнь, маги, а мусор метут метлами”, — подумал Дан.

Сейчас его раздражало абсолютно все. А еще была проблема лестниц. Допустим, он объедет третий этаж во всех зданиях, а потом? Наверное, придется немного поползать, как в старые и недобрые времена.

Но сначала стоит попробовать другой вариант...

— Шен Дамон! — завопил он. — Нам пора поговорить!

Дан не сомневался, что никто ему не ответит. Ну, разве что Служитель встревожится,

вызовет других Служителей, и те покатают коляску вместе с Даном на место. Вот тогда Дан начнет сопротивляться и поднимет шум.

Но до всего этого дело не дошло.

— Незачем так орать, — внезапно раздался голос позади.

Дан резко обернулся. Раньше от такого движения он бы судорожно трясся от боли битых десять минут. А сейчас — ничего, никакой боли.

Позади, опершись задом о низкие перила, спиной к саду стоял Шен Дамон. Выпуклые глаза глядели с еле заметным интересом, но в целом довольно равнодушно. Он точно думал о чем-то другом, о каких-то гораздо более важных вещах, нежели проблемы одного человечка из далекого, ничего из себя не представляющего мира.

— Чего ты хочешь? — протянул Шен Дамон. И зевнул.

Дан выпалил:

— Я должен помочь деду и остальным!

— А я должен помочь тебе, что ли?

Дан ожидал подобной риторики. Дамон не считает себя обязанным Дану и, собственно, прав. Человеку без совести (или делающему вид, что у него нет совести) трудно что-либо доказать. С такими можно разговаривать только языком силы (а это не вариант), торговли или манипуляций (тут нужен более изощренный ум, чем у Дана).

— Вы можете! — сказал Дан с громко бьющимся сердцем. — Можете найти дорогу до моей Земли...

— Уверен?

— Говорят, что вы самый сильный махасиддх в Антарапуре!

— Я даже примерно знаю, кто это говорит, — усмехнулся Шен.

Его тон и выбор слов чем-то немного расслабил Дана. Кажется, Шен Дамон склонен поговорить по-человечески.

— Мне кажется, — тише произнес Дан, — вы просто не хотите мне помочь.

— Думаешь, что я чего-то не хочу или хочу? Настоящий мудрец лишен желаний, но полон сострадания. А если про меня говорят, что я махасиддх, то я и мудрец, ха-ха! — Шен отлепился от перил и подошел к Дану. — Ладно. Я тебе помогу, Дан Данис Кременев. Но в свое время.

В груди у Дана дрогнуло.

— Когда это время наступит?

— Не знаю, — равнодушно сказал Шен Дамон.

— Вы издеваетесь? — после короткой паузы спросил Дан.

— Хм, ты уже задавал этот вопрос, Дан Данис Кременев. Почему тебе постоянно кажется, что я издеваюсь?

И Шен ловко щелкнул Дана по лбу, визгливо засмеявшись.

Дан с запозданием отмахнулся и завопил:

— Ты чокнутый упырь! И я не Дан Данис! Я просто Дан! Вы все тут не в себе! Одни — высокомерные гордецы в белом, другие злобные дебилы с комплексом неполноценности, а третьи просто моральные уроды! Я про тебя сейчас, Шен, твою мать, Дамон!

На самом деле Дан не думал настолько плохо об Ирис и Киране. Хотя оба задолбали своими сословными распрями. Но сейчас Дан был вне себя от злости и чувства полного бессилия.

Шен Дамон даже глазом не моргнул в ответ на вспышку. Сложив мощные руки на груди,

сказал:

— Странное отношение к людям, которые тебя спасли. Или ты считаешь, что если тебя спасли, значит, обязаны выполнять все твои требования до самой смерти?

Да, именно так Дан и полагал. На месте Шен Дамона он помог бы гостю вернуться домой и исправить там дела, имея магические возможности.

Но то сам Дан. Здесь, в Академии, судя по всему, другие понятия.

Он прошептал:

— Я всегда знал, что никому нельзя доверять или на кого-то полагаться.

— А вот это ты зря. В мире все взаимосвязано. Ты родился, вырос и жив только благодаря другим людям. Одежда, что на тебе, — ее ведь кто-то сшил? Коляска, на которой ты катаешься, — ее ведь кто-то сделал?

Дан не дослушал. Упершись руками в подлокотники, вывалился из кресла и рухнул на колени. Потом упал на живот и пополз в сторону своей комнаты. Не нужна ему эта проклятая коляска, которой пеняет ему Шен Дамон!

Пучеглазый упырь, ничуть не смутившись от этой выходки, неспешно пошел рядом. Как ни в чем не бывало проговорил:

— Твой мир искажен одним из слугителей культа Смарана. Глаз Смарана — вот что ты видел над своим городом.

Дан остановился, сцепив челюсти. Он уже пожалел, что выпрыгнул из кресла, но отступить не собирался. Он найдет путь домой сам.

Но сначала доползет до комнаты. Ох, и нелегко это будет! Он довольно далеко отъехал.

Дамон продолжал серьезно рассказывать:

— Смаран — один из темных богов из дальних миров. Очень могущественный и самый мерзкий. Уж поверь. Ты с ним в одиночку не справишься. Не отталкивай руку помощи.

— Руку помощи? — выдавил Дан. — Она меня бьет по лбу! И больше никакого толку от нее нет!

Дамон мгновенно растерял всю свою серьезность и дурашливым голосом сказал:

— Это уже помощь, между прочим! От щелчка твои мысли встанут на место, эмоции утрясутся и успокоятся. Не будешь впредь совершать необдуманных поступков. Будешь больше думать и советоваться.

— Да пошел ты!..

— Кстати, — пропустив мимо ушей ругань, сказал Шен, — когда мне надо как следует подумать, я советуюсь с неживыми предметами. Или деревьями. Они хорошо умеют слушать. И не разболтают мои грязные секретки!

Посмеиваясь, он отошел.

Дан, лежа на животе, оглянулся — Шен Дамон исчез.

Зато спустя минуту раздались шаги, и из-за угла вышел Киран. Несмотря на злобное сопротивление Дана, он помог подняться и усесться обратно в кресло.

Они вернулись в комнату Дана. Киран молча толкал коляску, а Дан подавленно сидел, сложив руки на коленях, сторбившись; мысли его метались, как растревоженные мухи. Настроение было хуже некуда.

В комнате Киран припарковал коляску напротив кровати, а сам сел на край. Помолчал немного, глядя то на Дана, то на пол перед собой. И вдруг заговорил негромким голосом, но с чувством:

— Мир так устроен, понимаешь? Несправедливо. И он не должен быть справедлив, веде

само понятие справедливости мы, люди, и придумали! Почему мир должен идти на поводу у наших представлений? Нужно просто принять его как есть, принять свой статус и карму. Просто смириться со всем этим, освободиться от своих представлений и понятий, от которых одна беда... И идти дальше. Я выражаю тебе почтение, Дан. Я считаю, что ты проявил воинское упорство в достижении цели. Ты продержался на той Земле и не погиб среди монстров. Тебя, наверное, ждет великая судьба...

Он улыбнулся и добавил:

— Или смерть в расцвете сил.

Дан выслушал его внимательно. До него внезапно дошло, что Киран увидел в нем себя. Нашел в нем что-то, что отзывалось в сердце.

Дану стало неловко. Он не слишком красиво высказался о Киране совсем недавно.

— Спасибо, — сказал он глухо.

— И я подслушал конец вашего разговора с Шен Дамоном, — признался Киран. — Нельзя отталкивать руку помощи.

“Пошел он куда подальше, этот ваш придурочный Шен Дамон, — подумал Дан. — Мужик прокачался в магии и сдурел от власти, вот и ведет себя как баран, а вы в каждом его слове находите глубокий смысл, которого там не бывало никогда”.

Но он все же расслабился. Когда Киран поднялся, чтобы уйти, он тоже разоткровенничался:

— Мои родители пропали без вести в Арктике, во время экспедиции. Меня воспитывал дед по имени Григор Кременев...

Киран сел обратно, и Дан продолжил:

— Раньше он бухал, Григор. По-черному. И когда бухал, уходил из дома к собутыльникам, шлялся целыми сутками, а иногда и неделями неведомо где. Однажды ушел и оставил меня одного в запертом доме. Пропал на неделю. Мне тогда и восьми лет не исполнилось.

Киран сначала приподнял черные брови, потом нахмурился.

— На неделю? Ребенка?

— Еда-то была, — сказал Дан. — И я знал, что с ней делать, как разогревать и так далее. Но я был совсем один в доме, мне мерещилось, что всюду шастают чудища. Особенно страшно было ночью. Я спал на одеяле под кроватью. Думал: так безопаснее, ведь если я сам буду под кроватью, то там не сможет прятаться чудище. Но мне казалось, что теперь чудище лежит сверху и иногда свешивается, чтобы поглядеть на меня. Или что стоит в темном углу возле шкафа... Сколько я пережил!

Дан хихикнул, вспоминая былое.

— Соседи-то думали, что мы уехали в другой город. Я не кричал, боялся кричать. В доме перегорела проводка, и я не мог включить свет. Так и жил в полутемном доме. В нашем мире ночи очень длинные, а дни короткие, Киран. Но когда неделя кончилась и дед протрезвел и явился, я изменился, стал другим человеком. Во-первых, понял, что доверять кому-то и полагаться на кого-то нельзя. Только на себя. А во-вторых, что я могу победить чудищ в одиночку.

Этой ночью он проснулся, как от резкого окрика.

В комнате властвовали полумрак и тишина, но в пустоте как бы витало эхо от только что прозвучавшего злобного вопля.

Дан сел в постели, помогая себе локтями, и огляделся. В большей степени не смотрел, а прислушивался — причем не ушами, а шестым чувством, которое непонятно как работало, но все же работало.

С того памятного дня, когда он поговорил с Шен Дамоном и здорово психанул, прошло пять дней. Ничего особенного за это время не случилось, если не считать того, что он научился кое-как передвигаться на костылях. Ноги у него были парализованы не полностью, немного двигались и поддерживали тело. Шен Дамон снова пропал без вести, а Ирис и Киран больше не приходили — срок их наказания истек. Просто так посещать его они, видимо, не посчитали нужным.

На террасе послышались легкие шаги, по занавескам скользнула тень, и в комнату вошел человек.

Дан его узнал прежде, чем разглядеть лицо.

Ракеш собственной персоной. За спиной на ремне висела длинная сумка.

— Ракеш? — сказал Дан. Он удивился столь позднему визиту.

Тот застыл на месте с протянутой рукой, отодвигающей занавеску. Свет фонарей подсвечивал его сзади.

— Тихо! — прошептал он. — Да, это я. Короче, мы решили тебе помочь.

Последние остатки сна испарились. Дан скинул рукой непослушные ноги и уселся поудобнее.

— Мы — это кто?

Ракеш опустился рядом, тихонько хихикнул.

— Я и мой внутренний голос! Словом, мы с моим голосом нашли в архиве свитки о далекой Земле, где обитают специалисты по заблокированным чакрам.

Когда Ракеш только начал говорить о далекой Земле, Дан весь наэлектризовался, ожидая услышать новости о Камень-граде, но Ракеш вдруг выдал информацию об излечении. Дан и думать забыл о собственном излечении, полностью свыкнувшись с мыслью, что до конца дней ему придется кататься на коляске или ковылять на костылях. Сердце забило так сильно, что в грудной клетке родилась боль — больше не от самой новости, а осознания того, что это может стать ложной надеждой, которая принесет новые страдания.

— А в Антарапуре, хваленом городе городов, таких специалистов, получается, нет? — спросил он хриплым голосом.

— Ну, как бы это запретная техника, понимаешь? Чакры — основа энергетического тела, тела Потока, всей магии, которая есть. Трогать чакры... неэтично.

— Так. — Дан задумался. — И исследования чакр запретила этическая комиссия. Как клонирование.

— Наверное, — согласился Ракеш, не поинтересовавшись, что такое клонирование. Вероятно, знал. Или не интересовался. — Но среди Бесчисленных Земель есть все, что угодно. Надо лишь поискать как следует. Я вот нашел!

Он снял сумку, которая оказалась тубусом из жесткой кожи буйвола, открутил крышку,

вынул свернутый свиток из тонкой, но прочной гладкой бумаги. Развернул ее на кровати, придерживая края руками. На куске пергамента в виде квадрата со стороной примерно в метр изображалась фосфоресцирующими красками мандала — удивительная конструкция из кругов, квадратов, треугольников, вписанных друг в друга. Она выглядела иначе, нежели та, что привела чужака в мир Приполярья. Или та, что красовалась на каменной стене в парке.

— Это мандала, — полуутвердительно-полувопросительно произнес Дан.

— Образ вселенной, печать миров, портал между Землями, карта междумирья, порог измерений, — объявил Ракеш торжественно. — Ключ от незримых дверей. Но только от одного мира, а не всех сразу.

— То есть... если иметь нужный ключ, можно прямо отсюда сигануть в любой другой мир?

— Нет, нельзя. Иногда, чтобы добраться куда надо, нужно сделать много переходов. Дорога через мандалы идет подчас кружным путем, с пересадочными станциями.

Дан промолчал, а сам подумал: значит, Зброшенная Земля с монстрами и есть пересадочная станция для чужака? С помощью нее можно найти логово чужака! Или нельзя? Если чужак сделал еще несколько остановок в разных Землях, то следы его изрядно запутаны.

Ракеш, не подозревая о размышлениях Дана, свернул мандалу, сунул обратно в тубус — и уронил его на пол, произведя некоторый шум.

— Это я специально, — проворчал Ракеш.

— Я понял. Ты хотел пошуметь немного.

Ракеш справился с тубусом, повесил его за спину и выпрямился.

— Так ты идешь в тот мир?

— Конечно. Когда?

— Да прямо сейчас! Чего ждать?

— Шен Дамон не в курсе, да? — спросил Дан, хотя и так было кристально ясно, что Ракеш действует на свой страх и риск.

— Мы же Эмиссары нижнего звена, — пояснил Ракеш, — нам не везде можно. А Шен Дамон хоть и махасиддих, но и изрядный зануда. Узнает — разведет бюрократию... Мол, это рискованно и шансов найти лекарство мало...

— Шансов мало?

— Этого не выяснить, пока мы не отправимся туда, — твердо сказал Ракеш. — Остальное все бесполезная болтовня. Я всегда так считал.

— Ракеш, а ты почему рискуешь ради меня?

Дан понимал, что идет по тонкому льду. Все эти расспросы могут оттолкнуть Ракеша, обидеть его.

Но Ракеш не обиделся, а весело ответил:

— Потому что я такой человек! Веселый и рисковый! И ты мне нравишься. Особенно твой упорство и отвага.

“Скорее, слабоумие и отвага”, — мысленно поправил его Дан.

— Идем, — сказал он вслух.

— Тогда пошли в центральный зал внизу. А то при перемещении свалимся с третьего этажа в новом мире, где Академии нет.

Дан чуть не спросил, не материализуются ли они в стенке или скале при перемещении, но прикусил язык. Ракешу виднее. Дан поспешил одеться и по инерции прихватил узелок с

едой из тумбочки, но Ракеш поднял его на смех.

С беспокойной душой Дан уселся в коляску, и Ракеш покатил его по пустынным, как всегда, коридорам. Добравшись до лестницы, Ракеш развернулся спиной вперед и принялся спускать коляску прямо по ступеням. Никаких лифтов или пандусов здесь не предусматривалось, и неудивительно: зачем лифты и пандусы людям, прыгающим с третьего этажа с такой легкостью, словно это не десяток метров, а невысокое крыльцо?

Тащить коляску по лестнице Ракешу оказалось нетрудно — он даже не запыхался, когда они наконец оказались внизу, в центральном зале, возле резных перил вокруг очередного бассейна с рыбками. Свет фонаря освещал каменную плитку с редкими резными листочками. Несмотря на усилия дворника, вечнозеленые деревья опадали постоянно. Крыши над залом не было — одно лишь ночное небо, по периферии росли деревья. Над ними нависали темные балконы.

Ракеш снова достал свиток с мандалой и расстелил на плитке, прижав тубусом, чтобы не сворачивался.

— Смотри на мандалу и пусти ее в свой ум, — сказал он.

Дан посмотрел на нее с некоторым сомнением. Как ее пустить в ум? Что надо для этого делать? А если не получится?

— И куда вы собрались? — внезапно сказал кто-то совсем рядом.

Ракеш подскочил, а Дан вздрогнул. Оба обернулись и увидели белую фигуру в тени одного из деревьев. Кажется, там был еще один проход, ведущий вглубь здания.

Ирис вышла из тени на свет фонаря. Волосы у нее были распущены и достигали пояса, она была босиком и, по всей видимости, в одной длинной футболке.

— Благородная Ирис! — нервно вскричал Ракеш.

Но благородная Ирис перестала обращать на него внимание, поглядев на расстеленный свиток.

— Что это? Мандала из архива?

— Почему ты не спишь? — вырвалось у Дана. — Бродишь, следишь за нами?

— Очень надо мне за вами следить, — фыркнула Ирис. — Моя комната тут рядом. А вы нашумели.

Ракеш упавшим голосом сказал:

— Это я... не специально.

— В кои-то веки, — усмехнулась Ирис. — Не думаю, что вы затеяли хорошую вещь. У Ракеша ветер в голове.

Под аркой на противоположной стороне зала-атриума зашлепали чьи-то шаги. К Эмиссарам и Дану приближался пожилой Служитель, он же дворник и сторож, ночующий в крохотном домике в саду.

— Попались, — сквозь зубы процедил Ракеш.

Дан повернулся к Ирис.

— Не мешай нам... если ты и вправду благородна!

Ирис скривила хорошенькое личико.

— Что значит “вправду”?

— Я имею в виду, на самом деле, истинно, а не только цветом одежды.

Ирис одернула футболку.

— Ты мне мораль читаешь?

— Не в этом дело...

— Верно! Дело не в этом. Дело в том, что вы делаете то, что вам в головы взбрело, не уважая ни старших, ни... высших.

Той теплоты и человечности, что она продемонстрировала, когда мыла полы, не было и в помине. Сейчас Дан вновь наблюдал высокомерное выражение лица, прямо-таки изливающийся на них всех снобизм, и понимал, что между Ирис и остальными всегда будет расстояние — даже тогда, когда Ирис стоит рядом.

Его пальцы сжали поручень коляски, расслабились, и рука опустилась куда-то вниз, в поисках оружия, на полном автомате. Эх, где его велосипедная цепь? У Ирис с собой нет меча, глядишь, можно будет ее вырубить по-быстрому... Но если подумать крепче, никакой надежды ее осилить нет; к тому же к ним шлепает проклятый дворник, уж он-то поднимет тревогу.

Позади Ирис сгустился мрак, она начала было оборачиваться, но земля вдруг содрогнулась на краткое мгновение, и Ирис, закатив глаза, повалилась назад — прямо в объятия Кирана. Это он позади нее и появился, неслышный и незримый, и вырубил Держателя Тайн магией вибрации.

Вряд ли бы у него что-нибудь получилось, если бы Ирис была настороже.

Одновременно неподалеку зашумело — упал Служитель. Дан вовсе не заметил, как Киран дотянулся до него вибрационным ударом. Под Даном задрожало кресло.

— Меньше слов, больше дела, — пробурчал Киран, держа бесчувственную Ирис подмышками, как сломанную куклу в натуральный размер. Ее футболка задралась, но не критично, ноги разъехались, голова с копной светлых волос откинулась назад и в сторону.

Ракеш схватился за голову.

— Их найдут! — зашипел он.

— Не найдут.

Киран вел себя на удивление уверенно и целеустремленно, будто замышлял все эти дела задолго до этого момента. Опустил Ирис на каменный пол — не слишком аккуратно, — широким шагом подошел к Служителю и оттащил прочь, в темный проход, совершенно невидимый с галерей сверху. Вернулся и задумчиво поглядел на лежащую Ирис.

— Возьмем ее с собой, — проговорил он. — Полежит на той Земле, куда вы направляетесь, возле места, где проявится мандала. Я их обоих вырубил надолго, так что беспокоиться не о чем.

— Зачем ее брать? — вскричал Ракеш.

— Если на нее наткнутся, то приведут в чувство, и она многое сможет рассказать о нас. А Служитель ничего не знает. Сомневаюсь даже, что он вообще нас разглядел.

— Ты идешь с нами? — спросил Дан.

— Я хочу помочь, — заявил Киран.

— Но как ты узнал-то? — изумился Ракеш.

— Ты неделю не вылезал из архива, где хранятся свитки мандал, — хмыкнул Киран. — На тебя это непохоже. А сегодня, когда вылезал через окно, уронил вазу и разбудил меня.

— Это я...

— Да, специально, я знаю. Ну что, идем?

Дан растроганно смотрел, как Киран нагибается и легко поднимает Ирис на руки. Какие молодцы, эти парни! И ведь он считал, что тут все пребывают во взаимной перманентной ненависти.

Свиток был расстелен перед коляской Дана, Киран с Ирис на руках и Ракеш встали пс

обе стороны, все уставились на светящееся изображение мандалы.

— Впустите ее в ум и сердце, — прошептал Ракеш.

Дан старался изо всех сил, хотя не вполне осознавал, что именно нужно делать и правильно ли он это делает. Постепенно геометрические фигуры, вложенные друг в друга, заполнили все поле зрения, ввели в подобие транса.

Это оказалось проще, чем Дан предполагал. Или же основную работу за него выполнили опытные спутники. Дана охватило зыбкое чувство невесомости, оно сразу же пропало, мандала надвинулась на него, и он очутился в середине трехмерной сияющей конструкции. Два удара сердца — и мандала растворилась в воздухе, вспыхнул дневной свет, Дана окутал жаркий влажный воздух, а в уши ворвался птичий гвалт.

Дан огляделся с некоторой опаской.

Миг назад была ночь, а сейчас стоял яркий безоблачный день — высокое, подернутое жемчужной дымкой небо, знойное солнце практически в зените. Дан и остальные очутились на старой дороге, с двух сторон зажатой непроницаемыми стенами джунглей. Воздух насыщала тяжелая влага, температура была куда выше, чем в Антарапуре и тем более Камень-граде.

Между гладкими каменными плитами, составляющими древнюю на вид дорогу, пробивалась растительность, вдали над лесом возвышались желто-зеленые ступенчатые пирамиды — настолько огромные, что казались нереальными. Кое-где из леса выглядывали сооружения поскромнее, но тоже каменные, монолитные — и с явными следами древности и заброшенности.

Дан прищурился на ярком свете, заслонился рукой. Когда зрение адаптировалось, снова взглянул на каменные строения.

Вылитые небоскребы, только громоздкие, с какими-то архитектурными излишествами вроде декоративной колоннады на каждом этаже и открытых галерей.

Здания по самую крышу заросли ползучими растениями, углы растрескались, оконные проемы зияли черными глазницами.

Такое впечатление, будто довольно развитая цивилизация здесь вымерла сотню лет назад, оставив после себя следы мегаломании.

Дан убрал руку и вдруг разглядел в небе белесое пятно геометрически правильной формы. Гигантский прямоугольник — скорее, цилиндр, — с многочисленными распростертыми солнечными панелями. Эта космическая станция, несомненно, тоже заброшенная, имела такие титанические размеры, что даже с земли впечатляла. Возможно, это была даже не станция, а целый орбитальный город.

Ракеш, не особо интересуясь окружением, всматривался в свиток. На его другой стороне тоже что-то этакое изображалось.

— Нам туда! — наконец сказал он.

И указал на дальнюю пирамиду, доминирующую над джунглями. Туда вела заброшенная дорога, на которой Дан, Киран и Ракеш и материализовались.

Киран заворчал:

— А поближе ты не мог мигрировать?

— А так можно было? — спросил Дан.

Все они разговаривали в полный голос, перекрикивая оглушительное пение птиц и треск насекомых.

— Конечно, — отозвался Киран. — Мандала перемещает практически в любую точку

Земли. Если правильно нацелиться. Ракеш, только не говори, что так и хотел специально.

Ракеш с досадой отмахнулся:

— Нет, я хотел поближе... Теперь нам придется пробиваться через этих!

— Кого?

Дан и Киран проследили за взглядом Ракеша и резко обернулись.

Со стороны нужной пирамиды по дороге к ним приближалась толпа полуголых людей, разукрашенных белыми, красными, синими и зелеными красками, с перьями на головах и многочисленными украшениями. Все очень смуглые, волосы длинные и заплетенные в косы, носы и губы пробиты огромным пирсингом — если это можно так назвать.

Их было человек двадцать. Впереди шел седой и грузный мужик, с обвисшей на боках и груди кожей. В полусотне метров от пришельцев он что-то гортанно выкрикнул, и группа остановилась.

Некоторое время аборигены пялились на незваных гостей, затем с криками и улюлюканьем бросились в атаку, не сочтя нужным вступать в переговоры. Дан разглядел у них копья, но луков и стрел вроде не наблюдалось.

Киран решительно — собственно, он всегда и все делал решительно — швырнул бесчувственную Ирис на колени Дану. Дан не ожидал такого подарка и ухватил ее одной рукой за плечо, другой — за голые ноги. Ее голова откинулась, волосы упали на землю. Дан ощутил теплоту и мягкость девичьего тела, от Ирис приятно пахло, но все это Дана ничуть не взволновало — ввиду заблокированной чакры и стремительно приближающихся аборигенов.

Киран встал позади коляски и принялся толкать ее вперед. Ракеш, наоборот, встал впереди. Аборигены на бегу швырнули штук пять копий, одно ударилось о камень в двух сантиметрах от левого колеса и головы Ирис, другое выбило из дороги искру чуть дальше, а три вонзились прямо в Ракеша с металлическим звоном, отскочили и упали под его ноги. Наконечники у копий были металлические, но от удара о Ракеша слегка погнулись.

Неуязвимость Ракеша, который стал каменно-непробиваемым, шокировала агрессивных туземцев — но ненадолго. Вероятно, они уже встречались со сверхъестественными существами. Атака продолжалась, сопровождаясь воинственным улюлюканьем, а дистанция сокращалась.

Сзади рявкнул Киран:

— Пригнись, Ракеш, сейчас моя очередь кричать!

Ракеш мигом сел на корточки, Дан наклонился, обняв Ирис совсем уж неприличным образом. Ее футболка задралась на сей раз критично, и Дан прямо перед носом лицезрел ее трусики — такие же белые, как и вся ее одежда.

Дан не услышал боевого клича Кирана, лишь пространство пронзила неприятная вибрация, встряхнувшая все внутренности и зыбко отозвавшаяся в костях.

Вибрационный импульс Кирана повалил передние ряды аборигенов, как порыв шквального ветра валит сухой кустарник. Задние ряды пришли в замешательство.

— Никакого уважения к Богам Бесконечных Земель! — завопил Ракеш. Его обуревал азарт драки. Красная рубаха на груди и животе была разорвана копьями, в дырах просвечивало смуглое тело, без намека на раны.

— Мы не боги! — урезонил его Киран.

Оба не проявляли ни малейшего страха перед аборигенами — и ничего странного, учитывая способности Эмиссаров. Кураж передался и Дану, хотя от него в бою пользы было

не больше, чем от Ирис, по-прежнему лежавшей на его коленях.

— Это зависит от терминологии... Ну что, вперед?

Киран снова вцепился в ручки коляски и покатил ее по каменным плитам; колеса стучали по выбоинам, Дан трясся и крепко держал Ирис. Он намотал на кисть ее длинные волосы, чтобы не волочились по земле и не попали под колеса кресла. Ракеш, с усилием передвигая отяжелевшие ноги, со страшным топотом бежал впереди. Каждый его шаг сопровождался грохотом, словно бежал не обычный человек, а исполин из металла. Аборигены бросились врассыпную, бросив тех, кто потерял сознание от вибрационного удара.

Заброшенная дорога опустела, но изредка из зарослей вылетали копья и стрелы. Ракеш отбивал их руками и ногами, как фокусник, а изредка принимал удар на себя. Проросшие между камнями травы хлестали по ногам Дана. Коляска содрогалась, и Дан начал всерьез остерегаться, что она перевернется. Но Киран держал ее крепко.

Спустя минут десять быстрой езды они подобрались к подножию ступенчатой пирамиды. Сложенные из колоссальных каменных блоков стены уходили в блеклое небо, их нижняя часть позеленела от мха и затянулась побегими местных лиан. На камне изображались гравюры с человечками в странных нарядах, иногда человечки сидели на плечах и головах человечков побольше; эти гравюры шли одна за другой, как фреймы комикса, рассказывая давно забытую историю.

Дорога упиралась в подножие каменной лестницы, которая протянулась вверх под углом в девяносто градусов и заканчивалась далеко наверху, у черного портала, ведущего вглубь пирамиды. Издали лестница казалась полосатым языком каменного чудовища, разинувшего пасть. Вместо глаз по обе стороны портала темнели круглые отверстия в стене — что-то вроде бойниц.

Оттуда удобно метать копья или стрелять из луков... Но не это основная проблема.

— Я не одолею лестницу! — крикнул Дан. Он все еще придерживал на коленях Ирис. От жары и ее тела он вспотел и мечтал поскорей избавиться от этой ноши. Но оставить ее просто так, как они намеревались это сделать прежде, невозможно — ее убьют агрессивные туземцы.

Ракеш облизнул губы и приблизил ухо к плечу, раздумывая. Он тоже взмок, одежда превратилась в лохмотья, разрезанная копьями и стрелами. Его кожа матово блестела, как металл, выкрашенный в цвет бронзового загара, он двигался с трудом, как будто весил с тонну. Возможно, так оно и было на самом деле.

— Главное, добраться до артефакта, — отмахнулся он. — Мы заберем его, иницируем, и дальше ты сам пойдешь!

“Сумасшедшая авантюра! — подумал Дан. — Никакого плана. Наверное, для Эмиссаров прыгнуть в неведомое измерение и навести там шороху — обычная рутина? Или так ведут себя только балбесы вроде Ракеша?”

Ракеш добавил:

— А потом мы перенесемся по мандале назад.

И дернул подбородком в сторону тубуса за спиной.

Спрятавшиеся в джунглях туземцы больше атаками не беспокоили, сообразив, видимо, что дело это бессмысленное. Примолкшие было птицы снова заполнили воздух трелями. Солнце жарило так, что металлические части коляски раскалились, и к ним невозможно было прикоснуться. Изрядно отросшие волосы Дана слиплись от пота, он улавливал запах собственной нагретой кожи и кожи бесчувственной Ирис. Ее запах был тоньше и приятнее.

Из портала наверху выбежало человек пять — все в пышных перьях, в канареечно-желтых набедренных повязках, раскрашенные похлеще тех, первых. Сразу видно: особое сословие. Наверное, жрецы.

Эти жрецы поспешили по лестнице вниз, навстречу Эмиссарам, потрясая короткими

копьями.

— И примем наказание заслушание, — сказал Киран без намека на беспокойство.

Переведя дух, Ракеш начал подниматься по ступеням. В него полетели копья.

— Победителей не судят! — весело выкрикнул он, не оборачиваясь. Копья звенели, отлетая от него, а затем с сухим стуком отскакивали от ступеней.

— Мы еще не победили.

— И не победим с таким-то настроением! Выше нос!

Дан с нарастающей тревогой следил за приближающимися жрецами. Как он поднимется по этой длинной лестнице? А Ирис они куда денут? Если, допустим, Киран потащит Дана на закорках, а Ракеш понесет Ирис, то оба действующих бойца будут ограничены в свободе. Как сражаться с напуганными аборигенами?

Расфуфыренные жрецы, впрочем, не особо спешили, хоть и издавали леденящие душу вопли и визг. Не исключено, что здешние дикари всю свою осознанную жизнь ждали встречи с исчадиями ада из местной примитивной религии, а Эмиссары на их взгляд — вылитые черты. Также возможно, что Эмиссары тут не впервые и настолько “понравились” автохтонам, что те усердно точили наконечники копий в ожидании их возвращения.

Вскоре выяснилось, отчего жрецы бегут по массивным растрескавшимся ступеням как-то не слишком шустро и определенно тянут время. Откуда-то донесся грохот и лязг, напомнивший Дану работу экскаваторов в карьере за Камень-градом, и справа из-за угла ступенчатой пирамиды выползла чудовищная конструкция — огромная, с двухэтажное здание, машина в виде несуразной куклы из дерева и бронзы, сторбленной, с квадратной башкой, веревками вместо мышц.

Исполинская кукла перемещалась на четырех деревянных колесах, в груди зияли прямоугольные отверстия — специально проделанные или оставленные по недосмотру. В них пульсировало серое кожаное сердце размером с бочку. Суставчатые руки свисали до земли. Круглые глазищи-иллюминаторы бликовали на солнце, широченный рот был раззявлен. Когда робот полностью выехал, звеня и лязгая, из-за угла, Дан разглядел у него сзади что-то вроде короткого кузова, наполненного камнями размером с арбуз и больше.

На плечах монстра и в кузове сидели, потрясая дробниками, разукрашенные аборигены. Кое-кто повис на веревках сбоку и над колесами.

Ракеш сказал:

— Голем? Парасаттва?

Дан подавил желание протереть глаза — тем более что их заливал едкий пот. Руки, впрочем, у него были заняты.

— Голем? — пробормотал он в ошеломлении. — Что за голем? Что за парасаттва?

Странно, но механическое чудовище чем-то отдаленно напоминало самого Дана в коляске с колесами. Этакая уродливая карикатура, как попало сооруженная из больших коробок.

— Сделан из магических артефактов и обычных стройматериалов, — пояснил Ракеш. — Эти парни не отступают! Видно, мы покусились на святое!

Робот медленно катил прямо на них, песок и щебенка хрустели под колесами. Один из манипуляторов согнулся, завернул назад, зачерпнул лапой, похожей на ковш экскаватора, изрядный валун и, широко размахнувшись, швырнул прямо в Эмиссаров.

Ракеш прыгнул со ступеньки и принял удар на себя.

Удар!

Камень врезался в Ракеша и разлетелся на мелкие куски. Ракеш пошатнулся. Второй манипулятор зашвырнул еще один валун — он тоже не смог нанести Ракешу ощутимый вред, но непробиваемый Эмиссар не выдержал и повалился на спину.

Выскочил вперед Киран, топнул так, что завибрировала земля; нескольких висевших на роботе аборигенов как ветром сдуло, но машина, хоть и приостановила наступление, пострадала не особо. Суставы манипуляторов заскрипели, из сочленений полетели искры, а серое сердце забилося чаще и громче.

На коленях Дана зашевелилась Ирис. Подняв голову, захлопала ресницами, сощурилась. Дан поспешно выпустил из кулака ее собранные в пучок волосы и отдернул руки. Ирис упала перед ним на четвереньки.

— Что? Что такое?

Она встала и покачнулась, ничего не понимая. За ее спиной барахтался на песке Ракеш с разорванной на груди и животе одеждой, весь в пыли и замахивался огромный робот-камнемет. Киран был занят: сбивал с ног оживившихся жрецов на лестнице, которые решили нанести удар во фланг.

— Почему я лежала у тебя на коленях? Что вы натворили?

Ирис обернулась и завизжала как самая обычная девчонка из Камень-града при виде мутантов-пиявок, а не Держатель Тайн и Эмиссар Антарапура.

К ним полетел, переворачиваясь на фоне выцветшего неба, очередной валун, но Киран разбил его в полете вибрационным криком, который никто не услышал, зато все увидели его последствия. Киран обернулся к Дану и Ирис — лицо мокрое, искаженное.

— Лучше помоги нам, благородная Ирис! — воскликнул он; запнулся и добавил: — Нам бы не помешала твоя помощь!

Эти слова произвели впечатление. Ирис выпрямилась и нахмурилась. В трусиках и футболке она не выглядела воинственно, но Дан ощутил исходящую от нее уверенность в собственных силах.

— Ты ни разу за все время знакомства не называл меня благородной, — сказала она Кирану. — Видно, вляпались мы капитально.

Дану подумалось, что обращение Кирана ошеломило ее сильнее, чем то, что она пришла в себя на чужой Земле, где на них нападают злобные дикари верхом на деревянном роботе. Как бы то ни было, сориентировалась она очень быстро — сказался стаж работы Эмиссаром, пусть и небольшой. Рванув с места так, что из-под голых пяток взметнулся песок, она помчалась прямо на робота, облепленного дикарями и окруженного клубами пыли.

На краткое мгновение ее белая фигурка с развевающейся белой гривой исчезла в желтой пыли. Потом прямоугольная конструкция окутала ветвистая молния, заметная даже несмотря на яркий солнечный день; ядовитый треск заглушил шум схватки, крики аборигенов и какофонию местной фауны. Аборигены посыпались с робота как спелые яблоки, парализованные электрическими разрядами.

— Значит, Служитель тоже очухался — одновременно с нашей Ирис! — сказал Ракеш весело. Он поднимался с земли и отряхивал штаны от пыли. — Киран, ты не мог вырубить их качественнее? Нам по возвращении ждет задница! И я догадываюсь, чья!

Перспектива наказания после возвращения в Антарапур его пугала сильнее, чем риск быть раздавленным камнями или пронзенным копьем и дротиком.

Киран насмешливо отозвался:

— С таким настроением мы не победим, Ракеш! Выше нос! Вперед!

Он совершил невозможный для нормального человека прыжок сразу метров на десять и приземлился на одной из верхних ступеней каменной лестницы. Жрецы, которые очутились совсем рядом от Эмиссара, заткнулись и обратились в позорное и трусливое бегство обратно в портал.

Киран не стал их преследовать, сиганул обратно и с топотом приземлился рядом с коляской Дана.

— Я оттуда кое-что разглядел, — сказал он. — Идем!

Не дожидаясь реакции, он наклонился, схватил Дана за локоть и, прежде чем тот сориентировался, перекинул через свое твердое, как деревяшка, плечо. Дан охнул, его живот уперся в плечо, голова свесилась за спиной Кирана, перед лицом заскользила сухая земля с редкими пучками жесткой и желтой травы, замелькали пятки Кирана — Эмиссар был почти босиком, в плетеных шлепанцах.

“Собрались, блин, в поход, — чертыхнулся про себя Дан. — Без оружия, в шлепках и шортах... А Ирис и вовсе почти что голая...”

Но, вероятно, для победы над какими-то зачуханными аборигенами ничего больше и не нужно. Магия — наше все. Не зря ведь Ракеш и Киран шутят, веселятся, будто все это — парк аттракционов, а не далекая Земля, где прежняя великая цивилизация отчего-то погибла, а на ее руинах улюлюкают и трясут перьями и копьями какие-то дикари?

Киран с Даном на плече побежал прочь от робота, которого крушила благородная Ирис, обогнул основание лестницы, и на взмокшего Дана упала прохладная тень. Ракеш вслед за ними заскочил в глубокую нишу, в глубине которой виднелась массивная дверь из потемневшего от времени дерева. Ее покрывали рисунки фигур человеко-зверей, выполненные довольно примитивно. Тут явно постарались здешние современные дикари, а не древние строители пирамид и небоскребов.

Неслышным вибрационным криком Киран разнес дверь в щепки. Дан почувствовал, как щепки стучат по его выставленному вперед сидищу. Киран ринулся в открывшийся проем, сделал примерно два десятка шагов и остановился. Он наклонился и усадил Дана прямо на прохладный и пыльный каменный пол.

Дан быстро осмотрелся. Они находились в высоком коридоре, сложенном из отшлифованных гранитных блоков. Здесь пахло древностью, плесенью и смертью. С одной стороны ярко сиял вход в коридор, с другой — зловеще багровели отсветы огня.

Тарахтя колесами, Ракеш подкатил к Дану коляску и помог ему на нее взобраться. Киран между тем дошел до конца коридора, высунул голову, повертел ею туда-сюда.

— А зачем он меня тащил на себе? — шепотом спросил Дан Ракеша.

Тот ухмыльнулся и постучал себя согнутым пальцем по лбу. Мол, дурак, что с него возьмешь?

— Я думал, здесь будут еще ступени, гений! — яростно зашипел на них обоих Киран, вернувшись. Слух у него был как у летучей мыши.

— Что там? — спросил Ракеш.

— Большой зал. Ты чувствуешь?

— Ага!

Дан не вник в суть разговора. Что они чувствуют? Он бы и сам подключил свое чутье, если бы успокоился на мгновение. События чересчур быстро развивались, его мозг не поспевал. Снаружи один за другим трещали разряды и тонко вскрикивали люди. Грохотал и лязгал механический голем, но что-то — может быть, пресловутое чутье? — подсказывало,

что это не шум битвы, а последние звуки разрушаемого робота. Ирис разносила его вдребезги.

— Там жрецы с перьями, — сказал Киран.

— Эти попугаи? — отмахнулся Ракеш. — Они еще те ссыкуны. На них только замахнись, они сразу побегут, сверкая голым задом.

Он выкатил грудь, от одежды впереди почти ничего не осталось, и мускулистый торс был виден без помех. Ракеш одним движением сдернул лохмотья, чтобы не мешали, оставив тубус за спиной, и остался в одних широких штанах багрового цвета. В бою он потерял веревочку, держащие волосы, и черная шевелюра упала на плечи почти до лопаток.

Дан мысленно восхитился его телосложением. Спортивный парень, что ни говори! Ему бы в Камень-град — от девок отбоя не было бы!

— Лекарство там, — возвестил Ракеш, и в его тоне было столько уверенности, что Дану не пришло в голову интересоваться, откуда ему это известно. — Пойдем и возьмем!

И он бросился вглубь пирамиды, навстречу зловещему свету факелов, а Киран взялся за ручки инвалидного кресла и покатил его следом. Никто из них не полубопытствовал, как там Ирис — ее судьба была им либо безразлична, либо они не сомневались, что она разрушит робота и весь “обслуживающий персонал”.

Они выехали из темного тоннеля, и над ними распахнулось пространство обширного конусообразного зала, залитого светом многочисленных факелов, торчащих в специальных углублениях. Сложенные из каменных блоков стены оплетали лианоподобные растения — белесые, в отличие от тех, что снаружи, похожие на высохших червей или корни.

По периметру на возвышениях тускло поблескивали медные (или золотые?) истуканы с непомерно большими головами и вытарашенными нечеловеческими глазами, узкими щелями вместо носа и клыкастыми широченными ртами; ручки и ножки у истуканов были, наоборот, ненормально крохотными, искривленными, иногда с дополнительными суставами. Перед каждым истуканом стояла гранитная чаша, края каждой чаши были измазаны черно-бурым.

Пахло копотью, сладковатыми травами, тошнотворным тлением. У Дана закружилась голова.

Жрецы с перьями, разукрашенные от макушки до пяток, в длинных деревянных масках — тоже раскрашенных, — ждали пришельцев с оружием наготове, стоя возле жертвенных чаш. Едва Ракеш вышел из коридора, тишину разорвало бешеное улюлюканье и полетели копья.

Киран оставил коляску с Даном у самого выхода из коридора и ринулся в атаку, вынося жрецов своей вибрационной техникой.

При виде масок Дана в самом натуральном смысле переключило. Эти маски напомнили чужака, превратившего Камень-град в нечто чудовищное и убившего несчетное количество людей на военной базе. В глазах у Дана потемнело, снова перед ним плясали языки пламени и корчились горящие люди.

Плохо соображая, что делает, он нащупал бледную лиану на стене и наполнил ее Поток. Раздался треск, со стены посыпалась пыль. Гибкая ветвь выпрямилась сама собой, отдираясь от камней, к которым приросла давным-давно. Дан дернул ее, и лиана с громким треском оторвалась от стен, купола, возвышений с истуканами. Эта лиана была очень длинной, ветвящейся, связанной со всеми прочими лианами. С купола вниз вместе с пылью и каменной крошкой посыпались увесистые камни.

Жрецы заорали на сей раз испуганно, а не воинственно, заметались в страхе. Кое-где вниз свалились факелы, разбрызгав вокруг огненные искры, медленно повалились два истукана и покатались, сотрясая пол. Кажется, они были золотыми хотя бы частично, судя по тяжести.

Дан не выпускал лиану, продолжая накачивать ее Поток. Весь зал наполняла пыль, ветви лиан металась в воздухе, как щупальца чудовища, некоторые бледные отростки сбили с ног жрецов.

Дан снова тряхнул лиану, и вся сеть ветвей оторвалась от основной ветви длиной метров в десять.

“Это моя новая велосипедная цепь”, — мелькнула злорадная мысль.

Он размахнулся этой длинной цепью, сидя в инвалидном кресле у входа в коридор, лиана со свистом описала полукруг в метре над полом, Киран и Ракеш шустро нырнули на пол. Кучка жрецов тоже попыталась укрыться, но не успела. Некоторые прыгнули с возвышений, но лиана сбила их с ног одного за другим. Наполненное Поток растение затвердело до состояния чугунной дубины. При ударах о раскрашенные тела слышался хруст костей. Жрецы складывались вдвое, переламываясь как сухой тростник, а жесткая и прямая, как рельс, лиана тащила их на себе, описывая полукруг, вопящих и переломанных.

Дан развернул лиану в противоположную сторону и снова начал движение, наполняя лиану Поток.

Кто-то крикнул — Дан не разобрал, Ракеш или Киран:

— Данис, хватит!

Но он не отреагировал, кровь стучала в висках, всю его сущность переполняло холодное бешенство. Ему хотелось только одного — стереть с лица земли этих тварей в масках.

Позади загрохотало, и коридор перекрыла каменная плита, выдвинувшаяся сбоку. Одновременно из тайных проходов позади истуканов выскользнули смуглые воины в боевой раскраске, без масок и перьев, зато с луками и колчанами, полными стрел.

Дан вздрогнул и потерял концентрацию, необходимую для поддержания нужного уровня Потока. Лиана сразу потеряла твердость и, рухнув на пол, свернулась кольцами.

— Путь назад закрыт! — завопил Киран. — Ракеш, мог бы предупредить об этой миссии, я бы прихватил оружие посерьезнее собственных кулаков!

— Все случилось спонтанно!

— И ты так и хотел?

— Ага! Нам туда, между прочим!

Ракеш показал на самое большое возвышение, к нему вела лесенка из пяти ступеней. На возвышении в ряд стояли стеклянные на вид емкости размером с обычное ведро, в мутной жидкости внутри плавало что-то темное и взлохмаченное. Ракеш оставался обнаженным по пояс, его мускулы блестели в свете оставшихся факелов, как детали начищенного медного чайника. Он раскидывал туземцев, делая изредка тяжелые шаги. Местное оружие не в силах было оставить на нем даже царапины.

Неожиданно наступила тишина. Секунду назад зал содрогался от свинцовых шагов Ракеша, раздавались глухие удары, крики, вопли, улюлюканье, звон тетивы и кожи Ракеша, когда об нее ударялся стальной наконечник, пробежала вибрация от магических ударов Кирана — и вот, долгожданная тишина. Все защитники храма — несомненно, отважные ребята, о них еще сложат легенды — лежали в глубоком нокауте или вовсе без признаков жизни.

Вдруг кто-то застонал. За поваленным истуканом пытался ползти молодой абориген, потерявший маску, его черные глаза вращались от боли и страха, по лицу обильно тек пот. Одна рука обзавелась лишним сгибом в районе плеча, одна нога превратилась в кровавое месиво.

— Не надо было так, — сказал Киран.

И Дан сообразил, что Эмиссар обращается к нему, Дану Кременеву. И что этого парня, а также десяток других, разукрасил тоже Дан Кременев. Возможно, и убил. Сейчас некогда разбираться, кто покалечен до конца дней своих или отправился к собственным языческим богам.

Дан сцепил зубы. Так вот отчего Ракеш, приняв на себя сотни ударов, которые убили бы любого обычного человека, ни разу не поднял упавшее копьё и не нанес ответный удар! Он не хотел убивать! И Киран просто сносил аборигенов, лишая их сознания и возможности оказывать сопротивление; он не бил наповал, хотя такая возможность в его магическом репертуаре несомненно была.

— Ненавижу маски, — процедил Дан. Ничего лучшего на ум не пришло.

Но Киран не был расположен к чтению морали, вся эта кровища, похоже, не особо его расстроила. Он вздохнул и пошел вслед за Ракешем по короткой лесенке к возвышению с бутылками. Ракеш же вовсе не потрудился оценивать потери противника. Он снял тубус, ловко выловил из него свиток, подставил под свет ближайшего факела.

— Ух ты!

Дан снизу ухитрился разглядеть рисунок на свитке — нечто крестообразное. Такие же формы плавали в мутной жидкости в бутылках.

— Это оно? Оно вылечит Дана? — спросил женский голос.

Дан повернулся на звук голоса. Из тайного прохода позади поваленного истукана, откуда совсем недавно вылетали оружие воины, выбралась Ирис, переступая неслышно босыми ногами. На белой футболке желтые и черные пятна. Красных нет... Она тоже обошлась без кровопролития. Битва, кажется, взбодрила и воодушевила ее. Глаза горели ледяным блеском, губы улыбались, ни намека не осталось от ее привычной недовольной гримаски. Она любила драться.

Дан отметил, что она похорошела, несмотря на растрепанные волосы, грязь и неуместный наряд.

— Так вы из-за этого сюда явились?

Вместо ответа Ракеш поднял бутылку и потряс ее слегка над собой.

— Парасаттва! — вскричал он. — Точно как в свитке!

— Его должна вылечить парасаттва? — спросила Ирис, останавливаясь у подножия лестницы.

Дан мало что понимал в этом разговоре. Разве не парасаттвой называли того гигантского робота? Как этот камнемет его вылечит, окончательно разломает позвоночник, что ли?

Но речь шла, судя по всему, о темной звездообразной сущности в бутылке, а не о роботе. Киран мягко отнял у Ракеша бутылку, бестрепетно сунул туда руку и вынул липкую тварь, наподобие морской звезды или осьминога, у которого оторвали половину щупалец.

— И что с ним? — спросил он. Вопрос был каким-то странным и незаконченным.

— На чакры, — так же кратко ответил Ракеш, просматривая свиток.

Кивнув, Киран спустился по лестнице, неся слизистую тварь, а Дан напрягся.

— Я что, должен ее сожрать? — спросил он. А сам подумал: если понадобится, сожру и

не поморщусь. И добавки попрошу, вот там еще бутылки с этими кальмарами есть.

— Посмотрим, — спокойно сказал Киран. — Поднимись-ка.

Дан послушно приподнялся, упираясь ладонями в поручни. Киран встал позади, задрал ему рубашку, и Дан ощутил прикосновение мокрого, холодного и слизистого тела к пояснице. Сразу после этого появилось чувство легкого жжения и щекотки. Все это прекратилось раньше, чем Дан забеспокоился, осталось лишь ощущение влаги, словно ему брызнули водой на спину.

Он опустился обратно на сидение и осторожно ощупал поясницу — спина как спина, слизистая тварь исчезла, будто растворилась. Кожа, впрочем, стала жестче, и возникли еле заметные на ощупь бугорки. Изогнувшись, Дан разглядел, что спина в районе поясницы покрылась темным узором — это были изогнутые линии, похожие на щупальца того самого существа, парасаттвы, — а вдоль этих линий слабо флуоресцировали бугорки.

Дана окатило потом. Парасаттва слилась с ним! Вживилась, имплантировалась в его плоть, стала одним целым с его организмом! Он сомкнул на секунду веки: перед глазами сияли светящиеся узоры, как у мандалы, но не такие симметричные.

Вдали снова слышались неистовые крики, и Дан раскрыл глаза. Их вновь атаковали неугомонные аборигены. Они лезли из потайных ходов один за другим, без масок, но с бешено искаженными физиономиями. Они довели себя до иступления и готовы были на все, даже мучительную смерть.

Эмиссары без промедления вступили в бой, вокруг затопали, заорали, замельтешили. Дана сильно толкнули, коляска перевернулась, и Дан вывалился из нее, упав у нижней ступени на твердый и прохладный пол. У него внезапно заболела спина — он почти забыл это отвратительное чувство! Но боль отличалась от прежней: болел позвоночник, и не то чтобы сильно. Боль была почти приятной, томительно-сладкой. Она волнами поднималась от крестца к лопаткам и выше, захватывая ребра и достигая шеи.

Дан ожидал страшной боли, заранее зажмурился и скорчился, лежа на животе. Но сладкая боль постепенно затихла, оставив после себя электрическое покалывание вдоль многострадального хребта.

Пол содрогнулся от тяжелого удара — то прыгнул Ракеш, снова придав телу металлическую твердость и тяжесть. Он молотил кулаками направо и налево, раскидывая аборигенов, чуть дальше наносил вибрационные удары Киран. Еще дальше трещали электрические разряды Ирис.

Дан пополз по-пластунски в уголок между лестницей и фундаментом возвышения, чтобы укрыться. Понятно, что этот уголок — неважная защита от случайного или намеренного дротика, но это лучше, чем ничего. Он не сразу сообразил, что ползет как-то непривычно быстро и что помогает себе ногами, чего раньше не бывало. Не веря происходящему, он вцепился в тонкие лианы, приросшие к фундаменту, на котором стояли парасаттвы, подтянулся — и встал во весь рост.

Его охватило сильнейшее чувство эйфории — без мыслей, прочих эмоций, без ничего. В голове воцарилась звенящая пустота.

Он стоял. Сам. На своих ногах. Без боли и страданий. Впервые за такое долгое время.

Он и позабыл, каково это — смотреть на мир с высоты собственного немалого роста. Пыльный полутемный зал, заполненный неистовыми берсерками, предстал перед ним целиком, от края до края. Дан увидел, как Киран прыгнул вперед и перехватил копьё, летящее в Ирис; амазонка обернулась и удивленно воззрилась на Кирана.

Дан слышал шум схватки, но не вслушивался в него, видел пламя факелов, тускло отблескивающие золотые истуканы, потную кожу дикарей — но не всматривался. Он переступал с ноги на ногу, наслаждался прокатывающимся по мускулам жаром, биением жизни, гибкостью и силой.

Совсем позабыв, где он, Дан запрыгал на месте и оглушительно расхохотался. Потом схватил собственную инвалидную коляску, без малейшего труда поднял ее и, размахнувшись, швырнул в дикарей, щедро добавив Потока. Коляска пролетела как пушечное ядро и снесла троих аборигенов в дальний угол зала, где они затихли. А Дан повернулся к стене и, продолжая безумно хохотать, отодрал еще одну лиану. Он наполнил ее Потоксом под завязку, до такой степени, что лиана запела, зазвенела, как натянутая до предела струна, и принялся наносить удары, вычищая пространство вокруг себя в радиусе нескольких метров.

Киран нырнул на пол, Ирис последовала его примеру, чтобы не попасть под лиану. Ракеш зазевался, и лиана попала по нему; раздался глубокий звон, точно ударили по огромному колоколу, и Ракеш отлетел к стене, впечатавшись в нее со страшным грохотом, от которого содрогнулся весь храм, посыпалась штукатурка, а кое-где треснули гранитные глыбы.

Лиана от удара ничуть не пострадала. Сейчас в ней циркулировало столько Потока, что ей не повредил бы даже ядерный взрыв. Аборигены завизжали, отбегая к потайным ходам, но Дан шел следом, вращая лианой, воображая, что это очень большая велосипедная цепь, и вырубая дикарей, выкашивая их, сбивая с ног, как кегли. И так продолжалось, пока в зале не осталось ни одного дикаря, который был бы в состоянии сопротивляться.

Некоторые и вовсе были мертвы, их кости были переломаны.

Только тогда Дан перестал накачивать лиану Потоксом и выпустил оружие из рук. Он остановился в центре зала, его грудь вздымалась, в ушах шумело. Он жадно хватал пыльный воздух ртом, будто раньше никогда не дышал. Взгляд упал на кусок стены под наклонным потолком — там отвалилась часть барельефа и открылась старая кладка с изображением чего-то круглого, похожего на глаз в окружении иероглифов или пиктограмм. Дан перевел взор на Кирана и Ирис — они таращились на него почти что со страхом.

Из дыры в стене с хрустом выдрался никогда не унывающий Ракеш. От чудовищного удара он ничуть не пострадал, чего нельзя было сказать о его штанах. Они превратились в лохмотья, держащиеся на честном слове. Еще одна схватка, и Ракешу придется разгуливать голым. Он улыбался во весь рот, демонстрируя белые зубы.

— Ты выздоровел! — сказал он. — Парасаттва помогла? Отлично, возвращаемся!

До Дана лишь сейчас дошло, что он все еще глупо хихикает, и тотчас перестал. Сказал:

— Извини... за удар, Ракеш. Я перевозбудился.

Упомянув о перевозбуждении, он осознал еще один факт, куда более деликатный. Парасаттва на спине сняла блок с двух прежде заблокированных чакр, а ведь одна из них — чакра размножения. Дан испытывал прямо здесь, в пирамиде среди раненых и убитых религиозных фанатиков, страшное сексуальное возбуждение. Не конкретно к Ирис, чьи обнаженные длинные ноги и контуры крепкой груди под футболкой теперь вызвали дикое желание, а ко всему и всем сразу. Его возбуждал даже запах крови и пота.

Дан поспешно шагнул назад, за поваленного истукана, чтобы он прикрыл его как минимум от Ирис до пояса.

Тем временем Ракеш невозмутимо подобрал с пола, где в разных позах валялись аборигены, помятый тубус с напроць оторванным ремнем и в очередной раз извлек свиток.

Киран и Ирис, бросая на Дана взгляды, подошли к Ракешу. Поколебавшись, Дан присоединился к ним, надеясь, что в зале достаточно темно, чтобы разглядеть его не к месту игриво-воинственное состояние.

— Впустите мандалу в ум и сердце! — провозгласил Ракеш.

Сверкание мандалы ослепило Дана, его закружило в энергетическом потоке, приподняла невесомость. Их понесло в Антарапур, город городов. В состоянии этого полета между мирами Дан заметил, как Ракеш, вскрикнув, выронил тубус, но не придал этому значения.

Плевать на тубус — так же как и на ненужную теперь инвалидную коляску.

Когда свечение геометрических узоров мандалы угас, их накрыл полумрак, рассеиваемый тускловатым фонарем возле бассейна с рыбками. В тишине лениво журчал фонтан и вскрикивали тропические птицы. Далекий звон цикад был настолько привычен, что практически сливался с тишиной.

Дан покачнулся, приземляясь на пол, но удержался на ногах. По мускулам ног по-прежнему пульсировала энергия, и Дану чудилось, что подпрыгни он — долетит до третьего этажа, туда, где наблюдательная площадка.

Его взор сразу напоролся на знакомую кряжистую фигуру в карминных одеждах. Шен Дамон сидел на перилах у декоративного бассейна, скрестив жилистые руки и чуть склонив голову. Рядом, прямо на каменном полу, сидел со скрещенными ногами пожилой Служитель. Острый кадык на его худой шее дернулся вверх-вниз при появлении Эмиссаров, а в глазах загорелась злость пополам с затаенным страхом.

— Об этой заднице я и говорил, — шепнул Ракеш. Сейчас, когда бой был завершен и все они снова находились в родных пенатах, его внешний вид был просто смешным и неприличным.

— О которой из двух? — в ответ шепнул Киран.

— О той, что больше и мускулистей... Проклятие, где мой свиток?

Шен Дамон не шелохнулся, лишь приподнял голову, его выпуклые глаза уставились на учеников. Злым или рассерженным он не казался, но и радости не излучал.

— Итак, я слушаю, — медленно заговорил он тяжелым басом. — Оправдывайтесь!

— Мы помогли другу, и теперь он здоров. — Киран произнес это твердо, но в тоне проскользнуло недовольство. — Почему мы обязаны оправдываться?

Мохнатые брови Шен Дамона взметнулись на крутой лоб, глаза сверкнули. Но он промолчал, а Служитель с беспокойством смотрел то на него, то на молодых людей.

Ирис неслышно отступила от остальных, пальцами вцепилась в нижний край футболки, стараясь понижее натянуть на бедра. Дан старался пореже смотреть на нее — он сконцентрировался на ощущениях в ногах — прекрасных и восхитительных ощущениях. В ногах не было ни малейшей усталости, а ведь он очень долго ими не пользовался и мускулы должны атрофироваться. Он не должен сейчас стоять, он должен много дней проходить мучительную реабилитацию, перемещаясь с помощью костылей или держась за стенку. Вероятно, парасаттва наполняет его ноги Поток, как он сам — цепи и лианы.

Дан забеспокоился. Как долго с ним пребудет парасаттва? Не отвалится ли? Будут ли от нее побочные эффекты? И получается, ему так и придется жить с этой тварью на поясице всю оставшуюся жизнь?

Так как Шен Дамон упорно хранил молчание, Ирис неуверенно проговорила:

— Мы... то есть вы... все равно нарушили правила... А я и вовсе...

Наткнувшись на взор Кирана, он запнулась и умолкла. А Дан вспомнил, как Киран уберег ее от ранения копьем. У Ирис ведь нет непробиваемой кожи?

Наверное, Ирис собиралась сказать “Я и вовсе ни при чем”. Она и правда была ни при чем; наоборот, старалась их остановить, но ее насильно увлекли в авантюру. А когда у нее не осталось выбора, она показала себя с наилучшей стороны...

Шен Дамон наконец разомкнул толстые уста:

— Какие еще есть мнения?

Дан выступил вперед, в очередной раз поразившись, до чего это приятно — ходить.

— Если вам надо кого-то наказать, — сказал он твердо, — вот он я.

Дамон заулыбался. С нескрываемым любопытством спросил:

— И как тебя наказать? Забрать ту шгуку на спине?

От этих слов сердце Дана пропустило удар, а между лопаток похолодело от страха. Шен Дамон отлепился от перил, поднял волосатую лапу, намереваясь угостить Дана щелбаном. Дан на полном автомате перехватил руку, отпихнул. Дамон захихикал, дернул Дана на себя, развернул, чуть ли не лениво завернул локоть Дана в болевом захвате — тот ничего не успел предпринять. Шен задрал ему рубашку и пару мгновений разглядывал то, во что превратилась парасаттва.

Дан перестал сопротивляться — все равно бесполезно. Пусть посмотрит. Что-то подсказывает, что Шен Дамон не станет отдирать парасаттву. Что это, в сущности, невозможно.

— Как интересно! — прокомментировал Шен Дамон. — Это же магический симбионт, созданный на такой далекой Земле, что данные о ней давно утеряны!

На этот раз Дан вырвался, тем более что Дамон ослабил захват. Отойдя на пару шагов, Дан развернулся к наставнику Эмиссаров.

— Не утеряны. Свиток с мандалой и прочими записями хранился в архиве.

— Да? — Дамон почесал затылок. — А я был уверен, что этот свиток утерян. Вечный бардак в нашем архиве...

Дан нахмурился. Непонятно, действительно ли озадачен Шен Дамон или придуривается. Если придуривается, значит, он просто не желал выздоровления Дана...

— Я его нашел, — сказал Ракеш. Дан не оглядывался на него и Кирана, но чувствовал, что Ракеш изрядно обеспокоен. Конечно, он сам всех и втянул в эту авантюру, но не в его привычках заглядывать далеко в будущее. Час наказания наступил, и Ракешу стало не по себе. — Но потерял прямо сейчас, во время перемещения...

— Ладно, — сказал Дамон и задумался. — А чего вы двое полуголые-то? Ракеш, Ирис, я не замечал между вами желания соития...

Покрытые нежным загаром щечки Ирис покрылись отчаянным румянцем, а Ракеш глупо осклабился. Они одновременно сбивчиво начали что-то говорить, но их прервал сам Шен Дамон, разразившись громовым хохотом.

Шуточки шутить изволим, понял Дан. Хорошо это или плохо? Если начальство веселится, это хорошо. Но бывает и такое начальство, которое вроде бы и смеется, а потом наказывает. У Шен Дамона с башкой-то не все в порядке.

И вправду, смех внезапно оборвался, Шен Дамон набычился, кучерявая борода встала дыбом.

— Скольких людей вы покалечили в бою, а? Скольких убили? Сколько архитектурных строений разрушили?

— Мы не считали, — сказал Дан. — Кажется, я убил нескольких... Но они не оставили нам выбора... Они напали первыми.

— Да ну? — прорычал Шен Дамон. — Не оставили выбора, говоришь? А вообще туда не соваться ты не пробовал? Это ли не выбор: оставаться инвалидом до конца своих дней, ибо такова твоя карма? А теперь ты умылся чужой кровью и ходишь довольный?

— Да! — заорал Дан. Киран и Ракеш попятелились, и даже Ирис отступила на полшага. — Хожу! Умылся кровью и хожу! Чему рад, бездушная ты скотина!

Шен Дамон вытаращился на него. В наступившей тишине Служитель суетливо поднялся на ноги и, придерживая рукой края саронга, засеменял прочь, к арке, за которой стоял его домик. Очевидно, у него пропало желание присутствовать при разборках до конца.

— Ага, — сказал Дамон тихо и задумчиво. От его ярости не осталось и следа. То, как у него менялось настроение, пугало, но сейчас Дан был слишком зол, чтобы испытывать в полной мере какие-либо прочие чувства. — А если бы ты знал заранее, что придется убивать людей за парасаттву, ты бы пошел на эту миссию?

Вопрос поставил Дана в тупик.

— Не знаю... — наконец выговорил Дан честно. — Наверное, все-таки пошел бы. Они были в масках... и нападали без перерыва... они не пытались вступить в переговоры, а Киран, Ракеш и Ирис старались их просто оглушать...

— Ладно, хватит нести этот бред, — отмахнулся от него Шен Дамон и приблизился к остальной троице. — Теперь ответьте вы: весь этот риск, шум и безобразие вы замыслили ради Даниса?

Киран коротко кивнул, а Ракеш пробубнил:

— А что такого-то?

— Давно вы сговорились?

— Недавно, — признал Ракеш. — С тех пор как я решил порыться в архиве. А вообще это был экспромт.

Дамон фыркнул, потряс головой. Свет фонаря отражался в бусинах его ожерелья и блестел в иссиня-черных волосах, собранных в пучок.

— Значит, это реально был экспромт?

Хотя вопрос адресовался сразу ко всем, никто не спешил отвечать. Неизвестно, к чему клонит Шен Дамон; как он относится к экспромтам. Подтвердишь — и схлопочешь по самое не балуйся...

Не дождавшись ответа, Шен Дамон захлопал в ладоши, как обрадованный ребенок, которому подарили новую игрушку.

— Обожаю экспромты! — возвестил он. — Это так живительно, естественно, спонтанно... Только так и надо жить, друзья! — Он обвел хмурых и мрачных слушателей горящим взглядом. — Хотя изредка и планировать не мешало бы... Да, судя по всему, наступило таки время для твоего излечения, Дан Данис Кременев!

— Да ну? — вырвалось у Дана ехидное. Он не успел прикусить язык.

— Ну да, — наивно подтвердил Дамон.

Он откашлялся и провозгласил:

— Итак, за слушание и нарушение дисциплины вы будете наказаны.

У Дана упало сердце.

— ...Ты, Дан Данис Кременев, отныне служишь Эмиссаром под моим началом. Завтра же начинаешь тренировки. А через две недели вы все отправитесь в рамках миссии на Землю, где победил культ Смарана. — Шен Дамон демонстративно поежился и сообщил: — Ох, и не завидую я вам!

— А когда мы начнем искать мандалу к моему миру? — дерзко спросил Дан.

— Когда придет время.

Дан сдержал сильнейший позыв обматерить Шен Дамона. Это будет черная

неблагодарность: наказание Шен Дамона — это самое лучшее, что с нынешних условиях могло бы случиться с Даном.

— А кто решает, когда придет время? — как можно мягче поинтересовался он. — Кто говорит за твое Дао, Шен?

Тот повертел головой, как бы ища кого-то. Развел руками.

— Наверное, я.

Так. Все-таки этот тип издевается...

— Страдания и смерть моих родных и знакомых на твоей совести! — выкрикнул Дан.

Дамон вздохнул, перестав кривляться, сморщил лоб. А он старше, чем кажется, подумалось Дану.

— Мне нравится твоя злость. Твой гнев и упорство. Главное, чтобы под ними ты не потерял самого себя. Идите спать.

Уж чего-чего, а спать Дану хотелось меньше всего. Ему хотелось прыгать, скакать, танцевать, драться, спорить с Дамоном, искать Камень-град — все, что угодно, но не спать.

Однако Киран и Ракеш потянули его за собой. Кажется, они все сравнительно дешево отделались. Ирис без колебаний растворилась в темноте прохода внизу, а Дан, на миг отвлечшись, обнаружил, что Шен Дамон исчез.

...Дан поднялся по лестнице на третий этаж, восхищаясь каждым движением своих ног, прошел по тройным слабо светящимся линиям и очутился в темной комнате, в которой прожил столько дней. Впервые он вошел в нее сам. Несколько долгих минут он стоял в центре — ничего не делая, ни о чем не думая, ни к чему не присматриваясь. Просто наслаждался мгновением. Потом, словно проснувшись, вышел на террасу. Со светом фонарей начал соперничать слабый свет зари, но до восхода оставалась еще пара часов.

Вернувшись в комнату, Дан разделся догола и осмотрел себя в зеркале, что стояло в углу и ни разу до этого момента не привлекло его внимания. Раньше он не хотел себя видеть, но сейчас пробудился интерес.

Зеркало было выше обычного человеческого роста, в бронзовой на вид рамке с причудливыми узорами. Рядом стоял торшер, изливающий мягкий золотистый свет. В углах были еще светильники, но Дан включил только торшер возле зеркала, нажав на мягкую кнопку на штативе.

Ноги от долгой неостребованности атрофировались, похудели, мышцы уподобились дряблым тряпочкам. Но и туловище похудело, живот втянулся, ребра, наоборот, выпирали. Дан и прежде не страдал излишним весом и мускулатурой, а сейчас и вовсе являл собой жалкое зрелище. Лишь на руках остались кое-какие мускулы.

Зато у меня есть Поток, утешил себя Дан, и я — Эмиссар. Он будет старательно тренироваться, пока не станет как Ракеш с его апполоновым телосложением и магией. Но внешняя красота — не цель, а средство. Раз уж он восстановился после, по всем признакам, неизлечимой хвори, значит, и Камень-град можно восстановить — вместе со всеми жителями.

Он повернулся спиной к зеркалу и пригляделся к парасаттве, сросшейся с его организмом. Она ничем не давала о себе знать — Дан чувствовал прикосновения к пояснице так же отчетливо, как и до слияния с симбионтом. На коже выделялся более темный участок в виде полосы вдоль позвоночника, от него в стороны торчали извитые тонкие щупальца. Будто Дану татуху в виде кракена набили — с той лишь разницей, что в “татухе” поблескивали фосфоресцирующие глазки...

Зрелище довольно пугающее, но Дан полностью был готов смириться с такой мелочью.

Он вымылся в ванной, наслаждаясь теплыми струями воды и мыльной пеной. Действия, которые прежде были мучительным подвигом, давались легко и просто. Как мало ценит человек свое здоровье!

Вытершись полотенцем, он повалился на кровать, думая, что не уснет до рассвета, но вырубился практически сразу. Слишком его измотала прогулка по чужой Земле.

Утром его разбудил молодой Служитель, обычно приносящий еду и не произносящий при этом ни слова. Дан считал его немым. Вероятно также, что ему строго-настрого запретили общаться с гостем. Так и оказалось, потому что сегодня он впервые заговорил.

Мягким голосом, больше похожим на женский, известил:

— Шен Дамон ожидает тебя в тренировочном зале...

Дан подскочил в постели и разом очутился на ногах. Служитель отпрянул. В свете зари из высокого окна было видно, что он шокирован.

— Прямо сейчас, что ли? — поразился Дан, поддернув просторные трусы.

— Э... через полчаса, как позавтракаете, — пролепетал Служитель. Оставив тележку с едой, поспешил уйти.

Дан проводил его взглядом. Небось решил бедолага, что Дан все это время придурился. Хотя какая разница? Он набросился на еду и сходил в ванную. Пока одевался, потренировался немного с полотенцем и собственной одеждой — наполнял их Поток и заставлял превращаться в твердые, как металл, объекты. Футболкой из легчайшей ткани впору было дрова рубить. Или разбивать черепа.

В памяти всплыли детали вчерашнего побоища в храме. Нет смысла обманываться: он убил немало народа. Да, это агрессивные дикари, которые принесли бы их всех в жертву своим уродливым богам, захвати они Эмиссаров в плен, но все же люди. И люди эти ничего дурного ни Дану, ни остальным Эмиссарам не сделали. Они всего лишь защищали то, что для них свято.

Но эти маски... Дан и не подозревал, сколько в нем скопилось ненависти к чужаку, явившемуся в Камень-град. Эта ненависть напугала его самого.

Дан попытался прислушаться к движениям собственной совести.

Нет, ему не стыдно. Все вышло так, как вышло, и историю назад не отмотаешь. Но ему однозначно неприятно, что так вышло. А ведь Ракеш мог бы и подготовиться как следует, смотаться на разведку, выяснить все, как следует, вернуться и предупредить остальных — в первую очередь самого Дана.

Дан еще больше устыдился. Он что, сваливает вину на Ракеша? На того самого Ракеша без которого Дан до сих пор бы катался на коляске?

Он надел просторные штаны и рубаху — все из легкой натуральной ткани карминного цвета. Обулся в сандалии из полос кожи и жесткой подошвы. И отправился по знакомому маршруту к залу, где тренировались Эмиссары.

Теперь он сам — Эмиссар.

“А ведь Дамон при нашей первой встрече не советовал идти в Эмиссары, — припомнилось ему. — Неужели он уже тогда понимал, что я выздоровлю? Или он знал, что излечение есть, просто ждал, пока естественный закон вселенной, о котором он так часто упоминает, сам приведет меня к парасаттве? Неважно. Главное, чтобы парасаттва не отвалилась раньше времени”.

Чутье подсказывало, что симбионт просто так сам не отвалится — он будет с Даном

всегда. Для симбионта именно слияние с организмом человека — естественное состояние, а не прозябание в банке.

Дан миновал площадку над тренировочным залом и замедлил шаги. Прыгнуть, что ли, вниз, как это делал Ракеш? Нет, еще рано. Надо научиться этому искусству, а то еще он переломает себе кости и опять заляжет в опостылевшую постель. Он быстро и легко принялся спускаться по лестнице, сделанной из темного камня, со светлой тройной линией. Лестницы в пирамиде были вытесаны из светлого камня...

Интересно, отчего парасаттву спрятали внизу пирамиды, а не наверху, там, откуда выбежали крикливые жрецы? И откуда вообще у дикарей симбионт?

Едва задавшись этими вопросами, Дан сам нашел ответы. Все просто: верхний портал сделан для отвлечения внимания потенциального врага. Скорее всего, там полно ловушек, капканов, ям со змеями, разного рода пыточных орудий. А парасаттва дикарям досталась в наследство от бывшей погибшей цивилизации. Наверное, это была биотехническая цивилизация — или магическая... И дикари, зная о целительных свойствах парасаттв, хранили их дороже зеницы ока.

В тренажерном зале куковал в одиночестве один Киран, сидел на валуне, торчащем из песка, ковырял пальцем в зубах. При виде Дана встал, улыбнувшись, легонько поклонился, соединив ладони вместе. Дан ответил ему тем же. Видно, за руку здороваться здесь не было в обычае. Да и ладно, нечего микробов передавать.

Не успели они заговорить, как откуда-то сверху спрыгнул воздушно-легкий Ракеш, а через дверь прошла Ирис.

Киран оглядел Дана с ног до головы и сказал:

— Тебе надо больше тренироваться и есть.

Ракеш отмахнулся:

— Не переживай! Шен выдавит из него все соки на тренировках! Помнишь, как мы были новичками?

— Фу, не напоминай мне!

Дан слушал их, а в горле от умиления стоял ком. До чего же они все хорошие ребята! Как же повезло ему, Дану, что он попал к ним, а не остался на той забытой Земле!

— Парни, — начал он дрогнувшим голосом. Глянув на Ирис, удивленно поднявшую на него глаза, поправился: — Друзья! Я так вам всем благодарен!

Надо же, подумал он, а ведь он ни разу даже не задумался о том, чтобы просто поблагодарить их. Не считал свое спасение большим одолжением, потому что не считал себя на что-то годным. Сам он, правда, за жизнь цеплялся ого-го как, но это было от переизбытка злости и бешеного упрямства. Но в целом сохранение жизни оказалось для него не так важно, как возвращение всех способностей... Не только всех, но и больше — ведь он владеет Потокom. А способности ему нужны для спасения Камень-града...

И мести.

В нем не было желания развивать эту идею. Радость переполняла его, и он прилагал чудовищные усилия, чтобы не броситься их всех обнимать. Неизвестно еще, как они на это отреагируют; тут ведь сословные различия и прочая хрень.

— Да ладно, — отмахнулся Ракеш. Но по нему было заметно, что искренность Дана ему пришлась по душе.

Киран обошелся легким кивком и улыбкой. А Ирис, которая, похоже, не могла допустить, чтобы Дан просто так радовался, сказала:

— Эта миссия нас всех укрепила. Хотя мы ее, по сути провалили. Слишком много шума наделали. — Она помолчала, и Дан не нашелся, что ответить: она явно подразумевала в первую очередь убийства. — Ну да ладно, не мне решать, что со всем этим делать... В тренировочных поединках мы тебе спуска не дадим, Данис, так и знай. А еще знай, что больше всего тебе достанется от Шен Дамона. Вот, кстати, и он.

Проследив за ее взглядом, Дан обернулся и с некоторым содроганием обнаружил, что Шен Дамон со скучающим видом сидит на валуне довольно далеко от входа. Как он туда прокрался мимо них? И ведь не спрыгнул сверху, как Ракеш, — они бы заметили!

— Наконец-то вы на меня обратили внимание, — пробурчал Шен. — Начинаем тренировку.

Новые “коллеги” Дана не соврали — новичкам в Академии приходилось несладко. Шен Дамон обучал в несколько странной манере: ничего заранее не объяснял, а обрушивался на ученика с атаками разной степени интенсивности, а тот сопротивлялся как мог. После этого иногда Шен снисходил до очень кратких комментариев и разборов.

Во время первой схватки Дан воткнулся мордой в песок спустя секунду. Обозлившись, вскочил и недобро ухмыльнулся: хочешь драться в полную силу? Ладно! Он сдернул с себя рубашку, наполнил ее Поток и обрушил это новое оружие на Шен Дамона.

Шен вроде бы не проявлял никаких магических способностей — не летал, не становился гранитным, не бил током и не оглушал неслышной вибрацией. Он и двигался как-то лениво, как только что проснувшийся медведь, но на самом деле каждое его движение было филигранным, экономным, и Дан попросту не мог попасть в него ни кулаком, ни затвердевшей до алмазной крепости рубашкой.

Наконец Дамон, сделав элегантный пируэт, что в случае его корпулентной фигуры смотрелось довольно комично, перехватил запястье бьющей руки Дана и в очередной раз бросил его в песок.

Падение вышло болезненным и обидным. Тем более что рубашка вылетела из пальцев и оказалась у Шен Дамона.

Тот закинул ее на плечо и фыркнул:

— Снимай штаны! Тебе ведь нужно оружие?

За поединком с огромным вниманием следили Киран, Ракеш и Ирис. Никто из них даже не улыбнулся, все они сочувствовали новичку, припоминая, должно быть, собственные мытарства в начале обучения.

Так, подумал Дан, поднимаясь. Спокойно. Я и не такое пережил, справлюсь и с забиякой Дамоном.

Он считает, что я постесняюсь снять штаны? А если сделать вот так?..

И Дан без колебаний снял штаны и наполнил их Поток. Свернутые в подобие веревки, они были даже длиннее рубашки.

На нем оставались одни просторные трусы, и в них он выглядел сущим “красавцем” — тощим, с тонюсенькими ножками, с черной многоножкой на спине, с торчащими ребрами, хоть перед студентами-медиками выступай в качестве анатомического экспоната.

Но Дану было глубоко начихать на то, как он выглядит и насколько сейчас хорош. Он и раньше не слишком-то парился по поводу собственной красоты, а ныне и подавно. Он страстно желал научиться как можно большему количеству магических техник, а для этого в полсилы тренироваться нет смысла. Надо отдаваться тренировкам полностью. И, соответственно, надо сразить Шен Дамона, пусть Дан и рискует при этом испытать много боли. Не привыкать...

— О! — протянул Шен Дамон. — Надо же! Ну, давай...

Схлестнулись по третьему разу. На сей раз Дан выдержал аж три секунды и чуть было не попал по плечу Шен Дамона.

Тот его рубашкой не пользовался, так и придержививал на плече и дрался одной рукой. Дану от этого легче, правда, не становилось. Шен Дамон попросту поймал наполненные

Потоком штаны рукой, и те сразу “сдулись”, потеряв всю энергию.

Как он это сделал?

Дан не представлял. Он не чувствовал в Дамоне никакой магической силы, но учитель ею явно обладал. Также непонятно, какие именно техники в его распоряжении; пока что Дан не видел ни одной.

Когда-то Дамон обезоружил оскорбленного доктора. Видимо, использовал ту же незримую технику...

Дамон выдернул штаны у Дана и повесил на другое плечо. Картина, если смотреть со стороны, была занятная: бородатый мужик с чужими штотками на мощных плечах и почти голый дрищ перед ним.

— Опять без оружия! — обрадовался Дамон. — Снимай трусы!

Дан без колебаний сдернул трусы и одним легким движением свернул их в трубку. Она затвердела, наполненная потоком.

— О, нет, — донеслось сбоку. Ирис закрыла ладонями глаза, да еще и отвернулась. Впрочем, не исключено, что отвернулась она для того, чтобы подглядывать сбоку. Ракеш разинул рот, Киран не знал, смеяться или сохранять серьезную мину.

— Это более короткое оружие, — отметил Шен Дамон. — Ты не победил меня длинным оружием в этом просторном месте, не победишь и коротким.

Дан об этом догадывался и без Дамона. Но просто не мог остановиться. Не в его этической манере.

— Знаю, — буркнул он. И кинул свернутые трусы в Дамона.

Тот, разумеется, уклонился, развернув корпус, но Дан мигом сдернул с правой ноги сандалию и, накачав ее Потоком до предела, швырнул в противника.

Сандалия пролетела как пушечное ядро, весящее с центнер, и врезалась Дамону, отвлекшемуся на трусы, в грудь.

Удар оторвал бы обычному человеку всю верхнюю часть туловища напрочь, так что нижняя оставалась бы стоять еще некоторое время, фонтанируя кровью, но Дамон не был обычным человеком. Тем не менее от удара он прокатился на пятках по песку назад, оставив две глубокие борозды, и выпучил и без того выпуклые глаза.

Дан тут же снял сандалию с левой ноги и замахнулся.

Ирис, забыв о девичьей стыдливости, пялилась на них всюду, но интересовали ее явно не молодецкие стати Дана, а неслыханный факт: Дамон получил удар от новичка! Киран и Ракеш тоже были поражены.

— Ого! Неплохо! — оценил Дамон, встряхнувшись, как мокрый пес.

— Сейчас будет еще лучше, — пообещал Дан тихо, под нос.

Он метнул вторую сандалию с такой силой, что она снесла бы бетонную стену.

Дамон увернулся, и сандалия врезалась в каменную плиту, в которой уже красовалось немало шрамов. Оглушительно хлопнуло, плита содрогнулась, по ней пробежало несколько трещин, а сандалия застряла в углублении.

— В целом неплохо, — сказал Дамон. — Вот только ты слишком много выдаешь Потока. В бою с настоящим врагом это тебя истощит раньше времени. Надо бить слабей, не точней, понимаешь? И еще. У тебя кончилась одежда и обувь. Что будешь делать?

Дан огляделся. Рядом лежал камень размером с кулак. Он сделал к нему шаг, но Дамон покачал головой.

— Нет-нет! Я успею тебя вырубить. Собственно, ты уже проиграл. И знаешь, почему?

Он вразвалку приблизился, кинул штаны и рубаху Дану. И продолжил:

— Потому что ты зависишь от оружия. Настоящий воин — тот, кто не зависит от однообразных фокусов с игрушками, ясно?

И поглядел в сторону Кирана, Ракеша и Ирис.

Те смущенно опустили головы.

— Настоящий воин — это не тот слюнтяй и бездельник, который умеет драться только, допустим, палкой или мечом! Ты, Дан Данис, используешь много разных вещей, и это хорошо. И все же ты зависишь от этих вещей.

— И чем драться-то? — мрачно поинтересовался Дан. — Кулаками?

— Человеческое тело — это тоже оружие, — сказал Дамон. Он напустил на себя напыщенный вид ментора. — Но и от него нельзя полностью зависеть!

— Я не понял, — сказал Дан, не спеша надевая штаны и рубашку.

— Ничего странного, вот эти балбесы до сих пор не поняли, — утешил Дамон, кивнув в сторону зрителей. — Когда поймешь, станешь настоящим воином, а не мелким уличным драчуном с велосипедной цепью в кармане...

В тот день Дан больше ни с кем не сражался, Дамон переключился на других учеников. Но на другой день муштра возобновилась.

Дан к этому подготовился — набрал в карманы и ладони камешков размером с крупную фасоль и, когда Шен попер на него, обстрелял его как из пулемета.

Дамон не уклонялся — он попросту поймал все выпущенные со страшной силой камушки ладонями. Энергия Потока мгновенно рассеивалась вблизи от Дамона. Затем главный Эмиссар очутился рядом и щелкнул Дана по лбу.

— Опять оружие? — хмыкнул он. — Никак не поймешь моего урока?

Дан набросился на него с кулаками, но тотчас рухнул на песок от подсечки.

— Голыми руками его не одолеть, — сказал Киран, когда занятие закончилось и Дамон испарился. Молодые Эмиссары, изрядно потрепанные и вспотевшие, сидели на валунах посреди тренировочного зала.

— И с оружием тоже, — кисло добавил Ракеш.

— А вы-то поняли, чего он от нас требует? — сварливо спросил Дан.

— У нас была идея, — сказала Ирис. Она постукивала по лодыжке укороченным мечом. — Драться без оружия — это коан, загадка без ответа. Причем Дамон даже наши кулаки называет оружием. Получается, что надо отказаться от наших тел в сражении... Эту загадку не разгадать с помощью логики.

Ракеш сказал:

— Зато мы прокачиваемся во владении определенными техниками. Ты, Дан, тоже вот овладел техникой Потока. Хорошая, между прочим, техника. Мне нравится, как ты швыряешься любимыми вещами.

— Надо брать пример с самого Дамона, — сказал Киран. — Он не использует никакого оружия...

— Но ведь руки-ноги использует! — перебил Ракеш.

— Ну да...

— А вы видели его в деле? — спросил Дан. — В миссии? Как он дерется с настоящим врагом?

Эмиссары переглянулись.

— Нет, не видели. — Киран пожал литыми плечами. — Он только дает нам задания, но

сам с нами не ходит.

— Хитрый, — добавил Ракеш.

В последующие дни Дан сделал вывод, что, несмотря на неуважительные на первый взгляд замечания в адрес учителя, Эмиссары Дамона очень уважают. Просто не совсем его понимают — махасиддх как-никак. Махасиддхи даже в Антарапуре встречаются нечасто. Обычный человек сочтет, что перед ним безумец, но позже всегда выясняется, что любое слово и действие махасиддха преисполнено мудрости.

Дан, видимо, оставался обычным человеком, и мудрость махасиддха ему была недоступна ни в каком виде. У него сложилось собственное мнение о Дамоне. Это очень сильный маг, который слегка одурел от своей силы, вот и дурачится. Сам-то Дамон наверняка мнит, что делает все как надо — в соответствии со своим излюбленным естественным законом, но по факту особой помощи от него не дождешься. Дан решил про себя, что будет прилежно учиться, не пикируясь с Дамоном, а дальше видно будет. С накопленными знаниями и друзьями он рано или поздно вернется в Камень-град и исправит ущерб...

Как-то Киран принес Дану две причудливые конструкции, абсолютно одинаковые. Дан мысленно назвал их манипуляторами. Крепились они на предплечья специальными мягкими захватами из вещества, похожего на силикон. В сложенном состоянии манипуляторы были незаметны в широких рукавах, а в развернутом представляли собой суставчатые металлические щупы, которые изгибались во все стороны в четырех местах. Таким образом, боевая часть манипуляторов состояла из пяти металлических сегментов в виде чуть вогнутых лезвий. Наполняя их Поток, Дан как бы владел сразу двумя мечами длиной метра в два, причем мечи эти могли изгибаться и принимать разную форму.

— Сделал их когда-то себе, — признался Киран. — Когда подбирал оружие. Меня тогда Дамон тоже донимал... А потом решил, что лучшее оружие — вибрационный удар, он всегда со мной. Получается, я хоть немного, да освободился от необходимости таскать с собой оружие...

Дан горячо поблагодарил Кирана за щедрость. Манипуляторы ему понравились, и он сразу начал тренироваться с ними.

Примерно через неделю регулярных тренировок и пятиразового питания Дан обнаружил в зеркале, что болезненная худоба исчезла без следа. Дан перестал походить на жертву концентрационных лагерей. До мускулистости Ракеша, Кирана и Ирис было далеко, но прогресс был налицо.

Налились силой и мускулы ног, а это свидетельствовало о том, что нижние конечности все-таки двигаются за счет мышц, а не Потока от парасаттвы.

В программе Дамона (если такая программа у него вообще имелась) не предусматривались фитнес-тренировки именно с целью нарастить мышечную массу. Зато с избытком хватало силовых упражнений: таскания камней, отжимания стоя на руках, подтягиваний и прочих комплексов с собственным весом, и все это прорабатывалось во взрывном темпе. Эти упражнения требовались для увеличения именно физической силы, а не внешней красоты. Кардиоупражнений тоже хватало — взять хотя бы долгие спарринги и формальные приемы с оружием.

В принципе, никакого фитнеса и не требовалось. После всех этих тренировок мускулы нарастут сами, никуда не денутся.

В ходе практических занятий Дан узнавал и много теоретических знаний. Правда,

подавались они Дамоном и коллегами без какого-либо порядка, но постепенно у Дана сама собой сложилась более-менее стройная картина.

Итак. Магические силы делились на сиддхи и индрии, то есть сверхвозможности самого мага и экстрасенсорная сфера восприятия тонких энергий. Развивались эти две стороны магических умений параллельно и одновременно. Тренируешь Поток — чутье развивается само по себе. Поэтому в Академии такой упор делался на боевых способностях, ведь все остальное приложится в качестве бонуса.

Сиддхи проявляются в основном в виде Потока, который принимает форму разных элементов: земли, воды, огня, воздуха, звука и света.

Развитые должным образом индрии позволяли на большом расстоянии улавливать присутствие других людей, особенно наделенных магической силой, парасаттв (именно так вычислил местонахождение парасаттвы Ракеш), животных, неорганических и неживых субстанций, в которых циркулирует энергия (например, водные потоки, ветра и вулканы).

Таким образом с помощью индрий Эмиссары легко ориентировались на новых Землях, находили нужные географические точки, людей, животных и так далее.

Дану припомнилось, как чужак в маске требовал показать ему военную базу. Отчего он не мог найти ее сам? У него не было нужных индрий, что ли? Тогда выходит, что он ими не обладает в нужной степени или же индрии не помогают отличить военную базу от какого-нибудь другого объекта. Или же чужак просто решил подстраховаться, использовав местных — то есть Дана и Макса — вместо того, чтобы перемещаться с помощью магического нюха.

Порядком поломав голову, Дан отложил решение этого вопроса на будущее, когда наберет нужное количество информации, и сосредоточился на изучении магической теории.

В Антарапуре широко использовались технологии, основанные на применении Потока. Обычный человек — тот же Служитель — не в силах воспользоваться такой технологией по назначению. В распоряжении Эмиссаров были самые разные гаджеты (если можно их так назвать); взять хотя бы складной меч Ирис или манипуляторы Дана.

Занятия иногда продолжались после обеда, а иногда Дамон отпускал воспитанников раньше, четкого графика не было. В свободное время Дан гулял по обширному и пустынному парку Академии, никогда не отклоняясь от трехлинейного тракта. Это раньше он показывал характер — когда нечего было особо терять. Теперь выделяться — себе дороже.

Эмиссары среднего и старшего звена ходили где им вздумается. С ними Дан и его коллеги сталкивались на удивление редко. Создавалось впечатление, что старшие Эмиссары невидимы и применяют специальную магию, скрывающую их от салаг.

Дана все это устраивало. Он не сомневался: придет время, и он узнает все. Сам станет Эмиссаром старшего звена.

Несмотря на веру в то, что Камень-град со всеми обитателями будет рано или поздно спасен, Дан понимал, что в любом случае его место здесь, в Антарапуре. В Камень-граде он станет чужаком, с его-то сиддхами и индриями.

И памятью об иных мирах...

В город, кстати, он до сих не прогулялся. Это не было прямо запрещено, но и не поощрялось. Тройные линии обрывались у ограды вокруг Академии. Стоя у ворот между густыми тропическими великанами, Дан частенько наблюдал за людьми, спешащими по своим делам, но запретной линии не переступал.

Горожане ничем особенным не отличались. Светлокожие и беловолосые встречались с той же частотой, как и темнокожие и с волосами цвета дегтя. Цвет одежд — неизменно

легких и просторных — варьировал, но часть одежды всегда сигнализировала о принадлежности к тому или иному сословию.

Народ ездил на конных повозках, на телегах, запряженных круторогими волами, на паланкинах белого цвета (понятно, кто там сидел) и автоматических повозках, похожих на старинные кареты, движущихся бесшумно, как электромобили.

В целом с транспортом дела в Антарапуре обстояли так, что ничего понять было невозможно. Полный бардак. Примитивные телеги уживались с продвинутыми электрокарами — иногда довольно футуристических форм.

А еще здесь летали на виманах — крылатых лодках. Именно крылатых и именно лодках. Дан сам часто видел, как они планируют в голубой вышине. Вблизи поглазеть пока не удавалось.

Дней через пять Дамон устроил тренировку, призванную научить Эмиссаров мгновенно ориентироваться на местности при переходе через мандалу. Дан, Киран, Ракеш и Ирис надели непроницаемые повязки на глаза, заткнули уши силиконовыми на вид берушами и надели крохотные парасаттвы в виде слизистых шапочек, напроць блокирующих все индрии.

Эти блокирующие шапочки Дана весьма заинтересовали. Он задался вопросом: а сиддхи тоже можно заблокировать? Очевидно, да, но Дамон на эту тему не распространялся.

Он в кои-то веки разговорился и поведал о мандалах — древних магических схемах, объединяющих Бесконечные земли — и о том, что они относятся к классу объектов, которые запоминаются навечно.

— В смысле, один раз увидел — и не надо больше напрягать память? — уточнил Дан.

Ага, подумал он, если постараться, можно вспомнить мандалу, которая унесла чужака и Дана из Камень-града в Зброшенный мир...

— Запоминаются не конкретные мандалы, — остудил его Дамон, — а мандалы вообще, как явление. Память о них будет жить вечно, во всех следующих жизнях.

— И будут сниться во снах?

— Иногда.

Дан потер нос — по нему минуту назад пришелся скользящий удар Дамона. Шапочка-парасаттва, беруши и повязка лежала на блюде на тележке, которую прикатил Служитель.

— Ты ее видел, — сказал Дамон. — Значит, встречался в прошлых жизнях.

— Шен, почему ты не объяснил этого раньше?

— Ты бы не воспринял эту информацию как следует. Ты был не готов.

Дамон ослабилась, и у Дана появилось сильнейшее желание вломить ему по роже — далеко не в первый раз.

“Когда-нибудь”, — утешил он себя.

У него неплохо получалось орудовать манипуляторами, но управление элементами давалось из рук вон плохо. Также неважно дела обстояли с индриями: чутье частенько подводило, было капризным, как муза поэта. Порой Дан вообще не ощущал магических потоков энергии вокруг, а временами чутье обострялось до такой степени, что Дан мог бы описать каждого павлина за каменной стеной в парке и даже беготню муравьев под землей.

Он научился согревать себя на морозе — правда, ненадолго — и охлаждаться на жаре, становиться твердым и гибким, но до уровня Ракеша было далековато.

В общем, прогресс имел место и неслабо этак мотивировал. Дан больше не парился по поводу того, поможет ему Дамон с Камень-градом или нет. Он сам себе поможет, справится собственными силами. Придет время — и придет скорее рано, чем поздно, — и Дан сам

переместится по мандале сначала на Зброшенную Землю, а оттуда, попутно настучав по башке всем попавшимся на пути монстрам, в Камень-град. План пока не вырисовывался в деталях, но все же обретал конкретные черты.

И в ближайшее время нужно снова проникнуть в архив мандал. Стоит покопаться там как следует.

Ракеш сказал, что вход Эмиссарам туда не запрещен, но там страшный бардак, миллион свитков на полках от пыльного пола до высоченного потолка, и перебрать все сложнее, чем забороть Шен Дамона.

— Почему всегда все так сложно? — не выдержал Дан.

— Потому что жизнь — страдание, — сразу ответил Ракеш с мягкой улыбкой. — Чтобы преодолеть его, нужно уменьшить собственные ожидания и эго.

За две недели тренировок, хорошего питания (он, кстати, не перестал откладывать про запас в тумбочку) и в целом спокойной жизни в Академии Дан мощно подтянул свои способности управления Поток. Они, впрочем, не вышли за пределы манипулирования вещами; он так и не наострился бить током, как Ирис, издавать вибрационный крик, как Киран, или выдерживать удары копий в обнаженное тело, как Ракеш. То были их собственные фишки. Фишка же Дана — умение наполнять Поток любые предметы, в особенности манипуляторы, которые он теперь носил с собой на каждую тренировку.

А потом наступил день его первой миссии, о которой упоминал Шен Дамон. Эмиссары нижнего звена должны были прогуляться в мир, где победил культ Смарана.

Про культ Смарана Дан успел послушаться от коллег. В то, что где-то существует злой бог по имени Смаран, хоть убей, не верилось, хотя Дан насмотрелся чудес. По идее, если магия существует, то что мешает существованию всего остального необычного и невероятного, вроде богов и демонов?

Но все равно как-то не верилось. Ум — штука упрямая; если воспитан в неверии ко всему чудесному, ничем его не переубедишь. Хорошо, магия есть, скажет ум, но в богов не поверю ни за что!

Земли, где восторжествовал культ Смарана, превращались в нечто настолько отвратительное и противное всему человеческому, что ни Дамон, ни молодые Эмиссары не находили нужных слов для описания. Или просто не желали находить. Как Дан не бился, ничего внятного не услышал.

Наконец спросил:

— А на черта туда отправлять новичков, если эта Земля такая опасная и страшная?

— Как зачем? — удивился Ракеш. — Это ж испытание. Если не справимся с подходом, улучшим генофонд Академии.

Конечно, он выразился иначе, но Дан воспринял слова именно так.

Ракеш не иронизировал — разве что чуть-чуть. Улучшение генофонда путем естественного отбора для Ракеша было делом нормальным и нужным.

Дан, разумеется, не навешивал на Эмиссаров ярлыка хладнокровных сторонников евгенических программ. Ведь в противном случае зачем было спасать и столько носиться с инвалидом с далекой Земли? Видимо, такое отношение бытовало именно в Академии: каждый уважающий себя Эмиссар обязан доказать, что копит небо не зря, что на что-то способен и не просто так выжил в многочисленных миссиях.

— Понятно, — сказал Дан. — Сурово.

— Иначе никак.

Ранним утром в день отбытия на Землю культа Смарана все Эмиссары нижнего звена и Дамон собрались в полутемном зале Академии. Солнце еще не выбралось из-за дальних гор, но уличные фонари уже погасли. Воздух был теплый, пока еще не жаркий — самое время для приятного сна при открытых настежь окнах. Шен Дамон толкнул речь, которая поражала своей лаконичностью:

— Ваше задание — похитить Глаз Смарана, ребятки. И доставить сюда. Удачи.

На этом речь завершилась, а Дан сдержался, чтобы не подпрыгнуть от возбуждения.

Глаз Смарана! Такой же, что в его собственном мире!

Что, если эта миссия как-то связана с их будущей миссией именно в мире Приполярья? Готовил ли их к этому хитрый Шен?

Дамон сложил руки на груди и обвел воспитанников недоверчивым взглядом — мол, справитесь ли? Ракеш в ответ зевнул, хрустнув челюстью; Ирис сонно моргала, она казалась бледнее обычного.

А вот Дану спать совсем не хотелось.

Заговорил Киран:

— Не все из нас владеют сиддхами элемента воздуха, как Ракеш. А Глаз Смарана высоко. Как мы до него доберемся?

“Да, высоко, — мысленно согласился Дан. — Он висит в небе”.

Дамон равнодушно сказал:

— Вам выдадут виман.

— О-о-о! — одновременно выдохнули Ирис, Киран и Ракеш.

Они оживились как дети, которым пообещали крутую игрушку. А у Дана болезненно сжалось в груди, и в животе возникло неприятное зыбкое чувство, стоило представить, как он взлетает в узкой лодчонке с крыльями в бездонное небо, и земля проваливается куда-то вниз... Высоты он боялся до потери пульса. Лучше жить в пустыне с ночными монстрами.

Но он, естественно, промолчал. И с замирающим сердцем пошел следом за Дамоном, который молча зашагал в один из темных порталов, выходящих в центральный атриум.

Коридор, по которому они шли, не был снабжен тройной линией, так что Дан здесь не хаживал. Дамон прошел несколько шагов, повернул направо, поднялся по небольшой лесенке. Его грузная фигура маячила впереди, как призрак; впечатление усугублялось тем, что Шен не издавал никаких звуков, перемещаясь абсолютно беззвучно. На них вдруг упал свет сверху через узкое пространство между двумя зданиями. Они соединялись крохотным мостиком над тихо шелестящей водой канала. Преодолев мост, Эмиссары снова нырнули в плохо освещенный коридор, сделали несколько поворотов и поднялись по витой лестнице на крышу.

Крыша эта была плоская и круглая, если смотреть сверху. Из окон комнаты Дана ее было не разглядеть, да и находилась она выше третьего этажа. Дан с любопытством озирался.

Отсюда открывался вид на все четыре стороны. На севере вздымались мглистые горы, верхние склоны которых золотились в утренних лучах, на юге в утренней дымке загадочно темнел залив с рассыпанными по нему лодками и яхтами. На западе и востоке простирались разнообразные здания, а дальше их поглощали древние джунгли.

На крыше из розоватого камня тускло поблескивал ряд бронзовых на вид конструкций в виде громадных яиц, испещренных письменами. На лодки с крыльями они не были похожи при всем напряжении воображения.

Дамон приложил ладонь к одному яйцу. Тотчас с лязгом оно расколосось на части, распустилось как бутон диковинного цветка; “лепестки” с негромким жужжанием скользили друг по другу, и Дану вспомнился складной меч Ирис. Та же технология. Когда трансформация завершилась, перед Эмиссарами стояла длинная, метра три от носа до кормы бронзовая лодка с пятью низкими сиденьями внутри. Крылья, тоже состоящие из тонких многоугольных пластин, были сложены, и по ним сбоку можно было забраться внутрь.

Несмотря на страх перед предстоящим полетом, Дан был восхищен. Удобная

конструкция — не нужно париться с тем, чтобы спрятать виман на время. Яйцо можно забросать ветками в лесу, зарыть в песок, утопить недалеко от берега на крайний случай — вряд ли этот механизм боится воды.

Киран, Ракеш и Ирис явно не боялись высоты, все прямо-таки лучились от восторга и предвкушения, без понукания запрыгнули внутрь лодки. Дан чуть-чуть поколебался и забрался вслед за остальными, сел ближе к корме. За ним было что-то, что могло быть двигателем: цилиндр, прикрепленный к основной части лодки тонким перешейком — вероятно, подвижным сочленением.

— Я за рулем! — завопил Ракеш.

— Хрен тебе, я за рулем, — отозвался Киран.

Конечно, он использовал другое слово, не “хрен”, но суть оставалась той же. Словечко было не совсем чтобы обценным, жаргонным, в чересчур приличном обществе не применялось, но среди своих — вполне себе.

— Хрен вам всем, — засмеялась Ирис, отпихивая Кирана. — Я за рулем, потому что только я проходила курсы летчика.

Опять-таки, прозвучало другое слово — не “летчик”, а, скорее, “управитель небесной ладьи”. На языке Антарапура это звучало гораздо короче, одним сложным стрекочущим словом.

Киран сморщил нос, но перечить не стал — послушно пересел на кресло позади места “управителя небесной ладьи”, рядом с Ракешем. Шен Дамон, не вмешиваясь в дискуссию, с веселым видом наблюдал за ними с крыши.

Дан снял с плеча сумку, которую ему выдали вместе с несколькими комплектами одежды и прочими личными вещами. Сумка была сшита из прочной ткани вроде брезента и имела темно-бордовый цвет. Дан уложил сумку рядом с собой, мысленно прикидывая, не снесет ли ее ветром при полете и за что вообще тут держаться. Киран заметил его манипуляции:

— Что это у тебя?

— Запасы еды.

Его услышал Ракеш, обернулся, закатил глаза.

— О, высшие боги! Зачем тебе еда? Мы вернемся раньше, чем успеем проголодаться!

Дан упрямо спросил:

— А если не вернемся?

С едой — сухими печеньками и бобами — расставаться он не намеревался. Запас карман не тянет — это он уяснил очень четко и навсегда.

— Какое у тебя все-таки негативное мышление, — поразился Ракеш. Впрочем, говорил он шутливо, настроение от предстоящего полета у него было приподнятое. — Это очень простое задание, туда и обратно!

Дан не ответил, незаметно шаря по гладкому пружинистому сидению из похожего на силикон вещества в поисках скоб и не находя их. Страх накатила душной волной, и в голове металась трусливые мысли отказаться напрочь от миссии — пусть хоть убивают.

Но Ирис, сидевшая перед рулем с восемью спицами из темного металла, не дала времени на рефлексии, нажала на золотистый рычаг, лодка содрогнулась, и крыша с улыбающимся во весь рот Дамоном неожиданно ушла вниз.

“Мы летим!” — догадался Дан со смешанным чувством восторга и паники.

Воздух хлестнул в лицо, но тут же над пассажирами вимана сомкнулся прозрачный

силовой барьер, который отсек ветер. Барьер слегка опалесцировал, по нему проскальзывали радужные всполохи — слишком тусклые и краткие, чтобы мешать обзору. Набравшись смелости, Дан коснулся его пальцем — палец встретил упругое сопротивление. Странное ощущение: сопротивление есть, но чувства температуры и текстуры нет напрочь.

Дамон внизу помахал рукой на прощание.

С серебристым звоном расправились огромные пластинчатые подвижные крылья, в них сверкнуло отражение восходящего солнца. Виман рванул вперед и вверх, крыша мгновенно пропала из виду, Дана вдавило в низкую спинку.

Киран и Ракеш заорали, заулюлюкали, засвистели как детишки малые.

За считанные секунды виман взмыл над Антарapurом, здания, парки, водопады — все это стало крохотным, игрушечным, несерьезным. Казалось бы, протяни руку и смахни все это нагромождение в мелкий залив, больше похожий на лужу.

Некоторое время Дан, напряженный с головы до ног, покрытый холодным потом, смотрел прямо перед собой в голубое небо, потом виман выровнялся, и впереди распростерся живописнейший ландшафт, в котором было все: и море, и город, и горы с реками, и бесконечный лес.

Чтобы хоть как-то отвлечься от дурацкой мысли, что они вот-вот рухнут камнем вниз и разобьются в кровавую кашу, Дан сдавленным, не своим голосом спросил:

— А... мандала?

Его поначалу не услышали, потом не разобрали, что он там бормочет. Дан откашлялся и повторил вопрос.

Ирис нажала на широкую трапециевидную пластину сбоку от руля, над ней засветилась голограмма в виде мандалы.

— Впустите ее в свое сердце-ум! — прокричала она.

Шума от двигателя не было совсем, но ветер в крыльях и вокруг корпуса свистел нешуточно.

Сосредоточиться на мандале и впустить ее в сердце-ум, когда у тебя поджилки трясутся от страха высоты, не так-то просто. Дан стиснул зубы — и мандала накрыла его, поглотила полностью. Накатила неприятная невесомость, будто он уже летел вниз со скоростью свободного падения, и вот его снова вдавило в податливое сиденье вимана.

Антарapur внизу растворился без следа, вместо него расстилалась туманная серая равнина с блестящим зигзагом реки. Вдали, почти на горизонте, вырисовывался город из прямоугольных однообразных зданий. Сверху нависала сплошная пелена свинцовых туч.

Они уже на другой Земле, дошло до Дана. Они переместились по мандале прямо в полете!

Здесь шел дождь, капли сталкивались с силовым барьером над лодкой, и ветром их тут же сносило к корме. Видимость немного ухудшилась, но не критично.

Ирис снизилась и повела виман на высоте птичьего полета вдоль реки. По ее утопавшим в туманной дымке берегам тянулся ряд электрических столбов, между ними были протянуты густые пучки проводов. Параллельно столбам вилась дорога. Даже с такого расстояния Дан рассмотрел, что дорога так себе — узкая, неровная, вся в выбоинах.

То ли из-за дождя, то ли по какой-то иной причине этот мир был на редкость бесцветным, всех оттенков серого. Даже редкая трава на равнине имела грязно-сероватый оттенок.

— Какое уродливое место! — высказалась Ирис. — Как здесь можно жить?

Дана это замечание задело, ведь Камень-град в частности и Приполярье в целом также не отличаются буйством красок. Он повел плечами и громко, забыв о страхах, заявил:

— Ты удивишься, но жить можно в очень разных местах!

Ирис оставила реплику без внимания. А Киран спросил:

— Что это за место вообще? Что известно, кроме победы культа Смарана?

“Очнулся, — недовольно подумал Дан. — Что за система тут у них? Сначала несутся сломя голову невесть куда, а потом задаются вопросами! Я сначала думал, что поход за парасаттвой — авантюра Ракеша, который, похоже, вообще не любит много думать, но Дамон такой же... А может быть, это испытание? Что, если нас специально отправили в новый мир без подробных инструкций, потому что Эмиссар нижнего звена должен закаляться в бою? Тогда выходит, что миссия не особо опасна... Или нет?”

Ирис понажимала на широкие кнопки разных геометрических форм: квадратные, треугольные, трапециевидные. Там, где светилась мандала, проявилась другая голограмма, в виде объемных бегущих строк.

— Земля Нижнего Круга, — сообщила она. — Жители почти не обладают сиддхами и индриями. Технологическая цивилизация уровня до цифровой революции. Полностью захвачена и изменена культом Смарана. Смотрите внимательней — Глаз Смарана должен висеть над городом!

Они стремительно приближались к городу, такому же черно-серому, как и все остальное. Здания не были ярко раскрашены, как в Камень-граде, никто здесь, видимо, не переживал о психике жителей, вынужденных жить в туманной хмари.

Дан напряг зрение — как и остальные. Но ничего похожего на Глаз Смарана не углядел. Тучи висели низко над городом, и к тому же еще далеко, мало что видно.

— Долетим прямо до него, заберем и вернемся, — предложил Ракеш и зевнул. Ему уже было скучно, ничего интересного в миссии он не находил.

Ирис сбавила скорость, до города оставалось еще с полдесятка километров. Наверное, она не хотела привлекать лишнего внимания свистом ветра в крыльях вимана.

Дан неожиданно для себя заговорил — видимо, сказалось напряжение:

— Слушайте, Земля — это планета и она вращается вокруг Солнца! А Солнце вращается вокруг центра Галактики! И Галактика несется черт-те куда! Как мы попадаем в ту же точку на другой планете в другом измерении? Почему не выпадаем в космос?

Ирис не удивилась вопросу. Она была сосредоточена, деловита и профессиональна. Не забывала, одним словом, о том, что она единственная, кто прошел курсы летчиков.

— Все измерения сцеплены вместе. И все Земли тоже движутся вместе.

— Но ведь они не похожи? — допытывался Дан. — В том мире, откуда вы меня спасли, две луны!

— Две луны — ерунда! Есть плоские Земли и Земли в форме додекаэдра или иных сложных геометрических форм. Все Земли имеют больше измерений, чем три пространственных, и соединены друг с другом Формулой Бытия, изображением которой является мандала. Понятно?

— Нет.

Ирис хмыкнула и промолчала.

Ракеш сказал:

— Не переживай, Дан! Нам тоже не понятно. Но это не мешает нам передвигаться по Землям. Главное, чтоб вещь работала! А как она устроена — кому это важно?

— Как работает вимана, вы тоже не знаете?

Ракеш, сидевший полуобернувшись назад, открыл было рот, но Ирис перебила:

— Держатели Тайн высших посвящений знают все. Нам же известно, что виманы перемещаются за счет Потока, проявленного в виде элементов воздуха и земли.

Дан пробормотал:

— Гравитация и антигравитация...

— Что? — спросила Ирис.

Вдруг лодку сотряс мощный удар, Дана бросило к правому борту, и щекой он прижался на миг к эластичному силовому барьеру. Краем глаза он углядел вспышку ослепительного света по левому борту и синеватое пламя, которое рвал, но не мог погасить бешеный встречный ветер.

“Нас подбили из оружия!” — осенило Дана.

В школе он видел старые документальные фильмы о Последней войне со сценами, где самолеты и дроны сбивались с земли или другого летательного аппарата плазменными орудиями. Самолеты падали вниз, за ними тянулся черный дым, сталкивались с землей, на месте падения вздымалось грибовидное дымное облако. От летчиков и пассажиров обычно мокрого места не оставалось.

“Подбили, и мы падаем! Неужели я накаркал своими страхами? Не может такого быть!”

Но такое было, причем прямо сию минуту.

Оглушительный треск — и на глазах перепуганного Дана левый борт треснул, и в расширяющуюся щель ворвался ревущий ветер. Сразу похолодало, легкие наполнились воздухом — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Дан не понял, как вимана развалилась надвое. Вот он хватается за сиденье, а вот все плотное и материальное вокруг разлетелось и пропало, и сам он летит, вцепившись в сумку, посреди серой пустоты.

Он хотел крикнуть, но крик застрял в горле. Легкие лопались от переполнявшего их воздуха. Темное блюдо равнины скользнуло вниз, затем почему-то оказалось наверху. Дан перекувыркнулся несколько раз, мысли остановились напрочь, не было ни страха, ни прочих эмоций.

Сбоку он увидел чью-то фигуру — Киран летел, распластавшись как на невидимом матрасе. Дальше летела Ирис в белых одеждах.

А где Ракеш?

Проклятие, а какая разница?

Сейчас они все умрут.

По лицу Дана хлестали струи дождя — они как бы лились отовсюду сразу. Он зажмурился, открыл глаза, увидел черные бесформенные куски на фоне серого неба, снова закрыл, открыл — на границе поля зрения проскользнуло что-то багрово-красное, и тут же его схватили твердые пальцы.

Сильно дернуло, и падение Дана замедлилось. Он с трудом повернул голову и увидел мокрое улыбающееся лицо Ракеша, облепленное черными волосами.

— Не спеши! — проорал он сквозь свист ветра.

Снова дернуло, и рядом оказался Киран с Ирис — Дан различил синие и белые одежды, а обзор ему закрыли длинные, неестественно светлые волосы. Всех троих Ракеш каким-то образом тянул вверх, замедляя падение. На что он опирается? На магию элемента воздуха?

Темная равнина была совсем близко, в какой-то миг Дан ясно различил покосившийся бетонный столб с перепутанной проводкой, высохшие камыши рядом и мутную поверхность озера.

— Не туда! — крикнула Ирис, и крик ее унес порыв ветра.

Дан не успел задаться вопросом, куда “не туда”? По нему ударило упругое, холодное, мокрое, дыхание перехватило, и он оказался под водой. Автоматически заработав руками и ногами, он поплыл вверх — так, по крайней мере, ему представлялось.

Во время краткого, но жаркого лета Приполярья он вместе с приятелями купался в соленых озерах, а иногда и нырял в ледяные даже летом воды северного океана. Плавать он умел — правда, не слишком хорошо. Сейчас это какое-никакое умение пригодилось.

Когда голова вырвалась из плена воды, он жадно хватанул сырого воздуха губами, заморгал, пытаясь избавиться от водяной пленки на веках. Сверху по-прежнему лился дождь.

Проморгавшись, он заметил рядом черную полосу берега и поплыл к нему. Вскоре углядел и спутников — они плыли в том же направлении.

Кое-как добравшись до стены камышей, Дан нащупал ногами твердое дно, выпрямился и, отплеываясь — вода скверно пахла мазутом, — начал продираться сквозь камыши. Сумка с запасами еды болталась на плече, он ее ухитрился не выронить ни в воздухе, ни в воде. Ступни в кожаных сандалиях проваливались в черный ил, и требовалось прикладывать усилия, чтобы выдирать их оттуда.

Вчетвером они остановились на маленьком свободном пятнышке относительно плотной каменистой почвы в окружении высоких камышей. Со стороны дороги их не было видно. Дан зябко поежился — было прохладно и промозгло, особенно после незапланированного купания.

Ракеш пальцами убрал с лица черную глину и улыбнулся, сверкнули белоснежные зубы на чумазой физиономии. Наверное, его настроение не в силах было испортить ничто, даже опасность смерти.

— Теперь у нас всех одежда одинакового цвета, — сообщил он.

Он был прав. Все их шмотки приобрели одинаковый грязно-серый оттенок. Ирис поджала губы, Киран же спросил:

— Что будем делать?

Во всей видимости, среди Эмиссаров не было принято благодарить друг друга за

спасение от неминуемой смерти. Оно, вероятно, входило в должностные обязанности.

Ракеш ответил:

— За разрушение вимана Дамон по головке не погладит...

Дан твердо сказал:

— Пусть скажет спасибо, что мы выжили. Кстати, благодарю тебя, Ракеш, за то, что не дал нам всем превратиться в кровавые лепешки. И если выполним миссию — Дамон погладит по головке, никуда не денется. Пойдем пешком.

За камышами, в стороне дороги послышался шум подъезжающей машины: грузовика, судя по грохоту и лязгу кузова, натужному реву движка и по тому, о чем докладывало магическое чутье.

— Или поедем! — хитро прищурился Ракеш.

Не медля, они выбрались из камышей, прошли по неровной каменистой почве и ступили на разбитую асфальтовую дорогу.

По направлению к городу действительно ехал грузовик — старый, ржавый, выдавший виды. За залитым дождем лобовым стеклом смутно темнел силуэт водителя. Один человек в кабине.

Ирис побежала навстречу грузовику, взмахнула руками, с пальцев сорвались яркие молнии, раздался электрический треск и шипение.

Молнии разветвленными щупальцами на миг окутали железную кабину. Грузовик резко затормозил, клюнув передней частью.

Ракеш и Киран поспешили к кабине, чтобы, вероятно, вежливо попросить водителя подбросить до города. Киран распахнул дверцу и издал вибрационный крик, затем с помощью Ракеша вытянул оттуда бесчувственного водителя.

У Дана язык бы не повернулся назвать это существо человеком. Внешне гуманоид, закутан в серый кожаный плащ, но кожа с зеленоватым отливом, блестящая, чешуйчатая. На плоском лице нет носа, только две ноздри, широкий безгубый рот со множеством мелких зубов, вытаращенные фасеточные глаза без век, над ними жесткие усики в полметра длиной. Голова абсолютно лысая, с более крупными и темными пластинами-чешуями и еле заметным гребешком. На руках четыре пальца, один противостоящий, последние фаланги окостеневшие, превратившиеся в затупленные когти.

Дан уставился на него, затем присмотрелся к усикам. Они напоминали антенны Базиля. С кем связывается этот человек-муравей?

Эмиссары не тратили времени попусту на разглядывание туземца, в темпе погрузились в кабину. Пришлось потесниться: кабина предназначалась на троих. За рулем по-хозяйски уселась Ирис, рядом сел Киран, потом Ракеш, в конце — у окна — Дан.

Ирис понадобилось полминуты, чтобы разобраться с управлением. Она завела двигатель и плавно тронулась.

“Как мы вернемся обратно? — задавался вопросами Дан. — Вимана разбита, а с ней и прибор с мандалой...”

Но вслух он вопросов не задавал. Эмиссары спокойны — значит, все в порядке. Впрочем, есть другой вариант: далеко не все в порядке, а Эмиссары с присущей им безалаберностью совсем не помышляют о возвращении.

Дан покосился на сосредоточенную Ирис, управляющую громоздким механизмом. Ее слипшиеся белые волосы падали на спину, лицо покрывали капли воды. С них всех на сиденья, покрытые жесткой тканью, натекло воды, в мокрой одежде было ужасно

неприятно. В кабине пахло сыростью и еще чем-то странным, химическим — этот запах остался после чешуйчатого водителя.

“А что, если Эмиссары вовсе не безалаберные? — подумал Дан. — Что, если они научились чувствовать и понимать тот самый естественный закон Дамона? Они вроде бы никогда не планируют, но в целом-то у них все всегда получается как надо!”

И поход за парасаттвой прошел бы без сучка без задоринки, если бы не его, Дана, гнев и несдержанность. Аборигены отделались бы легким испугом и недоумением, а не тяжелыми увечьями и смертью...

Сидя в тесной кабине, Дан пообещал себе больше не проявлять излишней инициативы, внимательно следить за товарищами и делать, как они.

Содрогаясь на ухабах и вибрируя от работы двигателя, грузовик пополз по серой дороге к видневшемуся вдали за пеленой моросящего дождя городу, когда Дан внезапно заметил быстрое движение в мутном зеркале заднего вида. Через секунду в ручку дверцы со стороны Дана снаружи вцепился роговыми пальцами человек-муравей; видимо, он успел очухаться и догнать грузовик.

— Сбейте его кто-нибудь, — выкрикнул Дан, помятуя о вреде инициативы.

— Открой окно! — велел Киран. — Я его собью!

Но Дан замешкался: на двери не было и признака ручки для подъема и спуска стекла окна.

Человек-муравей между тем неистово ломился в кабину, отдирая от дверцы куски металла своими твердыми когтями. Открыть снаружи дверь он почему-то не мог — наверное, Эмиссары случайно нажали на какую-то кнопку блокировки. Его чешуйчатая рожа с бессмысленными фасеточными глазами не выражала никаких эмоций, маяча совсем рядом от Дана по другую сторону окна.

Ирис сильно крутанула руль, стараясь оторвать муравья от машины, и тот действительно едва не улетел в облетевшие кусты на обочине.

В поисках рычага для опускания стекла Дан случайно открыл дверцу полностью. В кабину ворвался сырой воздух и хруст раскрошенного асфальта под широкими колесами. Муравей сразу воспользовался оплошностью и полез внутрь, неистово размахивая усиками на блестящем зеленоватом лбу.

Через колени Дана перегнулся Ракеш и ударил каменным кулаком по этому самому лбу. Послышался звонкий удар, и муравей, разом обмякнув, отвалился; его тело рухнуло на обочину и осталось позади. Дан поспешил захлопнуть дверцу.

— Поспешим, — будничным тоном сказала Ирис. Во время драки они не отвлекалась от своего непосредственного занятия. — Надо добраться до центра города. Возьмем Глаз и уйдем по мандале.

“Какой мандале?” — удивился Дан, но снова промолчал.

— И пора уже обсохнуть, — проворчал Киран.

Никто не пошевелил и пальцем, но что-то изменилось. Дан почувствовал, как изменился Поток, циркулирующий в спутниках. Температура в кабине поднялась, стало душно, противно запахла нагретая мокрая одежда, от Кирана, Ракеша и Ирис повалил пар. Дан с некоторым запозданием сообразил, что они поднимают температуру тел, чтобы обсохнуть. Это простая техника, позволяющая высушивать одежду прямо на себе даже в трескучие морозы. Дан выдохнул по возможности весь воздух из легких, затем с силой втянул в себя, как его учил Дамон, перенаправил Поток в собственном теле из центрального

канала в конечности и голову, заставил энергию быстро перемещаться из центра на периферию и обратно. Вскоре он ощутил жар, от него самого пошел пар.

Спустя три секунды в кабине было как в бане: жарко и душно. А стекла напрочь запотели. Пришлось опять прямо на ходу приоткрывать дверцы, чтобы проветрить. Зато одежда высохла почти полностью — даром что она у всех была тонкая и легкая.

Ирис надавила на газ, двигатель натужно взревел, и грузовик прыгнул вперед. Ехали молча примерно с четверть часа, потом по обе стороны дороги начали попадаться местные жители — чешуйчатые люди-муравьи в одинаковых серых плащах. Другие машины почти не встречались, только один раз мимо проехала легковая машина, тоже очень старая и разбитая.

— Это вообще люди? — вырвалось у Дана.

Индрии подсказывали, что муравьи странные, с необычным энергообменом, совершенно непохожим на человеческий. Также Дан ощущал, что внимание прохожих сосредоточилось на их грузовике, хотя снаружи трудно было рассмотреть тех, кто сидел внутри. Однако кто знает, какие у муравьев органы чувств?

Словно повинуюсь незаметной команде, мураши — а их было справа и слева около десятка — распахнули плащи, оказавшиеся перепончатыми крыльями. Тела под ними были такими же чешуйчатыми и зеленоватыми, как и морды, длинными и тонкими, ноги имели один лишний сустав — дополнительное колено под обычным коленом, сгибающееся назад.

Существа подпрыгнули, замахали крыльями, взмыли в серый промозглый воздух. Ирис затормозила — и вовремя. Черные крылатые тени спикировали на грузовик, Дан услышал гулкие удары сверху.

— А вот это уже серьезно! — со злой радостью воскликнул Ракеш. — Они умеют летать!

Ирис отпустила руль и выстрелила шипящими молниями из пальцев. Ослепительные разряды пробили лобовое стекло, оно мгновенно потрескалось, став молочно-белым, и вылетело на дорогу смятой гигантской салфеткой. Ветвистые молнии сбили двух или трех аборигенов прямо в воздухе, и они рухнули на асфальт.

Киран разинул рот, и Дан скорее почувствовал всей поверхностью кожи, нежели услышал, вибрационный вопль в диапазоне, недоступном человеческому уху. Вибрационный удар сбил сразу троих, они косо полетели в кусты слева, трепеща похожими на плащи крыльями.

“Почему первый не летал? — возник у Дана неуместный вопрос. — Наверное, был немного оглушен?”

Он привычным движением раскрыл правый манипулятор и аккуратно, стараясь не разрубить пополам, сбил сначала одного мураша — тот летел над кабиной, — потом другого — этот успел взгромоздиться на кузов.

После того, как атака мурашей захлебнулась, Ирис снова утопила газ в пол. Грузовик, явно не привыкший к таким нагрузкам, задушено ревел, но несся вперед со скоростью километров семьдесят-восемьдесят в час. На большее не был способен.

Они въехали — точнее, ворвались — в город, сплошь состоящий из одинаковых серых зданий от двух до пяти этажей. Ветер из разбитого проема бил в лица Эмиссаров, брызгал мелким нудным дождичком, заставляя глаза слезиться. Ирис вовсю крутила руль, виляла то вправо, то влево, но то и дело ударяла попадавшие на пути легковые машины — все как на подбор потрепанные донельзя. Дан глянул на нее — она улыбалась такой улыбкой, что становилось страшновато, — потом бросил взор на зеркало заднего вида: на фоне серого

неба и прямоугольников зданий носились крылатые мураши; их позади было все больше и больше. Неизвестно, что привлекало их внимание, неужели всего лишь быстро несущаяся машина?

Нет, в них ведь стреляли, напомнил он себе. Их засекли и сбили каким-то оружием, но они выжили. Дан поежился — не только от холода, но и неприятного чувства, будто они все — мишени крупнокалиберного оружия... Что мешает пальнуть по ним прямо сейчас из той же пушки?

Но, как бы то ни было, люди-муравьи не спешили использовать свою пушку. Грузовик, а следом за ним целый рой неся к центру города, застроенного более плотно, более высокими многоэтажками.

Дан с тревогой наблюдал в боковом зеркале, как синхронно лавируют участники роя, не сталкиваясь, как рыбы в косяке, и думал, что мураши как-то между собой общаются...

— Они телепаты! — крикнул Ракеш, озвучив догадку Дана. — Видите, как они все несутся за нами? Коллективный разум!

— Главное, чтобы наши мысли не читали, — буркнул Киран.

— Не думаю, что они много узнают, — откликнулась Ирис, и Киран подозрительно зыркнул на нее, не совсем решив, содержится ли в этой фразе насмешка или нет. Ирис тыкнула пальцем вверх сквозь разбитый проем: — Глаз Смарана там! Видите?

Дан не видел в низких облаках никакого Глаза, но воспринимал с помощью чутья что-то странное, смутно знакомое...

Грузовик со скрипом тормозов остановился у облупленной стены здания, в котором было около десяти этажей. Второй этаж опутывали провода, они разбегались в разные стороны, к столбам. В городе этих перепутанных проводов было до странности много. Эмиссары выпрыгнули на мокрый тротуар с глубокими выбоинами, Ирис уверенно нырнула в широкую темную дверь, остальные устремились за ней по узкой грязной лестнице наверх.

Размышлять было некогда — рой стремительно приближался, пространство заполнил шум машущих перепончатых крыльев.

На лестничной площадке второго этажа Ирис одним махом сбила с ног попавшегося на пути мураша, а Киран с Ракешем отбили внезапную атаку нескольких местных, вломившихся на лестницу прямо сквозь открытое лестничное окно. Рой носился прямо за стеной, мураши приземлялись один за другим на тротуар, забегали в подъезд, неслись, шурша крыльями, по ступеням наверх, со смачными шлепками падали на стены и ломились в окна. Их было уже не десятки, а сотни, и количество это возрастало каждую секунду...

Дан, очутившийся в арьергарде, выпростал манипуляторы и ловко ими орудовал —годились многие часы тренировок. Он старался бить не наповал, а оглушать. Получалось это не слишком хорошо, но Дан на практике уяснил, что убить кого бы то ни было на самом деле технически несложно, по-настоящему трудно нейтрализовать противника, не отнимая жизнь, заставить отступить и передумать нападать.

Однако чешуйчатых существ, казалось, невозможно было заставить отступить, они лезли друг на друга без страха и сомнения, их гладкие зеленые физиономии с фасеточными глазами не выражали абсолютно ничего, тем не менее, вышибив дух из ближайших нападающих, Дан вынудил, по крайней мере, замешкаться следующие ряды. Размахивая манипуляторами, он отметил, что у мурашей слабое место — там, где шея переходит в плечо. Собственно, это место и у обычного человека слабое, но на мурашей удар по шее действовал безотказно. Твари падали, путаясь в крыльях-плащах, по ним лезли другие —

чтобы в свою очередь получить по шее.

Это несомненно коллективный разум, подумал Дан, то взбегая вслед за остальными по очередному пролету, то разворачиваясь и угощая ударами преследователей. В них нет страха за собственное здоровье и жизнь, потому что нет индивидуальности. А это значит, что надо поторапливаться, так как мурашей будет все больше...

На уровне четвертого этажа Дан совсем запыхался, и ему на смену вступил Киран. Ракеш тоже не скучал без дела, подпрыгивая и вырубая тех, кто атаковал сверху. Ирис все еще шла на острие атаки, если допустимо так выразиться, филигранно работая мечом, но каждый раз умудряясь бить не острым лезвием, а плашмя.

На пятом этаже одна из стен была разрушена, и прямо с лестничной площадки, пребывавшей, как и все здесь, в изрядном запустении, открывался проход в захлавленную комнату — вернее, кабинет с деревянным столом, полками, двумя ободранными креслами и портретами на стенах. Дан мимолетно поразился: на портретах красовались вовсе не зеленые и чешуйчатые мураши с усиками, торчащими изо лба, а вполне обычные люди, мужчины и женщины, ухоженные, румяные, причесанные и умытые.

Дан предположил, что на этой Земле бывшая человеческая цивилизация по какой-то причине разрушилась, и на ее обломках расцвела другая цивилизация — вот этих мурашей.

Или нет?

Или эти мураши — и есть измененные люди? Как Григор и прочие каменьградцы, чью кожу покрыли зеленые побеги? Во что они превратились сейчас, спустя много дней и ночей? Не в подобных ли мурашей?

Но размышлять было некогда. Ирис добралась до последнего пролета, наиболее пыльного, заваленного кусками полусгнившей фанеры, рейками, проржавевшими железзяками и прочим хламом. Он выбила ударом ноги забитую гвоздями дверь и выбралась на плоскую крышу.

Киран и Дан выскользнули сразу за ней. До Дана дошло, до чего спертый и затхлый воздух стоял в здании — а ведь многие окна выбили! С крыши можно было полюбоваться на весь город, но стремления к любованию ни у кого не возникло.

Снова плоская крыша, мрачно подумал Дан, глядя на то, как Ракеш запирает дверь перед носом преследователей. Когда-то он валялся на похожей крыше — гораздо более низкой — на пузе и наблюдал в монокуляр за пустыней, из которой каждую ночь приходили черные уродливые твари. Тогда Дан был в полупарализованном состоянии, а сейчас он не в пример силен — намного сильнее, чем когда бы то ни было.

Ирис не обращала внимания на ломившуюся в дверь толпу, которую изо всех сил придерживал Ракеш, смотрела вверх, запрокинув голову и опустив меч.

Дан тоже задрал голову. На фоне свинцовых туч, бесконечной чередой плывущих над серым городом, висел круглый объект — бледный, оплетенный зелеными сосудами, с темной радужкой. Глаз таращился прямо на них.

Точно такой же висел над Камень-градом... И, вполне вероятно, до сих пор висит.

Дана захлестнули гнев и тоска.

— Я постараюсь взлететь, — прокричал Ракеш, держа дверь, содрогающуюся от ударов. — Замените меня кто-нибудь...

Киран поспешил на помощь, но Дан сказал:

— Здесь летать опасно. Дайте я.

И, не дожидаясь реакции, схватил валявшийся на крыше длинный провод, уходивший

куда-то за край. Дан щедро влил в него Поток и оторвал от крыши, как когда-то оторвал лиану от стен храма в ступенчатой пирамиде. С треском провод отстал от покрывавшего крышу древнего разодранного рубероида, разбрасывая мелкие черные ошметки, взлетел в воздух, свистнул, изгибаясь, протянулся к Глазу Смарана и — обвился вокруг него.

Странная сила прокатилась от объекта в небе через провод в руку Дана, растеклась по нервам, почти достигла сердца, но он усилием воли поставил барьер. “Впустите мандалы в ум-сердце!” — прозвучал в голове голос. Нет, мысленно сказал себе Дан, мандалы мы впустим, но Глаз Смарана обойдется.

Он принялся тянуть на себя провод, конец которого цепко держал гигантский вращающийся глаз. Неведомая сущность плыла вниз неохотно, сопротивляясь, но в целом не создавая особых трудностей.

Трудности последовали от роя, который разросся до пугающих размеров из-за того, что к нему постоянно присоединялись все новые и новые люди-муравьи. Коллективный разум подтягивал к центру города силы со всей округи, обретал мощь, начинал ощутимо давить на психику. Дан тянул к себе провод-лассо, а сам морщился от шума крыльев и пронизывающего гула, который, видимо, в реальности вовсе не звучал.

— Готовьтесь к переходу по мандале! — крикнула Ирис, быстро обернувшись и убедившись, что Глаз Смарана, считай, почти что в руках Дана.

Она выставила вперед двухметровый меч, глядя на вздымающееся над зданием черное облако. Рой налетел как буря, как ураган, и Эмиссары вступили в битву. Кто-то толкнул Дана, тот сделал последнее усилие, и Глаз Смарана очутился совсем близко.

“Какой мандале? — изумился Дан. — Наша мандала развалилась на куски вместе с виманой”.

Киран и Ракеш встали за спиной Ирис, дотронулись до ее плеч и до плеч Дана, так что образовался замкнутый контур. Никакой мандалы не проявилось, но Дан безошибочно ощутил невесомость. Он моргнул и перед закрытыми веками увидел на краткий миг сияющие геометрически правильные линии мандалы.

Заорал Ракеш, в которого вцепились мураши, пошатнулся, не удержался на ногах и упал на Ирис, которая, как понял Дан позже, визуализировала мандалу. Она тоже сдавленно вскрикнула, и в ту же секунду их увлекло в другие измерения.

Когда невесомость, сопровождавшая переход по мандале, перестала действовать, Дан почувствовал, что крыша под ногами растаяла, как дым, а он летит вниз. Короткий полет прервался падением в воду — на сей раз прозрачную и теплую; Дан привычно заработал руками и ногами, чертыхаясь. Что за день сегодня? Почему они постоянно купаются?

Он вынырнул и проморгался. Над ним раскинулось ночное небо, усеянное мириадами звезд и украшенное огромной золотистой луной. В ее мягком свете справа чернело нечто, похожее на берег. Дан, слыша, как поблизости отплевываются его спутники, поплыл туда, но вскоре уже шел по мелководью.

В этом мире было куда теплее и приятнее, чем в городе людей-муравьев, и пахло приятнее: морем, легким свежим ветром, солью, подсыхающими на берегу водорослями.

Дан с трудом прошел по рыхлому песчаному дну и выбрался на такой же рыхлый песчаный берег. От усталости ноги подкашивались, он повалился на нагретый за день мелкий песок и закрыл глаза. Судя по звукам, остальные Эмиссары поступили аналогичным образом.

Спустя несколько секунд Киран мрачно пробурчал:

— Куда это нас занесло? На Ади-Двипа?

— Вряд ли, — протянула Ирис. — Это Земля Нижнего Круга... Я сбилась с мандалы когда меня толкнули...

— Я не виноват, — тут же встрял Ракеш, и Дан услышал, как он садится на песке. — Я не специально!

— В кои-то веки, — насмешливо произнесла Ирис. Судя по тону, зла на Ракеша она не держала, сама понимала, что он не специально.

Дан открыл глаза, сел, хотя организм требовал отдыха, осмотрелся. Они находились, судя по всему, на миниатюрном островке с парой хилых пальм, а вокруг расстилался поразительно спокойный океан — очевидно, слишком мелкий, чтобы вздыматься крупными волнами. Волны слабо плескались о песчаный берег, дул легкий теплый ветерок, не способный даже испортить прическу, вдаль на фоне звездного неба темнели горбы соседних островов. Их, по всей видимости, в округе было видимо-невидимо. Дан облизнул губы — на них остался привкус соленой воды. Так, пресной воды тут, получается, нет?

Он спохватился, вспомнив, как при переходе из рук выскользнул провод с Глазом Смарана на другом конце. Он упустил Глаз!

И виману они разбили! Проклятие, это не миссия, а сплошной позор!

— Я его потерял, — пробормотал он убитым голосом. — Глаз Смарана.

В полумраке он увидел, как Эмиссары поглядели на него, сидя на песке. Кто-то — вроде бы Ракеш — тяжело вздохнул, но упреков ни от кого не последовало.

— Надо вернуться! — воскликнул Дан. И, не в силах больше сидеть, вскочил. — Снова попытаться...

— Там рой из тысяч этих тварей, — отмахнулся Киран. — Пусть хотя бы рассосутся для начала, а потом...

— Сомневаюсь, что проведу вас назад, — сказала Ирис. — Мы неизвестно где, и отсюда в мир культа Смарана ведет совсем другая мандала, нежели из Антарапура.

— Полная задница, — прокомментировал Ракеш. — И Глаз профукали, и виману... Раньше мы в такую лужу не садились...

— Они не твари, — тихо проговорил Дан, обращаясь к Кирану. — Они раньше были людьми! Ты видел портреты? Они изменились и превратились в этих... роящихся насекомых.

— Культ Смарана совершил очередную мерзость, — сказал Киран, кивнув. — Это следующая ступень в эволюции зла, в коллективизации с уничтожением индивидуальности. Люди сначала превратились в зомби, а потом — в часть роя.

Разумеется, он употребил иное слово — не “зомби”.

Дан скрипнул зубами. В Камень-граде, получается, творится то же безумие.

— И... что будем делать?

— Покемарим немного до рассвета, — предложил Ракеш. — Что-то мне подсказывает, что днем тут жарковато и не поспишь. А мы сегодня рано поднялись, я лично не выспался. А потом будем ждать Шен Дамона, он у нас великий сиддх, глядишь, спохватится и отправится на поиски. Может, и найдет нас еще живыми...

Все умолкли. Дан снова сел на песок и задумался. Похоже, сакраментальные вопросы “что делать?” и “кто виноват?” для обитателей Антарапура не являются столь душещипальными и актуальными, как для жителей Приполярья. Виноватых искать Эмиссары не были склонны, равно как и ломать голову над вопросом, что делать дальше. В этой же ситуации любой прежний знакомый Дана повел бы себя иначе.

Дан оперся спиной о шершавый ствол пальмы и прикрыл веки. Спать не хотелось. Мокрая одежда облегала тело, но никто не заморочился применить технику нагрева, чтобы высушиться. Погода теплая, чрезвычайно комфортная, никакая простуда тут не грозит.

— Кушать хочу, — внезапно раздался голос Ирис. — Я не позавтракала, думала: туда и обратно...

Ага, чуть не проговорил Дан злорадно, вы все так думали... И полез в сумку. Заначка была надежно завернута в непромокаемый пакет, но все же немного промокла после всех незапланированных купаний. Кушать можно — это главное.

— Угощайтесь! — сказал он.

Ирис, Киран и Ракеш аж подскочили, не веря глазам, подошли, уселись рядом, взяли каждый по печеньке. Некоторое время все молча ели, сидя кружком в огромной песочнице, как большие детишки. Индрии Дана подсказывали, что спутники подобрали, и сковывающее всех напряжение спало.

— Я бы взял карри с рисом, но подумал, что оно испортится... — сказал Дан смущенно и тут же сообразил, что сморозил страшную глупость.

Но никто не засмеялся. Ракеш похлопал его по плечу и сказал:

— Я больше никогда не буду потешаться над твоими привычками, друг Данис!

— А я хочу тебя просто поблагодарить, — сказал Киран. — И тебя, Ракеш, за то, что спас нас всех. Я-то считал тебя раньше клоуном.

— Спасибо, — поджал губы Ракеш.

Наступила недолгая пауза, заполненная звуками жевания и чавканья. Потом Ирис кашлянула и проговорила:

— А я хочу сказать, что... что вела себя слишком высокомерно... из-за того, что я из Держателей Тайн. Мы — Эмиссары, и нам нужно навсегда забыть все эти сословные различия. Когда бьешься бок о бок, они совершенно не важны. Прав Шен Дамон, что

никогда не вспоминает свое сословие.

От Дана не укрылось, как Киран легонько вздрогнул и хотел было воззриться на Ирис, но в последний миг сдержался.

— Кстати, все равно интересно, из какого он сословия, — вставил Ракеш, вытирая губы рукавом и отряхивая руки.

Киран дернул подбородком.

— Да какая разница? Может, он и Служитель, который выбрался в люди.

Дан добавил:

— Или вовсе с такой Земли, где нет деления на сословия.

Тут без всяких индрий он ощутил, как на нем скрестились взгляды всех Эмиссаров.

— Деления нет только в мирах, где укрепился культ Смарана, — медленно промолвил Ракеш. — В остальных всегда есть те, кто выше, и те, кто ниже. Я сейчас не про рост говорю.

Дан равнодушно сказал:

— Значит, я из нижнего сословия. Моя семья сроду не была где-то сверху. Мы — люди простые.

— И ты так легко об этом заявляешь? — поразился Киран.

— А что такого?

— Ты поразительный человек, Дан. Нам всем надо взять с тебя пример... Твое эго настолько мало и прозрачно, что тебя не задевает даже сословный вопрос.

— Сомневаюсь, что мое эго мало и прозрачно...

Ирис глубоко вздохнула, улыбнулась — в полумраке ее зубы сверкнули — и сказала:

— Давайте просто всегда друг друга поддерживать, ладно?

Прозвучало немного по-детски, но очень мило. По мнению Дана, если бы она почаще вела себя таким образом, то это пошло бы ей самой на пользу.

Наверное, тихая тропическая ночь на необитаемом острове посреди мирного и неглубокого океана подействовала на всех расслабляюще и умиротворяюще. Дан и сам не успел спохватиться, как наклонился вперед, и Эмиссары, подавшись единому порыву, обнялись сидя на песке со скрещенными ногами.

— Приятно стать, наконец, полноценными друзьями, — прочувствованно сказал Ракеш. — Жаль, что нам недолго вот так вот поддерживать друг друга — без еды и пресной воды...

Киран воспринял его слова серьезно:

— Я буду счастлив умереть в кругу друзей. А ты, друг Ракеш?

— Э-э-э... Я бы вообще предпочел не умирать... Но если выбирать, с кем именно умирать, то лучше, конечно, с друзьями.

И он шмыгнул носом.

Дан в который раз вспомнил деда Григора. В кого он превратился? В мураша? Летает сейчас, небось, над тундрой, ни о чем не жалеет, ни о чем не печалится, потому что на всех каменградцев один коллективный разум. Но как же другие города Приполярья и всей Земли? Они тоже превратились в рой?

В мире мурашей трансформации под воздействием культа Смарана подверглась вся Земля, иначе тот город оцепили бы, наложили бы карантин, попытались бы мурашей вылечить... Однако ничего подобного не произошло. Значит, культ Смарана — это как пандемия, рано или поздно захватывает весь обитаемый мир.

— Или с родными, — сказал Дан.

Эти неожиданные слова смутили Эмиссаров. Ирис отодвинулась и принялась возиться со сложенным мечом на коленях, Киран начал ковырять в зубах, а Ракеш повалился на спину и закрыл лицо предплечьем, закованным, как обычно, в кожаные наручи.

— У вас есть родные? — спросил Дан, хотя подозревал, что лучше этот вопрос не задавать.

— Как бы нет, — отозвался Ракеш, не отнимая от глаз руки. — Мы все круглые сироты. Кроме Ирис. Нас подобрал Шен Дамон.

— Правда? — вырвалось у Дана.

— Правда, — пробубнил Киран.

— У меня есть биологические родители, — сказала Ирис. — Но мы с ними редко общаемся... Короче, у нас все сложно.

“У нас” — это у Держателей Тайн, догадался Дан.

— Выходит, Шен Дамон — ваш приемный отец? — уточнил Дан, обращаясь к Кирану и Ракешу.

Те переглянулись, и Ракеш сказал:

— Фу! Нет, он слишком противный. Не ляпни ему часом, а то он над нами будет насмехаться...

— Я в любом случае буду над вами насмехаться, — раздался из темноты насмешливый низкий голос.

Эмиссары вскочили.

Возле дальней пальмы стоял Шен Дамон, сложив руки на груди. Как он там появился? Почему проспали индрии?

— Мы не умрем от жажды и голода в дружеской обстановке! — радовался Ракеш.

Ирис выступила вперед и порывисто обняла Шен Дамона. Впрочем, тут же отступила, сильно смутившись.

Эта выходка сбила Дамона с толку.

— Мы не виделись всего полсуток, а вы так соскучились?

...Той ночью в Антарапуре (которая наступила несколько позже, чем в мире неглубокого океана) Дан долго ворочался в постели, смотрел на мягкий свет фонарей, просачивающийся сквозь высокие окна, пережевывал мысленно детали своей первой миссии. Проваленной с треском и грохотом.

Кто же все-таки виноват? Шен Дамон, который не разъяснил деталей миссии и не разработал четкого плана? Ирис, которая не углядела того, что в них стреляют? Он сам, Дан, не удержавший Глаз Смарана? Или Ракеш, упавший не вовремя на Ирис, пребывающую в состоянии визуализации мандалы?

У Шен Дамона свой подход к таким делам. Он никого ни в чем не укорял; создавалось впечатление, что он доволен таким плачевным результатом. Махасиддх, одним словом — настолько гениален, что больше похож на полного психа. Если в Академии полагается работать именно так, то Дан со своим уставом лезть не будет.

В полумраке спальни на тумбочке шевельнулся Базиль. С робокотом Дан в последнее время общался совсем редко и ловил на себе его укоряющие взоры. Скорее всего, укор Дану все-таки мерещился, ведь Базиль не настолько развитый ИИ, чтобы глядеть как-то эмоционально.

Еще Дану не спалось из-за роя бессмысленных чешуйчатых человеко-муравьев, в которых, вероятно, и превратился весь Камень-град, а то и весь мир Приполярья. Пока он тут

прохлаждается, развивает сиддхи и индрии, летает на виманах, гуляет по парку, наслаждается мягким тропическим климатом, Григору и другим соотечественникам приходится претерпевать жуткое превращение невесты во что — во что-то нечеловеческое. Теперь Дану было понятно, что имелось в виду, когда Эмиссары говорили о “мерзости” культа Смарана.

Он попытался визуализировать мандалу из сна, но не вспомнил все линии и круги геометрического фрактала. Нет, домой вернуться так просто не удастся...

Вдруг обострившееся чутье встрепенулось, Дан почувствовал чье-то чужое присутствие в комнате. Причем не было ни малейшего звука и дуновения.

— Базиль, — заворчал Дан, — это ты?

— Что — я? Я сижу тихо.

Дан привстал с кровати, прислушиваясь, повертел головой и — заметил шевельнувшуюся тень. Ладони мигом вспотели, он потянулся к манипуляторам, лежащим возле кровати, но застыл, услышав знакомый голос:

— Это я.

Вспыхнул торшер в углу, осветив сидящего в кресле с закинутой одной ногой на другую Шен Дамона.

— Вы что здесь делаете? — ошеломленно спросил Дан.

— И почему без стука? — вставил Базиль.

— Стук могут слышать другие, — откликнулся Шен.

— Какие другие? — спросил Дан.

— Любые. Я пришел тайно, чтобы поговорить о вашей миссии.

У Дана екнуло в груди. Итак, сейчас состоится изощренное индивидуальное наказание за провал миссии!

Но Дамон не спешил обрушивать на Дана громы и молнии, а лишь спокойно попросил:

— Расскажи-ка мне еще раз, как вы потеряли Глаз Смарана.

— Ракеш защищал нас от роя... — начал Дан и откашлялся. Он нервничал. — Не потерял равновесие и упал на Ирис, а она в этот момент визуализировала мандалу...

— Ты видел Ирис в эту секунду?

— Я тянул к себе Глаз на проводе. Видел — разве что боковым зрением...

— Она могла ударить Ракеша молнией?

— Ну... — растерялся Дан. — Могла бы, наверное, но зачем ей это?

Шен крикнул, вздохнул, уселся поудобнее в кресле.

— Что-то не так во всем этом деле. Миссия очень легкая, а вы ее провалили на ровном месте.

— Легкая? По нам стреляли!

— А потом перестали?

— Потом мы были на земле и двигались к городу на грузовике. По нам, судя по всему, сработала ПВО, а потом они нас потеряли. Тем более вряд ли они стреляли бы на территории города, где можно попасть по своим.

— Это рой, — отрезал Шен Дамон. — У них нет жалости к себе подобным. Они бы стреляли и по своим в том числе, если надо. Но они не стали этого делать.

На Дана накатило раздражение.

— И много вы знаете и скрываете от нас?

— Много ли? — удивленно повторил Шен. — Не знаю. А в чем измерять?

Дан не повелся на эту демагогию и в лоб спросил:

— Что вы скрываете?

— Если я расскажу, как потом это скрывать?

— Почему вы скрываете?

Шен усмехнулся.

— Наконец-то зрелый вопрос. Ответ таков: потому что знания в неумных головах так же опасны, как плазменная пушка в руках обезьяны.

— Вы... намекаете на меня?

— А что, только у тебя была плазменная пушка? — фыркнул Шен. — Те, кто служит Смарану, подобны детям, которым дали мощное оружие. Смаран дал им цель: подарить людям безусловное счастье, но они не понимают, что несут одно страдание.

— А как подарить людям счастье? — спросил Дан. Вопрос был отвлеченный, не относящийся к делу, но отчего-то сам собой сорвался с языка.

— Если люди не хотят, то никак, — сразу ответил Дамон.

— А если хотят?

— Тогда они сами найдут способ... Мне нравятся твои вопросы, Данис. Возможно, мы поговорим об этом позже.

— А мне не нравятся ваши ответы, — дерзко сказал Дан.

Он, конечно, нарывался, но таков уж у него был характер. Если что-то не устраивало, сразу заявлял об этом в лицо. Прежде из-за этого бывало много проблем, но характер от этого не изменился ни на грош.

Шен Дамон внезапно встал, и Дан инстинктивно отпрянул. Но Шен обошел кровать и погладил Базиля. Робокот включил режим урчания.

— Хороший кот, — одобрил Шен.

Дан, продолжая сидеть на кровати, спросил:

— Если вы подозреваете Ирис, почему бы вам не поговорить с ней?

— Я поговорю. Но для начала прошу тебя не совершать необдуманных поступков. Я ведь вижу, как тяжело тебе далось доверие.

— Вы о чем? — растерялся Дан.

— Ты всегда жил и выживал сам по себе и ни на кого не полагался. А теперь убедился, что людям можно доверять. И если кто-то тебя огорчит и разочарует, ты окончательно закроешься от мира, а это плохо. Помни: люди разные, и неблагие стороны одного не значат, что они есть у всех.

— О чем вы говорите? — сдерживая раздражение, сказал Дан.

Дамон хихикнул:

— Не понял, да? Так всегда бывает, когда что-то происходит не в свое время. Сейчас в твоей жизни еще не реализовался естественный закон.

Он повалился на кресло и нажал на кнопку выключения торшера. Свет погас, но Дан сразу ощутил, что Шен Дамона больше в кресле нет.

— Как он это делает?

Дан распахнул шторы, и в свете уличных фонарей убедился, что кресло пусто. Шен Дамон испарился как утренний туман, без звуков и спецэффектов.

— А мне он нравится, — заявил Базиль.

В последующие дни Дан много размышлял о ночном разговоре, ждал продолжения, но Шен на тренировках обращал на него не больше внимания, чем обычно. Дан посматривал на других Эмиссаров нижнего звена — не пообщался ли и с ними махасиддх? Не заронил ли и в них зерно сомнения? Почему он подозревает именно Ирис?

Девка она, конечно, высокомерная, но после миссии, кажется, сильно изменилась, переосмыслив жизненные приоритеты. Ее признание на острове Дан принял за чистую монету, но что, если он ошибся в ней? Тогда, выходит, она играет и на стороне культа Смарана? Что за бред?

Нет, Дан не находил никаких резонов подозревать новых друзей. Ракеш спас его от смерти и инвалидности, Киран бился плечом к плечу не раз, таскал его на своем горбу, а Ирис...

К Ирис, как к единственной девушке в команде, он испытывал не только дружеские чувства, особенно после того, как была разблокирована вторая чакра. Ирис умеет драться, стреляет молниями, орудует двухметровым мечом, у нее белоснежные волосы и потрясающая внешность. Однако то, как она впервые предстала перед Даном — как в высшей степени высокомерная личность, ни на минуту не забывающая о своем особенном происхождении, — повлияло на отношение к ней Дана. Первое впечатление — самое сильное, от него так просто не отмахнешься. Поэтому ни о каком романтическом интересе речи не шло, он просто испытывал к ней сексуальное влечение — иногда довольно сильное.

Впрочем, двусмысленных движений в ее направлении он не делал: во-первых, отношения среди Эмиссаров всегда подчеркнута профессиональные, иногда дружеские, не более; во-вторых, Ирис с характером и владеет мечом и молниями. Дан с ней не связывался.

В свободное от тренировок время Дан учился читать и писать. Грамота давалась нелегко: местный язык имел смешанную фонетическо-иероглифический слоговый алфавит, то есть часть слов писалась отдельными буквами или слогами, а часть — иероглифами, которые никак не передавали звук. Кто бы ни придумал такую мудреную грамоту, он не раз был обруган сквозь зубы Даном, корпевшим над учебниками. Дан планировал научиться как следует читать, а потом хорошенько покопаться в архиве, чтобы найти способ добраться до Земли Приполярья.

Судя по скорости обучения, полноценное изучение манускриптов в архиве откладывалось на неопределенный срок.

Вот тренировки давались ему все легче и проще. Управление Потокотом достигло такой степени, что он разбивал каменный валун крохотной монеткой, брошенной одним поворотом кисти и наполненной Потокотом.

У него начали появляться мускулы, он загорел и посвежел. Парасаттва же на спине никуда не делась и деваться не собиралась.

Как-то раз он сидел на парапете террасы и любовался видами на Антарapur в целом и высоченную башню в частности, через которую якобы можно было попасть в подземный город. На вечернее небо взошла почти полная луна, зажглись фонари. Внизу раздались шаги — прошла старая знакомая Керрту, увидела Дана, помахала рукой, широко улыбаясь.

Мимо нее прошел Ракеш, тоже заметил наверху Дана, легко подпрыгнул и очутился

рядом, на парапете. Протянул разрезанный напополам мангостин — очень сладкий тропический фрукт с белыми нежными дольками внутри крепкой кожуры.

— Что это? — не понял Дан.

— Сегодня ровно три месяца, как ты в Антарапуре, — сказал Ракеш, присаживаясь рядом и указывая на луну.

— Что?

Дан не считал дни, но почему-то считал, что прошло гораздо меньше времени. Григор и остальные мучаются уже три месяца? Он выронил плод, который упал с террасы и шлепнулся в бассейн с рыбками. Схватив Ракеша за плечо, Дан вскричал:

— Я должен помочь близким! Сколько ждать-то можно?

— Тихо-тихо...

— Нет, серьезно! Будет поздно! И я, балбес, прохлаждаюсь, читать никак не научусь...

Ракеш отодвинулся от Дана и, подумав, сказал:

— Можно кое-что придумать...

— А? — встрепнулся Дан.

Он не верил, что Ракеш способен как-то помочь. Просто из Дана неожиданно излились все накопленные эмоции: страх, вина, недоумение, бессилие.

Ракеш потерял плечо после стального захвата Дана — он не успел превратить кожу в непробиваемый металл.

— В подземельях хранятся древние мандалы, — медленно и тихо проговорил он, оглянувшись. — Очень много! Можно там покопаться, вдруг найдем что-то полезное?

И показал на башню, черную на фоне догорающего заката, с огоньками фонарей на разных уровнях.

— Вход в нее только сверху? — спросил Дан, вспомнив, что страшно боится высоты.

— Да, — сказал Ракеш, — и еще его защищают ракшасы. Мимо них не пройдешь...

Дан пропустил мимо ушей упоминание о ракшасах — о них он уже слышал, это какие-то духи, служащие жителям Антарапура. Раз служат — значит, не слишком-то и опасны.

— Думаешь, там есть нужная мандала?

— Возможно.

— Тогда почему Дамон ее не ищет?

— Я почему знаю? Он же махасиддх! Ждет знака от своего естественного закона, наверное.

— Верно, — сказал Дан. — Он все делает своевременно, но и сам не знает, когда наступит нужное время. А я не могу ждать. Я чувствую, что это время — прямо сейчас!

Он вскочил на парапет, тяжело задыхался, его уже влекло к башне как магнитом.

Ракеш испугался.

— Ты серьезно полезешь в подземный город?

— Выбора нет.

— Ну, вообще-то, — осторожно начал Ракеш, — выбор есть. Довериться Дамону.

— А если он будет ждать еще десять лет? Или его нужное время никогда не наступит?

Что тогда?

Ракеш тоже встал, помолчал, глядя на башню. И сказал:

— Мы тебе поможем. Вся наша компания.

Дан почувствовал, как сдавило горло от чувства признательности. Но, вспомнив об Ирис, поспешно сказал:

— Погоди, не надо говорить всем... Мне хватит и твоей помощи.

— И... когда мы туда пойдём? — спросил Ракеш.

— Сегодня ночью, — сказал Дан. — Медлить дольше невозможно. Ты пойдёшь со мной, друг Ракеш?

Тот немного неуверенно улыбнулся, потом нахмурился и решительно кивнул.

...После того, как они обговорили детали, Дан вернулся в свою комнату, переоделся в багровую форму Эмиссара, удобную для всякого рода трюков, нацепил манипуляторы, спрятав их под широкими рукавами. Нервно ходил по комнате между кроватью и зеркалом у стены. Его одолевали сомнения. Припомнились слова Дамона о том, что махасиддх в случае чего советуется с неодушевленными предметами, и Дан встал перед Базилем, сидящим, как обычно, на тумбочке.

Робокот неодушевлен и может говорить. Идеальный собеседник!

— Базиль, — выпалил Дан. — Нужен совет!

— Да? — удивился робокот и привстал на суставчатых лапах. — О, как я счастлив! Наконец-то я выполняю свои непосредственные функции! Спрашивай, Данис!

— Идти мне в подземный город или нет? Со мной будет друг.

— Я не знаю, — ответил Базиль, покачав головой. — Но скажу лишь, что нужно доверять друзьям и смотреть на мир оптимистично.

Собственно, ничего лучшего от робокота-няньки нельзя было ожидать. Это не сложная вычислительная машина, которая предоставила бы анализ рисков — да и то с условием, если б в нее загрузили нужный объем информации. Однако Дану этого ответа хватило.

— Спасибо, Базиль! Ты не дерево, ты — гораздо лучше!

— О, буду считать это комплиментом...

Дан выскочил на террасу и прыгнул вниз с третьего этажа — он уже научился искусству длинных прыжков, — затем прошел по тройным серебристым линиям к выходу с территории Академии. У главных ворот в тени его поджидал нервничающий Ракеш. Так как ворота были по ночному времени заперты Служителем, молодые Эмиссары перемахнули через забор, и Дан впервые в жизни ступил на землю Ади-Дви́па за пределами Академии.

Они миновали тихую и тенистую улочку, освещенную тусклыми шарообразными фонарями, вдыхая влажный и душноватый воздух, наполненный криками ночных птиц и занудным стрекотом тропических насекомых, потом вышли на более широкий и оживленный мощный проспект. Множество людей в самых разных, иногда вычурных нарядах, с разным цветом кожи и волос бродило по широким тротуарам, сидело прямо на камнях, ехало в паланкинах и каретах — как запряженных волами и лошадьми, так и снабженных электрическими двигателями.

Дан подумал, что сейчас, наверное, людей здесь больше, чем знойным днем, когда особо не погуляешь. Они с Ракешем прошли мимо ряда уличных торговцев, на чьих самодельных переносных прилавках красовался разнообразный товар: от вкусняшек до магических амулетов (если верить выкрикам продавцов).

Сначала Дану чудилось, что на них двоих все пялятся, но вскоре он убедился, что тут никто ни за кем не следит. По крайней мере, открыто. Каждый занимался своим делом, а народ здесь собрался слишком разношерстный, чтобы обращать излишнее внимание на какие-то нюансы внешности.

— А Эмиссарам нижнего звена вообще разрешается покидать Академию после заката? — шепотом поинтересовался Дан у Ракеша.

— Кстати! — оживился Ракеш. — Ты же ни разу не выходил из Академии! Ясное дело, мы изредка сбегает погулять... но это не приветствуется. И мы никогда не залезали на башню...

— Если нас поймают, то каково будет наказание?

— Посадят под замок, — пожал плечами Ракеш. — Или заставят подметать всю улицу от Академии до башни... Целый год. В любом случае, наказание определяют Держатели Тайн, но даже они для начала посоветуются с Дамоном. Махасиддхов не принято игнорировать, тем более что он за нас в ответе.

— Ты надеешься, что Дамон нас отмажет? — сказал Дан.

— Ага! Он нас, конечно, накажет, но пусть лучше он, чем власти города.

— Ладно... Расскажи о ракшасах поподробнее, пожалуйста.

— А ты о них не знаешь?

— Знаю, что это духи и их сковали обетами с помощью сиддхов.

— Верно. Это тонкоматериальные сущности, не все их видят. А если видят, то по-разному.

— По-разному? Как это понять?

— Это зависит от настроения, понимаешь? Или от характера или личного гороскопа. Или сердца-ума. Но все люди видят их как-то по-своему.

“Интересно, какими я их увижу? — подумал Дан. — Хотя какая нафиг разница? Мы идем к башне не для любования ракшасами”.

— Как они нас остановят, если они тонкоматериальные? — спросил он. — И как их можно победить?

— Говорят, что они читают сердце-ум, — объяснил Ракеш. — И если человек по-настоящему достоин, то пропустят без проблем.

— А в чем должно быть достоинство?

Ракеш развел руками.

Дан продолжил расспросы:

— Ты их встречал прежде?

— Нет... Только слышал о них.

— Ладно, — вздохнул Дан. — Разберемся на месте.

И договорил про себя: это самый лучший способ — разбираться на месте, — особенно когда ты ни черта не знаешь ни о ракшасах, ни об устройстве подземного Антарapura, ни о возможных препятствиях на пути, кроме тонкоматериальных сущностей.

Ракеш сказал:

— Надеюсь, они не испепелят нас на месте... Слушай, Данис, еще не поздно повернуть назад!

Он остановился и испытующе заглянул в лицо Дана.

— Ни за что, — ответил тот.

— Но ведь пройти мимо ракшаса невозможно, — сказал Ракеш. — Как я раньше об этом не подумал?

Данис встал напротив него и горько улыбнулся.

— Невозможно? Когда я стал инвалидом и попал в Заброшенный мир, выжить там было невозможно. Знаешь, почему я не сдался?

— Ты веришь в свои силы? — предположил Ракеш.

— Нет. Потому что я просто не думал о будущем. Не думал, возможно или невозможно

мое выживание... Тупо выживал каждую минуту, час, день... Понятно? Иногда много думать вредно.

Дан развернулся и зашагал дальше, не оборачиваясь на Ракеша. Тот догнал его через несколько шагов и буркнул:

— Ты размышляешь, как махасиддх... Ничего не понятно, но... — Он просиял: — Очень круто!

К башне они приблизились примерно через полчаса. Ее окружала обширная парковая зона с многочисленными переплетенными аллеями, клумбами, фонтанчиками, аккуратными кущами деревьев с мясистыми темно-зелеными листьями, плоскими вершинами и дополнительными стволами. Зона не была закрыта для посетителей, и здесь кое-кто бродил, включая Служителей в черных робах, убирающих мусор и следящих за порядком.

Из-за деревьев, заслоняющих вид, Дан не сразу понял, что они подошли к башне вплотную, и для него стало неожиданностью внезапное появление гигантского строения.

Башня была широченная, постепенно сужающаяся кверху, сложенная из белого камня, опоясанная спиралевидной лестницей, украшенная сложным барельефом в виде нечеловеческих рож, древних батальных сцен, виманов, сложных конструкций и пейзажей. Внизу башню окружала кольцеобразная площадка со скамейками — в настоящее время пустыми.

Спиралевидная лестница как бы врезалась в корпус башни, не имела перил и была очень узкой — один шаг влево, и ты летишь вниз. Задрвав голову, Дан с ужасом насчитал двенадцать витков.

Ракеш, которого совершенно не волновала высота и связанные с ней страхи, шепотом сообщил:

— Охранников нет... Я имею в виду обычных людей.

Дан перестал смотреть вверх и зажмурился на несколько секунд. У него закружилась голова.

— Они и не нужны, — выдавил он.

Спину и руки покрыл липкий пот. Он сжал кулаки.

— Я дойду! — тихо прорычал он.

И пошел к началу лестницы. Она тянулась влево и вверх, опоясывая башню с внешней стороны.

Тут Дан обнаружил еще одну зловещую деталь: ступени лестницы были всего полметра в ширину, вытертые и как будто скользкие, немного скошенные к внешней кромке. Дан попробовал было идти боком, но быстро понял, что это еще хуже. Он смотрел под ноги, поднимаясь и слыша шаги Ракеша позади, но от мельтешения ступеней снова закружилась голова; тогда он устоял в резную каменную стену справа, с торчащими из нее через равные промежутки тусклыми фонарями, и стало чуточку проще.

Они сделали один круг и поднялись над землей метров на шесть-семь, причем Дан подозревал, что Ракеш проделал бы этот путь куда быстрее. Но Ракеш владеет элементом воздуха, он не разобьется, даже если упадет с орбиты, так что ему страшиться нечего. А Дан выдержал бы падение максимум с десяти метров, не больше.

Площадь отодвинулась вниз, по мере восхождения открывались новые виды на парковую зону, на улицы вдаль, а многоэтажные пагоды и здания теперь казались пугающе маленькими и низкими.

На поднимающихся по башне никто не обращал внимания — как и на запруженных

торговцами и зеваками улицах. Наверное, раньше никому не приходила дурацкая мысль подняться по этой башне, охраняемой ракшасами...

У Дана сильно застучало сердце — аж заныло в средостении. Он остановился, перевел дух, постарался успокоиться — тщетно.

— Ты чего? — встревожился Ракеш сзади.

Откуда ему понять, что такое страх высоты?

— Сейчас...

Дан скрипнул зубами, вперился взглядом в стену справа, снова начал подниматься по бесконечным вытертым ступеням. Однообразные витки вгоняли в леденящий душу ступор, вызывали транс и головокружение.

На третьем витке Дан почувствовал дуновение прохладного горного ветерка, совершенно неощутимого внизу, среди деревьев и всей этой тесной застройки. Ветер трепал свободные одежды, приподнял отросшие волосы, остудил мокрую от пота шею.

Впереди всего лишь девять витков, твердил себе Дан, стараясь не смотреть налево, в открытое пространство, в котором все больше становилось звездного неба и все меньше надежной земли, растительности и домов.

Хорошо все-таки, что сейчас ночь: не так хорошо видно и, соответственно, не так страшно...

Не успел он додумать эту мысль до конца, как подошва его левой сандалии скользнула по ступеньке в сторону пропасти — всего на несколько сантиметров, но воображение нарисовало картину, в которой Дан летит вдоль стены башни стремглав вниз.

У него стянуло судорогой мускулы рук и ног. Убедившись, что не в силах больше сделать ни единого шажочка, Дан присел на корточки и оперся мокрыми ладонями в прохладный камень.

— Устал? — раздался позади голос Ракеша.

— Я в порядке, — процедил Дан, не соображая, что говорит.

Что делать-то? Он же может шелохнуться!

Тогда усилием воли он заставил себя подумать о Григоре, восстановить в памяти тот день в подробностях, визуализировать чужака в маске, горящих солдат и зомбированных горожан. Преодолевая боль и внутреннее сопротивление, он вынудил себя в подробностях представить, как сейчас выглядит Камень-град, тем более что у него был образец — город мурашей. Затем он вспомнил проведенные на Заброшенной Земле дни и ночи, полные боли, и его сердце-ум наполнили гнев и жажда справедливости.

Стараясь не потерять достигнутое эмоциональное состояние, он встал. Злость разблокировала мускулы, освободила их от оков страха. Это была временная мера, но хоть что-то...

Он шел и шел, наступая на следующую ступень, и на следующую, и на следующую, а сам не переставал думать о всех невзгодах, причиненных чужаком. И сам не заметил, как достиг вершины башни.

Он вздрогнул, когда ступени вдруг закончились и он — а следом за ним и Ракеш — ступили на кольцеобразную крышу, окружающую широкую и черную дыру — бездонный провал в середине башни, ведущий в подземелья города городов. Над провалом был укреплен круглый навес из черепицы. По его периферии горели желтоватые фонари.

Здесь дул ветер, а башня, казалось, качалась под ногами. Город внизу превратился в пестрое светящееся полотно, горы были ниже, чем обычно, и над всем этим доминировало

бескрайнее звездное небо и золотистая луна.

Дан перевел дух и тут же услышал ровный, звенящий, нечеловеческий голос:

— Ну вот вы и дошли... И что дальше?

Этот голос заставил обоих подпрыгнуть. Ракеш к тому же еще и вскрикнул, но тут же прикрыл рот ладонью.

А Дан не верил глазам — в нескольких метрах от него на кольцеобразной площадке в золотистом свете фонарей и луны стоял чужак в зловещей вытянутой маске и балахоне с абстрактными пестрыми узорами. Дану померещилось, что это не фонари подсвечивают чужака сбоку, а колеблющееся пламя огня, которое пожирало военную базу; что не приглушенный шум города слышен далеко внизу, а вопли горящих заживо людей.

— Ты?! — заорал Дан. — Сука!

Отточенные тренировками рефлексy сработали раньше, чем Дан успел принять конкретное решение: манипуляторы от легкого взмаха рук развернулись во всю длину — больше двух метров! — выметнулись, как две атакующие стальные змеи, ударили чужака сразу с двух сторон по горизонтальной плоскости как два лезвия огромных ножниц.

Чужак не уклонился, но плащ от удара моментально разбился на лоскуты, развеялся, растаял в темном пространстве. Под плащом была пустота. Злая маска упала, а под ней оказалась еще одна — тоже длинная, с продолговатыми дырами глаз, карикатурно изображенным носом, красными губами широченного рта, но маска эта была не зловещей, а равнодушной, почти грустной. Эта маска висела прямо в воздухе, и до Дана дошло, что это не чужак.

“Каждый видит ракшаса по-своему”, — вспомнил он.

— Чего вам нужно? — снова прозвучал тот же звенящий голос без эмоций.

Дан открыл было рот, но услышал позади шорох и обернулся — Ракеш мягко повалился на спину и закатил глаза. Сложив манипуляторы, Дан бросился к нему, совсем забыв, на какой они высоте, присел на корточки у самого края башни возле Ракеша, похлопал его по щекам. Сквозь неплотно прикрытые веки Ракеша виднелись белки. Он был жив, но без сознания.

— Ты что ему сделал? — сказал Дан.

— Ничего, — ответил ракшас. Под маской из ничего вновь соткался балахон, но без узоров, — теперь он плавно менял цвет от черного и темно-синего до ярко-оранжевого и наоборот. — Я задал вопрос: чего вам надо?

— Мне нужна мандала, — поколебавшись, сказал Дан. Он решил не врать. А Ракеш похоже, грохнулся в обморок от страха... — Ключ к моему миру!

— Зачем?

— А кто спрашивает? — рявкнул Дан.

— Страж башни, что много веков назад дал обет хранить это место от недостойных.

— Я должен спасти близких людей, страж!

— Ты уверен, что хочешь завладеть мандалой ради спасения близких, а не ради власти? — равнодушно поинтересовался ракшас.

— Мне не нужна власть! — презрительно сказал Дан.

— Всем нужна власть, — возразил ракшас. — Власть — это сила, которая влечет всех разумных существ. От нее отказались лишь Просветленные и убогие.

— Я хочу только спасти людей, понятно?

— А что ты будешь делать потом, когда спасешь близких? Рано или поздно они все равно умрут или погибнут по каким-либо причинам. Ты не сможешь спасти их всегда.

Дан оставил в покое бесчувственного Ракеша — полежит и очухается — и выпрямился, встав напротив призрачного существа, притворяющегося чужаком в маске. Несомненно, этот облик ракшасу придал сам Дан, потому что постоянно думал об этом проклятой твари...

— Мне неважно, что будет потом, — сказал Дан. Ракшас его испытывает, задает вопросы — следовательно, есть шанс, что страж пойдет навстречу. Надо быть с ним предельно честным, не вилать и не хитрить... — Прямо сейчас я должен спасти их!

Но ракшас развеял его надежды.

— Уходи, глупый человек. Ты не видишь дальше собственного носа, оттого и пришел этой ночью сюда — в глупой надежде проникнуть в запретный подземный город. Уходи!

— Не уйду, — уперся Дан.

Он опять попытался привести Ракеша в чувство, но обморок у того был глубокий. Видимо, Ракеш боится ракшасов похлеще, чем Дан — высоты.

— И во второй раз говорю тебе, человек: уходи.

Дан повернулся к ракшасу, выпростал манипуляторы, чуть подогнул колени и наклонил голову, готовый к бою.

— Я не уйду, — сказал он твердо. — Я слишком близок к цели.

— О да, ты слишком близок к смерти. Третий раз я просить не буду.

Дан атаковал ракшаса первым, плохо представляя, как победит бесплотное существо. Целил он в маску. Но ракшас исчез полностью и, когда Дан сделал инстинктивный шаг вперед, вдруг материализовался сбоку и навалился на человека. Дан ощутил мягкое, но упругое прикосновение шелковистого балахона, под которым перекатывались словно бы резиновые мускулы, пошатнулся, потерял равновесие и завопил, когда ноги не нашли опоры. В следующий миг он кувырком летел в бездну.

Наверное, сознание Дана из-за шока каким-то образом застыло, лишилось эмоциональных омрачений и на некоторое время стало прозрачным, как алмаз самой высокой пробы. Страх пропал, он просто наблюдал, как летит вниз, переворачиваясь в воздухе, размахивая бесполезными манипуляторами, разевая рот и пуча глаза, а за ним летит Ракеш, которого, видимо, сбросил ракшас следом. Время замедлилось, все вокруг воспринималось предельно четко и ясно: и стены колодца внутри башни, сложенные из серого камня, и светильники, невесть для какой надобности торчащие из этой стены, и каменные рожи неведомых зверей или демонов...

Дан сделал отчаянную попытку “включить” магию элемента воздуха, которую он не особо успешно усваивал на тренировках, затем — уцепиться за пролетающую мимо стену манипуляторами. Магия сработала слабовато, а концы манипуляторов лишь скользнули по стене, выбив снопы белых искр.

Все же падение чуть замедлилось, но недостаточно, чтобы Дан остался живым при столкновении с землей. Однако упал он на что-то мягкое и упругое, принявшее его в себя, а потом подкинувшее снова в воздух, но невысоко. Он подскочил на невидимом батуте несколько раз, прежде чем остановиться.

Несколько долгих минут он лежал в полутьме, тяжело дыша, слушая бешеный стук сердца и не веря, что остался жив. Рядом лежал Ракеш — все еще в отключке, далеко наверху тускло желтела точка — дыра в этот тоннель, подсвеченная светильниками и луной.

Наконец-то очнулся Ракеш, завозился, задержался испуганно и затих.

— А? Где? Что?

Дан прочистил горло и не без дрожи в голосе произнес:

— Мы в подземном городе.

— Как? Но... почему нас ракшас не выгнал?

— Он пытался. Толкнул. — Дан сейчас не был способен изъясняться осмысленными фразами.

Ракеш сел, и упругая сетка под ними закачалась.

— Вряд ли. Если б он захотел, то обязательно бы избавился от двух Эмиссаров нижнего звена... И толкнул бы наружу, а не внутрь... Что ты ему сказал?

— Правду.

— Вот же ты упрямец, Дан! — после паузы воскликнул Ракеш.

— Дело не в упрямстве, а... в дедушке Григоре... И остальных.

“Даже в хулиганах Картохе, Морковке и Ромме”, — добавил Дан мысленно. Он их всех спасет. Так или иначе.

— Тебе есть за кого страдать, — с чувством проговорил Ракеш. Дан не видел его лица, но подозревал, что оно выражает грусть. — А мои родители погибли из-за клановых войн в моем родном мире.

Дан к этому времени в достаточной мере пришел в себя после такого страшного падения и старался нащупать манипуляторами твердый пол под сеткой-батуттом. Зрение адаптировалось, замершие от ужаса индрии вернулись, и он смог сориентироваться.

Они висели на сетке посреди большого круглого каменного зала со сводчатым потолком, в центре которого зияла пресловутая дыра — нижняя часть колодца в башне. Из зала вело восемь сводчатых порталов, расположенных на равном расстоянии друг от друга, над каждым порталом висел тусклый светильник, а под ним виднелись вырезанные из камня символы. Один из символов Дан узнал сразу — мандала, похожая на ту, что была в парке.

Повозившись на трясущейся сетке, связанной из эластичных тонких нитей, смахивающих на паутину колоссального паука, Дан прыгнул на пол. Ракеш последовал за ним.

— Сожалею о твоих родителях, — сказал ему Дан.

— А, все в прошлом, — отмахнулся Ракеш. — Я, считай, нашел нового отца.

Не сговариваясь, они вошли в портал с символом мандалы и пошли по полутемному тоннелю, украшенному мордами невиданных зверей с тремя рогами, выпученными глазами и загнутыми клыками, надменными гранитными лицами богов, затейливыми барельефами, в которых сложно было что-нибудь понять. Вырезанные из твердой породы физиономии молча следили за пришельцами.

Тоннель протянулся метров на двести-триста и влился в высокий зал, освещенный более яркими лампами в виде восьмигранников, испещренных буквами Антарапура. Вдоль стен протянулись ряды высоченных полок из бамбука, с ромбовидными ячейками, заполненными свитками. Между полками за стеклянными перегородками высились статуи причудливых существ, одновременно похожих на людей и животных. В центре же зала возвышался подсвеченный многочисленными маленькими лампами стеллаж в виде конуса, ярусы которого были заполнены керамическими плитками с изображением мандал.

Дан и Ракеш зачарованно обошли зал, оглядывая высокие — метров в пять-шесть — полки со свитками, прислушиваясь к своим тихим шагам. Здесь царила тишина, а пыли нигде не было, и светили лампы — следовательно, это место часто посещают как минимум

Служители, чтобы навести порядок. Но Дан не чувствовал присутствия сторожа. Вероятно Держатели Тайн, устроившее это хранилище, надеялись на ракшаса. Кстати, где он?

За конусообразным стеллажом у стены между полками обнаружилась самая зловещая скульптура из всех здешних: уродливый пузатый и кривоногий гуманоид с тремя вытаращенными глазами, широким носом, клыкастым ртом и шестью тонкими руками, держащими над головой светящийся колокол. Статуя была двухметровая, а колокол размером превышал столитровую бочку. Она излучала очень мягкий красноватый свет, придающий и без того диким чертам чудовища еще более зловещий вид.

— Хранилище мандал! — выкрикнул Ракеш неестественно высоким тоном.

— Как найти нужную? — спросил Дан.

— Что тебе подсказывают индрии?

Дан постоял с растерянным видом, повернулся вокруг своей оси, прислушиваясь к ощущениям, зачем-то закрыл глаза и втянул спертый воздух ноздрями. Нет, индрии не подсказывали ровным счетом ничего. Перед веками лишь вспыхивали геометрически правильные линии разных мандал, но не складывались во что-то конкретное.

— Ничего, — наконец сказал Дан, открывая глаза.

Он увидел Ракеша, лицо которого сияло от радости, подсвеченное с одной стороны золотистым светом светильников на стеллаже, а с другой — красным сиянием колокола в руках шестирукого чудища.

— И мы так легко проникли! — восхитился Ракеш.

— Я бы не сказал, — буркнул Дан.

Ракеш развернулся и принялся ходить вокруг стеллажа, касаясь керамических плиток кончиками пальцев.

— Смотри, тут все Земли Нижнего Круга! А тут, выше, Среднего. А там — Высшего!

Дан присмотрелся к приятелю и заметил в его расширенных зрачках призрачные отражения мандал. Ракеш отражался в стеклянной перегородке, и его отражение совпало со стоящим за стеклом чудищем. У этого существа была морда, похожая на маску чужака, и коническая шапочка...

— Мне нужна только одна Земля, — произнес Дан, ощутив пробежавший по загривку холодок.

Ракеш обернулся к нему. Он, кажется, не слышал Дана.

— И все это в распоряжении Антарапура! — выдохнул он, широко улыбаясь. — Только жители этой Земли, назвавшей себя главной среди высших, могут странствовать по Бесчисленным Землям вселенной, торговать, развлекаться, интриговать и устраивать войны!

— Войны? — переспросил Дан. — Ты о чем, друг Ракеш?

— О страданиях! Чтобы избавиться от страданий и обрести счастье, люди должны уменьшить свои эгоистические притязания, свое эго, понимаешь? А что вот это все, — Ракеш воздел руки перед стеллажом, — как не способ потешить свое эго? Если бы у моих родителей были в распоряжении эти мандалы, они бы ушли на другие Земли! Они бы сбежали от врагов и остались живы!.. Но нет, они умерли, а меня подобрали Эмиссары, которые явились слишком поздно.

— И что ты предлагаешь?

— Восстановить справедливость! Хранилище мандал есть еще... в другом месте, у более справедливого хранителя, чем все Держатели Тайн вместе взятые...

“Что за хрень он несет? — мелькнуло в уме у Дана. — Крыша, что ли, у него поехала от

всего этого величия?”

Вслух он сказал:

— Слушай, а ты не забыл, зачем мы сюда залезли? Мои индрии молчат, а нам надо найти мандалу...

— Нет, конечно, не забыл, — ответил Ракеш рассудительно, перестав улыбаться. — А твои индрии и должны молчать — ты ж еще не достиг уровня распознавания нужной мандалы. Ты только неосознанно чувствуешь их и видишь в снах... Я хотел, чтобы ты, Данис, пришел сюда со мной, потому что только ты способен убедить ракшаса-сторожа. Ты настолько искренен в стремлении к спасению близких, что страж не увидел в твоём сердце-уме ни тени лжи. Он допустил нас! А я...

Он ловким движением выловил откуда-то из рукава горошину — спрессованную травяную таблетку.

— ...а я просто потерял сознание, чтобы страж не прочитал мои мысли.

Дан почувствовал, как напрягаются все мускулы, он шагнул назад, приподнял руки со сложенными манипуляторами.

— Ты кто такой, Ракеш?

Ракеш снова заулыбался.

— Я — человек, который спас тебя... трижды! Один раз я не убил тебя в твоём грязном городе, потому что ты меня сильно удивил своим упорством. Второй раз — когда я привел Эмиссаров нижнего звена в тот песчаный мир. За тобой, кстати! Если бы не я, ты бы умер в песках, растерзали бы тебя монстры. В третий раз я привел тебя в мир, где мы нашли парасаттву. Парасаттва — средство временное, но все же. И — видишь? — я старался не зря. Только твой упёртый ум-сердце открыл нам обоим дорогу сюда, в Хранилище мандал Антарapura! А сюда, между прочим, ужас как трудно попасть!

Его слова как бы скользили по краю сознания Дана, не задерживаясь и уплывая в глухую тишину подземелья. Дан слушал и не верил ушам.

— Чужак в маске, — пробормотал он. — Служитель Смарана... Это... ты?

Мускулы привычно отреагировали раньше разума — манипуляторы с лязгом развернулись и со свистом разрезали воздух.

— Спокойно! — сказал Ракеш, отступая. — Не нервничай так! Я не желаю тебе зла. Просто хочу достичь справедливости. Почему только один мир имеет набор всех ключей? Нехорошо, согласишься? А Смаран на самом деле желает одарить всех людей счастьем — безусловным и вечным!

— Как? Превратив в зомби? — спросил Дан, удивляясь тому, что все еще разговаривает с тем, кто прятался под маской. У него не укладывалось в голове это откровение, казалось глупым розыгрышем или недоразумением.

— Это неудачные попытки, — отмахнулся Ракеш. — До того, как я отыскал в твоём мире бомбу, которая усиливает магию Смарана, мы делали много попыток изменить Земли. Но всюду люди превращались в монстров, как в песчаном мире... Кстати, да, это — бывшие люди, если ты еще не догадался. Обычно, когда у меня что-то не получается, я говорю, что сделал это специально — шутки ради. Но сейчас скажу честно: я этого не хотел, и я исправлю то, что стряслось на твоей Земле. Еще не поздно. Мы научились создавать счастье для всех... Пойдем со мной, сам увидишь!

В висках у Дана стучала кровь. Он все еще не сдвигался с места, расставив руки с манипуляторами, похожими на два длинных складных меча. По телу пульсировал Поток,

готовый вырваться на свободу, но пока ничего не происходило.

— Ты справишь?

— Обещаю. Я не успел спасти родителей, так хоть спасу твоего деда и прочих жителей города.

Дана буквально трясло от переполнявших эмоций, но все же он немного успокоился: все равно ведь не может найти нужную мандалу, почему бы не послушать Ракеша?

— А потом ты раздашь эти мандалы всем Землям? Чтобы у всех была возможность ходить по мирам?

Ракеш закивал от смеха.

— Вот еще не хватало! Я просто хочу лишить Антарапур его привилегированного положения, вот и все. Он навязывает всем Землям свою волю — так или иначе. Некоторым — тайно. А еще... — Глаза Ракеша заблестели от удовольствия. — ...я все тут сожгу!

Прежде чем Дан что-либо предпринял, он набрал полную грудь воздуха и прокричал неожиданно звучным низким басом:

— ДА-ПХА-ТА! ЧУЛА-АГНИ-ЙЯ!

И снова рефлексы сработали раньше разума. Дан выбросил вперед манипуляторы и врезал ими прямо в голову Ракеша, стараясь опередить, не дать прокричать заклинание — или мантру? — до конца. Концы манипуляторов столкнулись с головой Ракеша с металлическим звуком — точно по колоколу кувалдой долбанули со всей дури, — и не причинили никакого вреда: Ракеш успел подключить элемент земли.

Волна огня всколыхнула воздух перед Ракешем, рванулась вперед и ударила в статую многорукого существа, почти мгновенно превратив его в пылающий факел. Вспыхнули и полки со свитками позади оплывающей статуи, там жадно затрещали, зачавкали языки пламени, и в зале сразу повысилась температура.

Дан не терял времени зря и снова атаковал Эмиссара. По совместным тренировкам он знал, что Ракеш не способен долго держать тело в состоянии элемента земли, в какую-то секунду он ненадолго расслабляется, чтобы снова собраться с силами, и в этот момент и надо наносить удары. Также Ракеш не может полноценно сражаться, когда его постоянно атакуют.

Правда, знание чудовищной мантры огня свидетельствовало о том, что Дану, Кирану и Ирис известны не все умения Ракеша. И действительно, Ракеш приблизился к Дану, схватил его за манипуляторы, не давая бить ими, приблизил металлически поблескивающее лицо и прошипел:

— Зачем? Зачем бьешься? Кроме меня, тебе никто не поможет! Ты не найдешь путь домой! А когда зашевелится Дамон, будет поздно, как ты этого не понимаешь?

Дан ослабил напор, чувствуя, как начинает колебаться. А ведь и правда: Шен Дамон вот уж три месяца не делает ровным счетом ничего, чтобы найти путь в Приполярье, — и вообще он псих. Эмиссары нижнего звена помочь не в силах, а Ракеш хоть и послужил причиной всех злосчастий Дана, но и не раз спасал его от смерти и один раз — от инвалидности, которую сам и вызвал...

Что, если Дан должен пожертвовать собой ради спасения Камень-града? Наплевать на последствия, не танцевать под дудку Дамона, не беспокоиться о карьере Эмиссара? Что, если прямо сейчас он должен сделать выбор и снова рискнуть всем?

Ракеш улыбнулся, заметив колебания Дана. Улыбка получилась добродушная, как и весь прежний Ракеш...

Но Дан стянул манипуляторы, преодолевая сопротивление стального тела. Ракеш сопротивлялся некоторое время, потом вдруг уступил, руки у него сложились неестественным образом, он нырнул вниз и выскользнул из стальных объятий манипуляторов как жидкость.

“Переключился на элемент воды? — поразился Дан. — Он разве владеет этой техникой?”

Получается, что владеет. Дан многое о нем не подозревал.

Ракеш тем временем со скоростью ящерицы очутился позади Дана, затрещал разряд, пахло озоном и дымком, а Дана сотрясло с головы до ног разрядом электричества. На миг подумалось: это Ирис вмещалась, что ли? Она тоже на стороне Ракеша? Но кроме них двоих в подземном зале под башней не было никого. Это Ракеш владел еще и техникой

электричества.

Разряд сильно потряс Дана, на несколько мгновений вышибив напрочь способность мыслить. Он повалился на пол, но успел сгруппироваться, изогнул полукругом манипуляторы и крутанул сальто с их помощью, как циркач в стальном колесе. Разворачиваясь в полете лицом к противнику, хлестнул по каменному полу, подхватил вылетевшие осколки и, наполнив их Потоком под завязку, швырнул в Ракеша.

Осколки врезались в Ракеша со скоростью артиллерийского снаряда, но тот успел включить технику земли, снова обретя твердость титана, лишь на груди и животе разорвалась одежда. Осколки при столкновении о твердь груди Ракеша разлетелись буквально в пыль.

“Так, — понял Дан, — он уязвим, когда меняет техники! Если просто бить его, он не выйдет из состояния элемента земли. Надо заставить его сменить технику!”

Он подскочил к Ракешу, используя манипуляторы как два шеста для прыжков, врезал ногами, опустился на пол и обхватил манипуляторами Ракеша за горло и поперек груди. Кожа Эмиссара обрела синевато-стальной оттенок, лицо Ракеша исказилось от напряжения, но манипуляторы стягивали захват все сильнее. Металл, из которого были сделаны манипуляторы, оказался прочнее техники земли.

Не выдержав давления, Ракеш резко перестал быть стальным и опять нырнул вниз, разом обмякнув. Он скользнул, как ящерица, между ног Дана и оказался позади. Дан обернулся, но недостаточно шустро и ощутил сильнейший удар по пояснице — по тому месту, где крепилась парасаттва.

Ноги у Дана подогнулись, чувствительность в них упала почти до нуля. Потрясенный, он оперся на манипуляторы, как на костыли, но все же не удержался и повалился на спину. Ноги при этом подогнулись как у тряпичной куклы.

У Ракеша появилась возможность окончательно добить Дана, но он не стал этого делать, отвернулся, раскинул руки. Одежда болталась на нем лохмотьями. Он набрал воздуха и проревел низким, почти нечеловеческим голосом:

— ДА-ПХА-ТА! МАХА-АГНИ-ЙЯ!

“Маха” на языке Антарапура означало “великий”, а “чула” — малый. То есть, вяло подумал Дан, огонь, вызванный мантрой до этого, был всего лишь “малым”.

Теперь же мантра вызвала великий огонь, который разносит камень на молекулы. Дан услышал хлопок, от которого заложило уши, пол содрогнулся под ним, пространство зала осветилось нестерпимо сильным светом, и Великое Пламя рвануло из одного конца зала в другой...

...и сжалось, собралось сначала в полыхающий шар, этот шар бешено вращался, потом — в раскаленный до слепящей белизны шарик, сжался еще сильнее, в точку над ладонью Шен Дамона, махасиддха Антарапура.

Лежащий у стены Дан не поверил глазам. Ракеш тоже был изрядно шокирован, разинув рот и часто моргая. Grimаса бешенства и упоения огромной силой стекала с него, как растаявшая восковая маска.

А Шен Дамон, такой же, как и всегда — хмурый, в карминных одеждах, волосатый, пучеглазый — сжал кулак, и великий огонь погас, пропав без следа.

— Ссоритесь, парни? — проворчал он. — А я-то считал, что вы подружились!

— Дамон! — хрипло прокаркал Ракеш.

— Решил уничтожить мандалы и защиту города? — будничным тоном осведомился

Шен, указав взглядом на многорукого человека. Точнее, на то, что от него осталось. — Ты так и не познал силы своевременности как основного принципа естественного закона бытия. Все должно происходить в урочный час.

Ракеш отступил на шаг и злобно, без всякого пиетета перед учителем, рывкнул:

— Болтун!

— И еще, — продолжал Дамон, — неужели ты думал, что защиту Антарапура можно снять в одном месте? Это легенда — для таких, как ты, Ракеш!

“О какой защите Антарапура он говорит? — подумал Дан. — Эта статуя — что-то вроде рубильника, отключающего защиту города? Но что это за защита? И от кого? От культа Смарана?”

Ракеш издал дикий и бешеный вопль, в котором звучало больше страха и отчаяния, чем ярости, и бросился на Дамона. Дальнейший бой потряс воображение Дана — он и не подозревал, что можно так биться. Ракеш на невообразимой скорости менял техники, то становясь твердым, то эластичным, как резина, то бил молниями, как Ирис, или просто демонстрировал навыки ближнего боя без магических техник. А вот Шен Дамон вообще не показал ни одной техники — он ускользал, просачивался между ударами, перенаправлял силу ударов по другой траектории. Со стороны представлялось, будто Дамон играет, в то время как Ракеш прилагает невероятные усилия, чтобы хотя бы коснуться противника.

Спустя три секунды Ракеш отпрянул, глаза его вращались, рот скалился.

— Да-Пха-Та! Маха...

Дамон, не особо напрягаясь, свернул направленный на него ревущий огонь в кольцо легкими пассами и, прищурившись от яркого света, ухмыльнулся:

— У меня ощущение, ученик, что ты не особо-то и стараешься! Разве я обучал тебя быть ленивым? Или это сделал другой твой Учитель?

Он швырнул плазменный шар обратно в Ракеша, и тот не успел уклониться — лишь вновь применил технику земли, превратив тело в непробиваемый металл. Пламя опалило его, ударило в центр зала и погасло, прогнав волну раскаленного ветра до Дана, который вынужден был отвернуться и сжаться в комочек. С Ракеша испарилась вся одежда, а сам он превратился в потрескавшуюся серую статую.

— Ты как, Дан Данис? — поинтересовался Дамон издали.

Дан оперся на локоть, потряс головой — чудилось, что волосы медленно тлеют, — направил внимание на ноги: по-прежнему слабы и бесчувственны.

— Терпимо, — сказал он.

— С тобой будет отдельный разговор, — пообещал Дамон. — Как ты собирался отсюда выйти?

— Я не собирался... Я хотел попасть в свой мир.

— Однобокая у тебя стратегия! Есть одно, нет другого. Если бы твой механический кот не сказал, куда ты ушел...

Дамон намеревался продолжить неуместную лекцию, но Ракеш вдруг ожил. С серой статуи посыпался пепел, под ним обнажилось голое и серо-стальное тело Ракеша. Голова, руки и ноги у него обрели обычную окраску. Он хрипло заорал — но не мантру, а нечто нечленораздельное. Поднял руки — и Дан отчетливо разглядел на предплечье, прежде всегда закрытом наручами, причудливый знак... Дан уже видел его — когда против воли переместился по мандале в первый раз вместе с чужаком в маске. Линии знака засветились оранжевым, а Дамон прокричал:

— Остановись! Это тебя убьет!

Но Ракеш продолжил орать что-то невнятное, скрестил руки со светящимися символами, и внезапно погас свет.

На Дана накатило странное зыбкое чувство, немного смахивающее на привычный страх высоты, но было в нем что-то еще, прежде неизвестное... Или давно забытое? Страх? Ужас? Кажется, это чувство посещало его давным-давно, в детстве, когда Григор в состоянии запоя покинул его в запертом доме без света. Дан и забыл это чувство, загнав его в глубины бессознательного.

Подключились индрии — в кои-то веки сработали как надо. На Дана повеяло чужой волей и пристальным вниманием, ни злым, ни добрым. Ни человеческим. Он ощутил энергию мандалы, которая возникла и тут же пропала. В подземном зале в крошечной тьме материализовалось еще что-то.

А потом светильники снова вспыхнули, хоть и не все — некоторые были разбиты вдребезги после недавних магических танцев.

В центре зала высилась новая фигура, трехметровая, внушающая подсознательный страх. Лицо — точнее, рожа — у этого существа напоминало золотую маску с дико вытаращенными красными глазами, в центре лба сверкал третий глаз — живой, вращающийся, влажно поблескивающий. В толстогубом широченном рту торчали, не помещаясь, загнутые белые клыки. Нос широкий, как у гориллы, ноздри вывернутые, уши растянутые, свисающие до плеч, с серьгами в виде свернувшихся серебряных змей. Голову “украшал” зловещий венец из отрубленных человеческих рук и черепов — что-то подсказывало Дану, что они настоящие. На макушке, выпирая над венцом, торчала еще одна голова, слишком большая для человека, с карикатурно искаженными чертами, сине-серая, с закрытыми глазами, мертвая.

Тело чудовища покрывали шипастые бронзовые на вид доспехи, руки были длинные, чуть ли не до колен, а ноги, напротив, короткие и толстые, как стволы вековых деревьев.

Чудовище выглядело настолько абсурдно, что Дан просто не мог поверить глазам, хотя и лицезрел его прямо сейчас.

Оно огляделось, вращая по-разному тремя глазами, легонько притопнуло ножицей по груди пепла на том месте, где мгновение назад стоял Ракеш, и низким басом, от которого задрожали полки со свитками, проревело:

— Так это Антарапур? Замечательно! Прекрасно!

Оно разинуло пасть, и из него выскользнул длиннющий пятнистый, как поганка, язык.

— Лучше тебе уйти, Смаран, — добродушно произнес Дамон. — Тебе тут не место. И не рады.

“Это и есть Смаран? — поразился Дан. — Бог?”

Смаран перевел два глаза на махасиддха, а третий — тот, что во лбу — не отрывался от Дана.

— И это говоришь мне ты, человек, познавший непостоянство и пустотность? Сегодня не место, а завтра будет в самый раз!

— Вот и придешь завтра.

Смаран притопнул, отчего содрогнулось подземелье и с куполообразного потолка посыпалась пыль, загрохотал:

— А я хочу сейчас!

Он протянул обезьяньи руки к Дамону, попытался схватить, но махасиддх вывернулся,

кувыркнувшись назад через голову. Смаран встал на четвереньки, пополз к Дамону, побряхтывая, хихикая и высунув пятнистый язык чуть ли не до пола. Дамон, отступая, уперся спиной в стену.

— Эй! — крикнул Дан. И швырнул камень, попавшийся под руку, влив в него Поток.

Камень врезался в бок Смарана, защищенный доспехами, и рассыпался в песок, не нанеся видимого ущерба. Смаран зашипел и наклонил огромную башку, словно вознамерился пободаться. Мертвая голова на макушке внезапно ожила, захлопала мутными желтыми глазками, зашлепала безгубым ртом, оторванные руки и черепа в виде венца тоже задвигались. Мертвая голова, которая оказалась не совсем мертвой, упала на пол, следом выпали руки и черепа. Все это месиво поднялось, различные части притягивались, прилипали друг к другу, и вот возле стоящего на четвереньках Смарана уже торчало небольшое существо, отдаленно напоминающее осьминога — только вместо щупалец у него были человеческие руки, а вместо обычного осьминожьего тулова — распухшая башка в окружении черепов, щелкающих челюстями.

Картина была немного забавной и оттого еще более ужасающей.

Костяной осьминог, быстро перебирая руками, с дробным топотом поспешил к Дану, а сам Смаран накинута на Шен Дамона. Дальше Дану было некогда наблюдать за махасиддхом, он сцепился с костяным уродцем, который, помимо всего прочего, еще и источал отвратительный запах протухшего мяса. Отрубленные руки “осьминога” вцепились в одежду Дана, холодные и твердые пальцы сдавили горло, залезли в рот и попытались выдавить глаза. Дан изо всех сил отодвигался, отплевываясь, но дальше была стена, он бил манипуляторами, но многорукая тварь от ударов лишь удовлетворенно побряхтывала. На это кряхтенье накладывалось утробно-рокошущее хихиканье Смарана, он подползал к Дамону, загоняя его в угол.

— Ты ловок, — прогундосила мертвая голова Дану, причем изо рта у нее полилась зеленоватая жижа, — но ты всего лишь смертный человек...

На этот отвратительный гнусавый, хриплый, жирный голос накладывалось утробное гудение, а Дан не сразу догадался, что те же самые слова проговаривает сам Смаран — в адрес Дамона. Костяная фигура была всего лишь марионеткой, повторяющей слова злого бога.

— Ты тоже смертный! — сказал Дамон.

— Моя жизнь закончится, когда погаснет последняя звезда! — хором прорычали два чудовища, огромное и маленькое, но оба одинаково омерзительные.

Дамон попытался выскользнуть из угла, в который его загнал Смаран, но длинный склизкий пятнистый язык перехватил махасиддха поперек туловища, блокировав руки. Собственными же руками Смаран ухватился за ноги Дамона.

Одновременно костяной осьминог оплел холодными лапами Дана, надавил на него невероятной тяжестью, гораздо большей, чем положено существу его размеров, — он будто был сделан из свинца и чугуна. Дан начал терять сознание, а сил не хватало для борьбы.

Прежде Дан никогда не имел дела с таким противником — не то, чтобы особо быстрым, но чрезвычайно вязким, неуклонным, неотвратимым, как стихия, нечувствительным к ударам манипуляторами. Еще бы: это ведь не какой-то мутант с разрушенного мира, это кукла настоящего бога! А сам бог Смаран скручивал сейчас Дамона, и Шен Дамон ничего не мог с этим поделать. Ни тебе вспышек магических техник, ни охренительных кульбитов — просто сила, тупая и запредельная.

“Вот и смерть моя пожаловала”, — подумал Дан. Впрочем, долго философствовать и раздумывать ему не дали. Раздался громкий треск, ярко вспыхнуло перед самым носом, и огромную мертвую голову смело куда-то в сторону, а Дан судорожно втянул зловонный воздух, как только холодные пальцы перестали его душить. Он барахтался на полу у стены, лязгая манипуляторами, а электрические разряды уже сыпались вокруг с бешеной скоростью, без остановки.

Скосив глаза, Дан увидел ворвавшуюся в подземный зал Ирис: на ней снова колыхалась какая-то ночная рубашка, почти такая же короткая, как приснопамятная футболка, но более женственная, в кружевных оборках. В руках Ирис сжимала двухметровый меч, а по его чешуйчатому лезвию скользили миниатюрные молнии. Следом за Ирис прыгнул Киран — он был в синих шортах и растянутой майке того же цвета. На его мускулистом и загорелом теле этот прикид выглядел недурственно, как на фитнес-тренере.

Оба Эмиссара набросились на Смарана и обрушили на него такой каскад ударов — электрических и вибрационных, — что злое божество с золотым трехглазым лицом вынуждено было отпустить Шен Дамона и задом отползти назад.

“Опять я лежу, и опять мне помогают друзья, — вяло, но с чувством подумал Дан. — Снова не дают мне загнуться из-за мерзких монстров... На то они и друзья, что приходят на помощь. Один друг, правда, предал, но эти двое верны чести Академии... Зря Шен и я подозревали Ирис — она прекрасна и честна. И Киран — самый лучший на свете”.

После таких прочувствованных мыслей оставалось лишь пустить скупую мужскую слезу, но Дан воздержался. Да и некогда было проявлять эмоции — сражение еще далеко не завершилось.

Божественное чудище по имени Смаран закрывалось одной рукой от ударов, жмуря три глаза от вспышек синеватого света, раззевало клыкастую пасть, ерзало на заднице. Осьминожка из мертвой головы, черепов и рук исчезла без следа, разорванная на мелкие куски вибрациями и мечом Ирис. Шен Дамон выскользнул из угла, куда его зажал Смаран, и примостился за спинами учеников, улыбаясь сквозь кудрявую бороду.

— Познакомься с моими учениками! — крикнул он.

— Киран! — пророкотал Смаран. — Разве ты не страдаешь от сословного неравенства? Я помогу тебе избавиться от этого страдания.

— Я уже сам избавился, не переживай! — откликнулся Киран.

Тогда Смаран обратился к Ирис:

— Держатели Тайн должны быть выше остальных сословий! В моей вселенной все люди станут Держателями или даже богами! Ты станешь богиней, Ирис! И все желающие тоже!

— Станут, — крикнула Ирис, орудуя оплетенным молниями мечом, — но своими силами! Мы никому не будем должны, особенно тебе!

Дан не мог больше лежать колодой, он начал подниматься — сначала осторожно и неуверенно, потом все быстрее и энергичнее. В спине стрельнула боль и застряла раскаленной иглой, но терпеть ее было можно — тем более что Дан привык к болям и в разы похуже. Ноги слегка дрожали и подгибались, но к ним, кажется, вернулась чувствительность и сила. Парасаттве на спине, похоже, досталось от удара Ракеша, однако ничего критичного не стряслось.

Разом вспотев, в болью в спине, Дан встал плечом к плечу с Эмиссарами и выставил вперед манипуляторы.

— А! — прохрипел Смаран. — Пришелец с грязной и темной Земли, тебе снова не придется? Разве тебе не нужен статус бога для достижения целей и победа над кармой низшего существа?

— Я не уважаю статусы и чихать хотел на карму, — сказал Дан. Получилось не то чтобы слишком пафосно, но вполне себе весомо. Наверное, именно так и полагается разговаривать со злыми богами.

Индрии подсказали: Кирана впечатлили его слова сильнее, чем Смарана. Эмиссар усилил напор, а с ним и остальные. Смаран перестал болтать и соблазнять, он отмахивался от ударов, ворочался как медведь, одолеваемый охотничьими собаками, золотая рожа корчилась, язык свешивался до пуза, — а потом бог неожиданно развалился на золотистые фрагменты, которые мгновение спустя рассыпались в прах, настолько мелкий, что его практически невозможно было разглядеть.

Пала мертвая тишина. Эмиссары настороженно стояли в боевых стойках, в полной готовности, напрягая индрии. Но нет — Смаран телепортировался через только ему одному известную мандалу.

Через секунду Дан осознал, что слабость и боль в нем сильнее, чем ему казалось в пылу боя, перед глазами потемнело, будто снова погасли все светильники, и он потерял сознание.

...И вновь, в который уж раз, ему снилась та самая, самая первая в его жизни мандала, и дед Григор, копошащийся на кухне, а за окном был приполярный день, неотличимый от ночи, и на подоконнике нес вахту робокот Базиль...

Дан проснулся в своей комнате в Академии Эмиссаров, в привычной постели, пропахшей сандалом. Стоял день, самый обычный день в Антарапуре, и теплый ветерок, напоенный запахом моря, колыхал легчайшие занавеси на высоких окнах.

Боли в спине не было, что не могло не радовать.

В комнату, постучав по косяку, вошла Ирис — с собранными в тяжелый узел белыми волосами, в темно-красных одеждах Эмиссара: длинной прямого покроя курточке и просторных штанах на широком поясе. Одной рукой она держала небольшой поднос.

— Я принесла тебе еду — ту самую, который ты угостил меня в мире культа Смарана, — сказала она, поставив поднос на тумбочку возле постели. — Только я добавила еще карри с рисом.

Дан засмеялся. Потом тихо сказал:

— Спасибо...

Он попробовал пошевелить ногой — ступня под тонким пледом послушно задвигалась. У него отлегло от души.

Ирис улыбнулась ему и ушла, а Дан приподнялся оперся на локоть, принялся брать еду с подноса и есть. Оказывается, он сильно проголодался.

По косяку снова коротко стукнули, и вошел Киран — тоже в прикиде Эмиссара. Он был серьезен и торжественно хмур. Слегка поклонился Дану и возвестил:

— Ты меня вдохновил, Дан, теми словами в подземелье... насчет статуса и кармы... Ты прав. В следующем году я буду снова проходить экзамены в Воины.

И, не дожидаясь реакции, развернулся и вышел, оставив Дана в некотором замешательстве, с полным ртом.

Когда вся еда была съедена, явился еще один гость. Старая добрая Керрту опять выполняла по отношению к нему профессиональные обязанности и, пользуясь возможностью, обрушила на него кучу подробностей о перипетиях в личной жизни. Дан

слушал ее и слабо улыбался, а потом, когда Керрту немного выдохлась, сказал:

— У меня к тебе просьба, Керрту. Я должен кое-что сделать, и мне нужно, чтобы кто-то был рядом. Кто-то, кто поймет.

Они пошли в парк, как всегда, безлюдный и тенистый, заполненный щебетом птиц и руладами цикад. Дан прихватил с собой старую шляпу Макса с обвисшими краями и в присутствии Керрту похоронил ее под раскидистым баньяном, сквозь ветви которого просачивались золотистые полосы солнечного света. Наверное, Максцу понравилось бы это тихое и уютное местечко.

Глупость, конечно, — хоронить шляпы, но Дану отчего-то стало чуточку легче. Словно он сделал то, что должен был сделать, и отпустил то, что следовало отпустить.

На следующий день, свободный от тренировок, в гости внезапно пожаловал Шен Дамон.

— Я действительно не знаю пути на твою Землю, Дан Данис, — заявил он, когда она вышли на террасу и присели на теплый парапет под декоративным деревцем. — Видно, еще не пришло время. Но когда-нибудь мы туда обязательно отправимся.

Дан молчал минуту или дольше, затем пробормотал:

— Возможно, мой мир заслужил свою судьбу. Наши предки только и делали, что воевали... А когда мы все чуть не вымерли, все равно восстановили военные базы, непонятно для какой надобности. Людей-то почти не осталось, а жить можно было только на узкой полоске суши вдоль Северного океана.

— Возможно, — сказал Шен. — А возможно, и нет. Судьба создается нами самими каждое мгновение бытия.

“Сейчас они наверняка все стали муравьями, крылатыми и безмозглыми, суесящимися под Глазом Смарана”, — подумал Дан.

— Мы победим Смарана, — пообещал Дамон. — Он не прав. Он хочет осчастливить всех разумных существ вселенной, похитив свободу выбора. А счастье без свободы, пусть даже внутренний, это такое себе... — Шен хохотнул. — Проще всех убить — уж мертвые-то точно не будут несчастливы!

— А вы знаете, в чем счастье? — спросил Дан.

— В единстве со всей вселенной, в открытости всему, что происходит, в принятии всего и каждого, в смирении с тем, кто ты есть каждый миг жизни. Когда возникнет истинное единение с миром, появится и сострадание ко всем живым существам, великое сострадание бодхисаттвы, Идущего Путем Света. И тогда можно будет вспомнить прошлые жизни... У тебя, например, прошлая жизнь как-то связана с мандалами, Дан Данис.

Дан неожиданно развеселился.

— А у махасиддхов есть сострадание?

— Конечно! — Шен напустил на себя оскорбленный вид.

— Да ну? — фыркнул Дан.

В ответ Дамон легонько щелкнул Дана по лбу, и тот, как обычно, не успел среагировать.